

уральский

следопыт

№11 * 1980**

РИТМ, РИТМ... ТРУДОВОЙ РИТМ ТРЕТЬЕГО СТУДЕНЧЕСКОГО СЕМЕСТРА! ЭКОНОМИКА И ПОЭЗИЯ, МЕХАНИКА И ФИЛОСОФИЯ — ВСЕ ИНСТИТУТСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ, ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ НАУКИ ПРОЙДУТ ЧЕРЕЗ ЖАРКИЕ ОТ РАБОТЫ ЛАДОНИ. ПОДНИМУТСЯ ЗДАНИЯ НА ПУСТОМ МЕСТЕ, И БУДУТ ГОВОРИТЬ ЛЮДИ: ЗДЕСЬ РАБОТАЛ СТРОЙОТРЯД.

СВИСТ ШАЛЬНОГО ВЕТРА НА ВЫСОТЕ, ГУСТОЙ ЗАПАХ ЗЕМЛИ, ЧРЕСПОЛОСИЦА СОЛНЦА С ДОЖДЕМ, «ЯРОСТНЫЙ СТРОЙ ГИТАР» И РАБОТА, РАБОТА — ЭТО И ЕСТЬ СТУДЕНЧЕСКАЯ НЫНЕШНЯЯ ПЛАНЕТА «ЦЕЛИНА».

СТРОИТЬ — ЭТО ЗДОРОВО!..

*Фото А. Лыськова
и В. Санатина*

в номере:

НТ-80	2
Ю. Борисихин НА ЗОВ ПРИПОЛЯРНЫХ ВЕРШИН	4
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	10
В. Лобов ТРУДНАЯ ШКОЛА	12
А. Соларев ПЛАНЕТА «ЦЕЛИНА»	15
А. Нагибин СОКРОВИЩА ИЖЕВСКОГО АРСЕНАЛА	16
Л. Селиванов НАМ БЫЛО ВОСЕМНАДЦАТЬ...	17
Л. Шкавро В. Сляднева ВСЕ ТО, ЧЕМ Я ЖИВУ. Стихи	22
Р. Валеев ВЕЧЕРОМ В ИСПАНСКОМ ДОМЕ. Повесть. Начало	24
С. Бусыгин «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» ИДЕТ ПО КАМЕ	36
В. Козлов САЛДИНСКИЕ ТАЙНИКИ	37
Я. Андреев ОТ ВЕКА К ВЕКУ...	38
Д. Шаталов СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ	39
В. Фирсов СРУБИТЬ КРЕСТ. Повесть. Окончание	40
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	55
Б. Рябинин КАК ЖИЗНЬ, СТАРИНА КОСОТУР!	58
Л. Фомин ЛЕСНЫЕ КУРЬЕЗЫ	63
И. Беляев ТРАВЫ, ТРАВЫ...	68
А. Чуманов НЯНЕЧКА. БЕСТОЛКОВЫЙ СНЕГ	75
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя. БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30.07. 1980 г.
НС 11569.
Подписано к печати 17.09.80 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,2
Тираж 249 000.
Заказ 563.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки рису-
нок С. СУХОВА.

© «Уральский следопыт», 1980 г.

№11 * 1980

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

**«Дружные»
вагоны**

**Замораживая,
не повреди**

**Могучий
могучего везет**

**Студенческий
котел**

**Сделай себе
карт**

**Огонь
и электроника**

Выполняя решения XXV съезда КПСС, вместе со всем советским народом Ленинский комсомол, юноши и девушки успешно трудятся над выполнением грандиозной программы социально-экономических преобразований в стране. 80-й год — год активной подготовки к XXVI съезду КПСС.

Завершился Всесоюзный смотр научно-технического творчества молодежи. За годы десятой пятилетки число участников смотра возросло до 20,3 миллиона человек. Значительно повысилась эффективность внедрения молодежных разработок. Только за последние четыре года молодыми новаторами внедрено в народное хозяйство 4,7 миллиона рационализаторских предложений и изобретений с общим экономическим эффектом свыше 5,9 миллиарда рублей. Сегодня научно-техническим творчеством охвачено также более 8 миллионов школьников и 1,5 миллиона учащихся профессионально-технических училищ. Для юных техников создана большая сеть внешкольных учреждений. В 4,5 тысячи Дворцов и Домов пионеров, 2300 станциях и клубах юных техников, 270 научных обществах учащихся сегодня занимается свыше 5 миллионов детей.

Предметом особого внимания комсомольских организаций является развитие научно-технического творчества у учащихся профтехобразования. Участие в рационализаторстве и изобретательстве, техническом творчестве стало важной составной частью учебно-воспитательной работы по подготовке высококвалифицированных рабочих кадров.

Характерной чертой творческой деятельности молодежи, занятой в народном хозяйстве, стала коллективность новаторского труда.

В стране сегодня насчитывается более 360 тысяч общественных молодежных творческих объединений.

Более 750 тысяч юношей и девушек ежегодно обучается в 31 тысяче школ молодого рационализатора и изобретателя.

На основе 2,2 тысячи договоров о творческом сотрудничестве за пятилетие выполнено 3,7 тысячи научно-технических разработок с экономическим эффектом около 116 миллионов рублей, организовано шефство над выполнением 3,2 тысячи исследований, разработок и проектов, в том числе над 40 актуальными темами, выполняемыми для объектов атомной энергетики, Байкало-Амурской магистрали, нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири.

Например, молодые новаторы Тюменской области уже несколько лет специализируются на разработке и решении проблем в рамках комплексной темы «Нефть и газ Западной Сибири». Успешно проводятся такие важнейшие исследования, как социально-экономическое развитие нефтяной и газовой промышленности, охрана окружающей среды, геологическое строение и полезные ископаемые Западно-Сибирской равнины.

В пропаганде достижений науки и техники, передового опыта молодых новаторов ответственная роль отводится выставкам научно-технического творчества. На предприятиях, в организациях, районах, городах, областях, краях, республиках прошло 49 тысяч выставок научно-технического творчества молодежи.

Итог этой большой работы показан на центральной выставке НТМ-80, которая стала школой передового опыта для молодежи.

Катастрофы не будет

Представьте, что вагоны идущего в гору электропоезда разъединились... Кажется, катастрофа неизбежна. Но она не произойдет, если экспресс будет оборудован роликовым трибометром, сконструированным группой московских студентов под руководством кандидата технических наук Ю. М. Лужнова. Новое устройство определяет коэффициент трения между колесом и рельсом. Предназначается оно для измерения прочности сцепления между вагонами электропоезда.

До сих пор эту работу выполняли люди. Два-три путеобходчика периодически проверяли состав. Теперь для этой операции требуется всего 20 секунд, причем трибометр работает во время движения поез-

да. Чуткий прибор проходит испытания на поездах. Экономический эффект от внедрения студенческого изобретения составит 1 миллион рублей в год.

Магнит и мороз

Древнейший способ хранения продуктов — замораживание. Но исследователи доказали, что мясо, рыба, овощи тем дольше и полнее сохраняют свои питательные свойства и первоначальный вид, чем меньше кристаллы льда, которые в них образуются при замораживании.

Молодые ученые Всесоюзного института пищевых продуктов устранили это противоречие. В одной уста-

новке они объединили усилия: тогда и... постоянного магнитного поля. Меняя напряженность поля, можно задавать процессу охлаждения любой режим, управлять размерами и количеством образующихся кристалликов льда. Магнит к тому же может «делать» самые разные кристаллы. Для мяса он создает их в форме мельчайших иголочек и направляет вдоль волоконцев. После оттаивания в этом ценном продукте не возникает даже мельчайших механических нарушений структуры.

Опытной установкой, созданной молодыми новаторами, заинтересовались уже предприятия пищевой промышленности.

«Гигантовоз»

Десятки тонн весят громадные турбины для электростанций. Перевозить такие машины чрезвычайно тяжело, а в некоторых случаях невозможно. Приходится транспортировать их по частям, а затем собирать на месте.

Принципиально новый железнодорожный транспортер сочлененного типа предназначен специально для перевозки крупногабаритного энергетического оборудования. Ввод его в строй даст стране свыше 6 миллионов рублей экономии! Созданный молодыми новаторами уникальный образец этого транспортера изготовлен на Ворошиловградском производственном объединении тепловозостроения. В отличие от машин подобного типа в украинском варианте применена автоматическая система управления домкратами для погрузки и выгрузки огромных турбин.

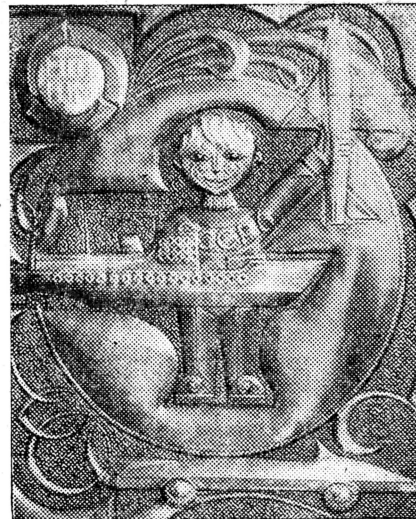
Пассажирам — тепло

Неуютно, а иной раз и просто холодно зимой в нетопленном пассажирском вагоне... В Министерстве транспортного машиностроения СССР не раз задумывались о том, как победить холод в пассажирских поездах. И вот молодые новаторы трех ведомственных организаций Москвы (Всесоюзный научно-исследовательский институт вагоностроения), Киева (научно-исследовательский институт серийного транспорта) и Калинина (Калининский вагонный завод им. М. И. Калинина) разработали водогрейный котел для отопления пассажирских вагонов. По словам представителей этих институтов и завода, они выбрали оптимальное соотношение поверхностей нагрева топки, и котел стал и производительным, и легким.

Опытный образец изготовили в 1979 году, а молодые изобретатели получили авторское свидетельство. Намечено серийное производство нового котла.

Столичные гонщики

Оригинальны гоночные автомобили типа «карт», разработанные юными техниками Дворца пионеров им. Н. К. Крупской Бауманского района столицы. На микроавтомобилях применена клиновидная рама заданной жесткости, надежные тормоза, поставлено удобное сиденье

для спортсмена-гонщика. Карты, сконструированные ребятами, радуют законченностью отделки. Спортсмены Дворца пионеров не раз завоевывали на этих машинах призовые места во всесоюзных соревнованиях.

Экономная форсунка

Форсунка, изобретенная студентом кафедры «Локомотивы и локомотивное хозяйство» Московского института инженеров транспорта, служит для того, чтобы сократить расход топлива тепловозного дизеля и увеличить его экономичность. Новая форсунка намного легче и удобнее в эксплуатации, чем ранее применявшиеся. Она оснащена электронной системой управления, позволяющей регулировать подачу топлива в зависимости от режима работы двигателя.

На снимках (они сделаны на всесоюзной выставке НТТМ-80): один из стендов выставочной экспозиции, который показывает различные автопогрузчики, придуманные юными техниками; чеканка, выполненная ребятами из Ярославля.

Фото
А. Земляниченко и С. Зигуненко

НА ЗОВ ПРИПОЛЯРНЫХ ВЕРШИН

**Юрий
БОРИСИХИН**

Фото автора

Аркадий Кузовников упал на облитанную солнцем желтую прибрежную гальку, натягивая на голову полы пиджака. Пригнулся под свистом лопастей вертолета тальник, шугнул рябь по заливику... А мы уже ушли высоко. Халмерью стала темной ниткой, и только гигантская зеленая сопка, уже прожелтенная осенними березами, еще плыла в виду, пока и ее не заслонили синь гор и белизна забитых снегом морщин их...

Потом долгий месяц буду видеть памятью эту сопку; представится, что именно с нее сойдем к оставленным в диком месте Кузовникову и Кокину, но все случится иначе.

Как-то у Тургенева прочитал, что русский мужик в беде и сильном горе падает навзничь, тянет на головушку одежды. Мы хоть и не в беде оставляли друзей, но в одиночестве...

Настал черед подсобной четверки: Валеры Медведева, Бориса и Елены Рязановых, Наташи Бирюковой. Полетели из вертолета мешки с провизией; я успел запомнить только вросшие в траву тракторные сани; никто еще не знал, с каким недоумением и беспомощностью будем крутиться около этих саней в поисках продуктов.

Впрочем, интрига — не лучший способ увлечь за собой читателя; на момент забыли про оставленных друзей, когда взмыли высоко-высоко и увидели разом узел высочайших вершин Урала, мощные ветви Исследовательского хребта. Мы как бы принимали парад вершин, строго-черных, с ослепительными манжетами снежников — пики Янченко, Манараги, Защиты, Народной и пока безымянную, похожую на каменную медузу с ее четырьмя отрогами вершину — будущий пик «Уральский следопыт». А когда вертолет выбросил нас в болотинку, под ногами хлюпнула холодная вода, загудели комары, мы быстро присмирели, потащили за собой скарб на сухой бережок.

Теперь бы и нашу шестерку кто пожалел — таким неуютом и необжитостью дохнул Приполярный Урал; на минуту я испытал вовсе не теоретическое одиночество: на сотню

верст вокруг, возможно, ни жилья, ни души человеческой: три наши группы разбросаны по нитке в 180 километров.

Но под бережком шумела речка, на бережку зеленели лиственницы, а где вода и дерево — там и жизнь...

Итак, первого августа разбили двухпалаточный лагерь недалеко от подножий вершин хребта Колокольни, в устье реки Профиль Манараги. Как и почему мы здесь оказались?

Идея этой экспедиции, пожалуй, одной из самых сложных в истории свердловского туризма, принадлежит Владиславу Георгиевичу Карелину, заведующему лабораторией института теплотехники, мастеру спорта.

Воды, травы, камни Приполярного Урала давно уже испытывают предельную нагрузку от туристского паломничества со всех концов страны в любое время года. Причем влечет сюда именно сложность маршрутов, возможность практически за день пережить уникальную смену ландшафтов — от утопающих в цветах полей в нетронутых уголках низинной тайги до обледенелых стенок зубцов Саблы или Манараги на высоте под два километра со свистящим там ветром, густым облачным кружевом...

Идут на Приполярный зимой, идут летом, пробираются осенью, пробиваются весной... Идут подготовленные группы и сами по себе, со спортивными целями и без особых целей.

Идея была простой — попытаться доказать возможность разгрузки низовых маршрутов, которые проложены, как правило, по речным долинам, вывести часть туристского потока к предвершинам, на траверсы горных пиков... Что этим достигается? Усложняются маршруты. На траверс пойдут более опытные, технически и, что особенно важно, экологически подготовленные группы. Не подготовленный турист — неряшливый турист. Он и мусорит, и дерево не то рубит, и палатку не там ставит. Это не всегда злонамерение, но всегда итог разжиженности цели похода или полное отсутствие ее.

Да что неподготовленный! Нын-

че зимой польские альпинисты совершили неслыханное по дерзости зимнее восхождение на высочайшую вершину — Эверест. Раньше подобное считалось невозможным из-за невыносимых морозов и ураганов, но альпинисты переступили порог невозможного... И казалось бы, этот ослепительный успех должен был затмить разговор о неприятных моментах. Но польский журналист, участник экспедиции, пишет: «Весь классический маршрут на Эверест походит на одну длинную свалку. Здесь оставлены тонны отходов. Трудно найти чистое место для палатки и чистый лед для приготовления воды. Его приходится носить издалека. На леднике Кхумбу на каждом шагу встречаются рваные веревки, палатки, ботинки и т. п. Весной, летом и осенью все прикрыто снегом, а зимой, когда сильные ветры его сдувают, свалка обнажает свое безобразное лицо...»

Для природы это — физически сильный удар, для альпиниста и туриста — эмоциональный шок, порой отбирающий остатки сил. Помню, в самый сложный момент восхождения на Манарагу, когда встал вопрос идти вперед или вернуться, мы сошли с тропы, чтобы среди живой травы прийти к решению. И вдруг в этом, казалось бы, первобытно-глухом месте мы увидели развал консервных банок и подвешенную на веточку пустую бутылку из-под шампанского...

В другой, более щадящей ситуации это сошло бы за юмор, но нас вид свалки ошеломил, обидел. Днем раньше спускались с пика Свердловских туристов. Ничто не нарушало торжественности момента — шли только по камню, только по снегу, видели только вершины — и внизу, и далеко. И вдруг — красная обертка от шоколадной конфетки, которую обронил сам же при подъеме. Я оторопел: так быстро сошла торжественность, обертка заслонила сияние горы!

Идея Владислава Карелина впитывала еще одну тенденцию — соединение в наиболее сложных походах туризма и альпинизма. В спортивных целях был запланирован траверс высотной части Исследовательского хребта. Вот почему взятое нами снаряжение больше смахивало на альпинистское: на ногах — трикони (с подметкой, снабженной металлическими трезубыми пластинками), в руках — ледорубы, альпенштоки...

А вообще, горы по степени сложности подъема на них делятся (у туристов — маршруты) на 12 категорий: 1а, 1б, 2а, 2б и самая трудная — шестерка.

На Приполярном Урале нет маршрутов ниже четвертой категории сложности, если совершенно, конечно, восхождение. А какой смысл идти сюда, если не сходить на гору?

Пик Евгения Масленникова, первого мастера спорта по туризму на Урале.

Наш маршрут, хотя он и экспедиционный, можно считать высшей категории сложности, ибо пешеходные «шестерки» вообще крайне редки. Экспедиция «Комсомольской правды» на Северный полюс — это «шестерка». Но ведь то полюс Земли!

По размаху, оснащению да и по значимости наша экспедиция не равня полусюной. Но как узнаются их переживания...

Вот что писал один из участников — Хмелевский — о пережитом на Северном полюсе: «У меня вдруг возникло острое чувство неотделимости от ребят, которые стояли рядом. Не потому, что они трижды вытаскивали меня из воды, и не потому, что мы закончили маршрут, одержали победу. А потому, наверное, что без них не было бы всего этого — этих прекрасных, мучительных, трудных 76 дней. У меня вдруг возникло острое, почти физическое чувство готовности пожертвовать своей жизнью за каждого из этих ребят...» И еще: «Я за то, чтобы замачивать на дела большие, за то, чтобы переживания были глубокими. При таком подходе жизнь всегда содержательнее, интереснее, веселее. Полюс и передвижение к нему

дали нам очень глубокие, сильные переживания. Эту ценность не купишь. И никто не сможет ее отнять. Это всегда будет с нами, что бы ни случилось...»

Я верю в нужность, искренность этих серьезных свидетельств.

Помню, перед погрузкой на вертолет мы присели на лавочке гостиницы в Печоре. Достали гитару. И песня, которую мы спели негромко, так удалась, так достала до сердца, что я в тот момент пережил нечто похожее на описанное Хмелевским...

Я любил всех и был готов на все для моих новых друзей.

И кроме главной цели — пика Масленникова, чисто спортивных, научных целей, которые мобилизовали и звали на лишения, у каждого была еще своя сокровенная и не всегда выразимая цель похода.

Знаменитый французский альпинист Параго говорил: «Совершать восхождения — это значит не только бороться с препятствиями, это искать смысл жизни...»

...И для каждого из нас экспедиция то продолжает, то венчает какие-то глубоко личные жизненные планы. Меня, конечно, волнует пик «Уральский следопыт». Станислав

Карелин увековечит имя своего наставника — первого мастера спорта по туризму Евгения Масленникова, — в его рюкзаке металлическая плита, которая будет венчать пик вершины, под которой мы стоим.

Владимир Рыбин — врач. Он потихоньку за нами наблюдает, видно, ему для профессиональных целей нужно знать, как меняется характер человека в зависимости от продолжительных напряженных ситуаций, какими будут восхождения. Володя Суриков прилежный ученик Карелина. В этом походе он учится руководить, поэтому сам предельно собран. Да и вообще он немножко аскет. Внешне, по крайней мере. Николай Белобородов и Валерий Шляев спокойные, бывалые парни... Николай — опытный водник. Он предвкушает первосплав по Халмерью и поэтому терпит восхождения, которые, конечно, любит, но не самой отчаянной любовью.

...Наши палатки — на западном склоне. Он-то как раз самый дождливый — около 1000 миллиметров осадков. Высота лагеря — около 600 метров. Здесь так называемый подгольцовый пояс. Свыше 800 метров — горная пустыня. Из лагеря видим, где кончается зеленая зона, последние лиственницы. И конечно, к вечеру тянет сыростью, туманом. Стал накрапывать дождик. Мы укрылись в палатках. Началась туристская жизнь...

С первого же восхождения — на пик Свердловских туристов, где установили доску с эмблемой клуба, — возвращались с небольшой потерей. Под дождиком, который не перестал и утром, обронили металлическое острие от ледоруба — штычок. Карелин явно расстроен. Подъем идет часто по крутым снежным языкам, а без оснащенного ледоруба, на одних триконях, эта процедура небезопасна.

Зато вечером пьем чай с золотым корнем. На срезе он пахнет грибом, а чайный взвар дает нежно-золотистый цвет, мягкий вкус. Володя Рыбин сразу готовит запас, это немного в его духе — иметь не только на сегодня.

Пик Масленникова закрыт туманом. А нам он нужен свободный, солнечный, запланирован фильмом об установлении мемориальной доски. Для Карелина вопрос о хорошей погоде для восхождения принципиален: доска в память первого мастера спорта по туризму на Урале Евгения Масленникова должна быть на вершине!

Евгений Масленников в уральском туризме фигура известная. Еще в 1945 году он плавал по Чусовой. Водил свердловских туристов на Алтай, Кавказ... Но родную сторону любил особенно. Его книга «Путешествия по Уралу», где описаны десятки, ставших хрестоматийными

маршрутов, — настольная книга туристов.

В 1954 году он искал выходы на пик Колокольня. Но карта была крупномасштабная, группа ошиблась, и поднялась на пик Урал. И вдруг обнаружили, что рядом еще вершина, причем более высокая. Сам Масленников на нее не поднялся. Не поднялся он, взошли друзья.

Карелин тщательно пакует доску — все же нести ее не ближний свет.

А я запутался в тряпках. Брал вроде необходимое, а вот поди ж ты. Вообще же, полутоннажный экспедиционный груз насчитывает около 800 предметов. И это после тщательного отбора. Оставлено самое-самое необходимое. Ничего нельзя терять! Вот что, например, уместилось в моем рюкзаке: спальник, костюм штормовой, анорака, брюки, накидка, две рубашки, теплое белье, трусы, плавки, свитер (два), кроссовки, носки шерстяные (три пары), перчатки, рукавицы, накомарник, фляжка, носовые платки, тент для палатки, флакон ДЭТА, клей БФ-2, ремнабор, меховая подстилка, подтяжки, два полотенца, фотоаппарат с кассетами, поролон, чашка, ложка, кружка, дневник, томик Льва Толстого «Воскресение», это не считая двух фляг бензина и нескольких килограммов продуктов. Рюкзак ворочится несколько раз в день, укладывается, уминается, чтобы имел и геометрически приятный вид и не смещал центр тяжести при ходьбе. Но это в идеале. Вид у рюкзака угрожающ...

Отдыхаем после первого восхождения. Ничего удивительного, что группа Масленникова перепутала вершину Колокольни с другой. На пике Свердловских туристов мы нашли записку туристов города Бендеры, которые искренне были убеждены, что взошли на Колокольню. А она — рядом, в трех километрах...

Кстати, «Уральский следопыт» печатал материалы по этому спорному вопросу: где же настоящая Колокольня? Мне было приятно удивительно, что журнал дает точный адрес.

Туман висит низко, но в разрывах видим голубизну — признак, сулящий ясный день. После обеда исчез Володя Рыбин. Ушел якобы прогуляться. По времени мы догадывались, что он пошел разведать подступы к пику Масленникова. А все равно тревожно: чувство, что человеку, быть может, нужна помощь, а ты в неведении — самое тяжелое в горах.

Но можно понять и Володю — застоялись малость, так хочется размяться... Зов близкой горы в таком случае неодолим. Как бы там ни было, Рыбин зарабатывает по возвращении строгий взгляд Карелина.

Мы же удовлетворились тем, что при восхождении Володя стыдился своих первопроездческих следов...

А на завтра в полдень млеем на пике Масленникова. Прекрасно виден почти весь Исследовательский хребет — Манарага, Янченко, Народная, Защита. Подъем был нелегкий. Вершинный конус, как пирамида, составлен из разнообразно торчащих громадных кубов и многогранников, их надо обходить, перелезать, брать в лоб.

Последний марш до вершины Карелин нес доску сам. Лица его не видел, но по движениям, несколько даже эффектированным, было ясно, что счастлив Карелин, счастлив. Увековечить память друга что-то да значит. Мы торжественно молчим и немного позируем для фильма Коле Белобородову.

Завораживает Манарага — одна из сложнейших вершин Приполярного Урала. И красивейших! Больше века назад, в 1850 году, здесь прокладывала путь Североуральская экспедиция русского географического общества под руководством Гофмана. Был в ней и художник И. Бармелев. Он зарисовал Манарагу, но откуда — понять было трудно. И вот мы, кажется, отыскали место — очень похоже, что с пика Масленникова. Верно заметил Рерих, что везде что-то было. Даже дикое эти места имеют свою, достаточно населенную историю... Новгородцы уже в XII веке хаживали в бассейн Печоры. Летописцу Нестору, автору «Повести временных лет», новгородец Гюрата Рогович рассказывал: «Путь к тем горам непроходим из-за пропастей, снегов и лесов, так что не везде доходишь до них...» И о самих горах: «Удивительное мы встретили новое чудо, о котором до сих пор не слыхивали: есть горы, высота до небес...»

В 1465 году Иван III прибрал к рукам югорские земли. Князья югорских доставили в Москву, а сам Урал москвитяне отобрали у новгородцев. Те сопротивлялись. Тогда Иван III послал рать и окончательно закрепил земли. Причем через хребты тащили флотилию. А Европа долго не верила, что там есть горы. В 1523 году посланник папы Климентия VII Компанезе писал: «...во всей Московии не встретишь ни одного пригорка». Но скоро — в 1526 году — австрийский дипломат Герберштейн уточнил: «За этой рекой (Печорой) простираются до самых берегов ее, высочайшие горы, вершины которых впоследствии непрерывных дуновений ветров лишены всякого леса и почти даже травы. Хотя они в разных местах имеют разные имена, однако называются Поясом Мира».

Я вовсе не против, чтобы именно так назывался родной Приполяр-

ный Урал, а пока валюсь в высококую с жарким дурманящим запахом траву, раздавленный рюкзаком и усталостью.

«Сделав», как говорят альпинисты, две вершины, мы сняли лагерь и через перевал направились к реке Косью, чтобы оттуда совершить радикальный выход на Манарагу и верхами подобраться к висячим озерам, над которыми стоит пик, так маячащий меня. За день нужно перевалить хребет, спуститься в тайгу, переправиться через холодную и быструю Косью, встать лагерем.

Солнце не щадит. Места совсем нехоженые. Видно, как резвился медведь: примята трава, разворочен муравейник. Много завалов, из-под мха торчат острые сучья. В лицо лепится паутина, нудят комары.

Просто тяжко. Особенно первые часы. Бездорожье, пни, бурелом. Чужой мир... Какие там красоты, какой диалог с природой! Нарастает чувство тупой усталости, раздражения; и вдруг — троп! Как немного надо для радости! Весело топаем, хотя и согбенные под колпами рюкзаков — тропа выведет куда надо. Когда слышите в песнях о чувствах человека, обретшего тропку, верьте искренности их...

Карелин на Манарагу не пошел — он был там и летом и зимой. Двинулись впятером. Очень некстати забусил дождь. Через час мы уже вымокли насквозь. А впереди еще переправа, болота, лес, обледенелые стенки предвершины. Мы остановились. И если бы не та злосчастная бутылка шампанского, мы, может быть, повернули. Обозлились и двинулись к цели... Слева тайга, мох, вышли на гольцы. Вершина стояла в густом тумане. Быть на Приполярном и не взойти на Манарагу — это себе не простить. Но двенадцатикилометровый путь до предвершинных скал, конечно, поубавил сил.

Вперед уходит Шляев. Он уже бывал на Манараге. Скоро мы скрываемся в тумане, идем почти в молке. Шляев не взял трикони, а в резиновых сапогах на мокрых камнях надо иметь отменную технику.

Валерий — одаренный альпинист и турист. Идет мягко, без усталости, ведет нас не быстро, но, чувствуем, без плутаний. Предвершинная стенка действительно сложная. Продвигаемся осторожно. Внизу в страшном провале курится туман. Тропа идет как бы винтообразно. Скалы холодные и мокрые. Неуютно...

О чем думается на вершине? В металлическом пенале находим записку — молодой отец пишет своему сыну: «Когда взойдешь сюда, поймешь, что любил твой отец. Верю, что взойдешь...»

Тоже думаю о сыне. Ему десять лет и он морщится, когда прихо-

дится чуть переработать, услужить другому. Пойдет ли он в горы? Если человек ищет истину, горы он не обойдет. Достаточно посмотреть на лицо друга, вместе преодолевшего лишения похода, чтобы понять: вершина — это честность. Это — правда. Сюда нельзя зайти никак иначе, только через личные усилия и сверхусилие.

Вспоминается судьба лучшего скалолаза страны Михаила Хергиани. По общему признанию мировой горновосходительной элиты, он был в свободном лазании одним из лучших восходителей всех лет. Альпинистский риск, полная самоотдача определили его блистательные успехи. Он был свободен от боязни смерти, переживая ощущения полной раскованности, немислимой доселе. Он погиб на одном из сложнейших классических маршрутов Ливанос — Габриэль в Италии. Камень перебил страховую веревку...

Что доказал этот человек поразительной смелости? И что вообще доказывает смелость? И Хергиани земляки ставят гранитный крест как герою... Смелые люди — драгоценное достояние нации.

Моему сыну пока ничего не грозит в этой жизни. Это приятно. Да только что за лето без гроз...

Шапка шевелящегося тумана так и осталась на вершине, а мы, чужь спинами сырое облако, смотрели игру солнца с голубой далью, горами, лесом. Менялось освещение,плыли высокие облака, и было так много простора...

Зато тесная тропа, скользкая и сырая, отобрала остаток сил. Перед лагерем еще видение: в низине не тронутое ветром черное гладкое озеро. По нему плывет утенок, растягивая за собой идеальной геометрии треугольник. Сейчас, когда мне надо успокоиться, я включаю в память это озеро покоя...

...Разбередила нас Манарага. У костра говорим о жизни. После удачных восхождений хочется что-то изменить в лучшую сторону, исправить ошибки, избежать неправильного. Как хорошо принимается сердцем толстовская проза: «Это чувство как бы раскрыло в душе Нехлюдова поток любви, не находившей прежде исхода, а теперь направлявшейся на всех людей, с которыми он встречался».

Не захопываю книгу, пока не замирает костер...

Девятое августа — самый сложный день. Вечером мы увидели пик «Уральский следопыт». Но до него — шестая по «верхам». Именно тот усложненный маршрут, который экспедиция будет рекомендовать. Медленно набираем высоту. Напряжение предельное. Альпинисты идут на восхождение или без рюкзаков, или с не очень тяжелыми. У нас

вес — под тридцать... А что такое идти по «верхам»? Сбегающие с перевалов речки промыли глубокие проемы. Их не обойти. Спуск — подъем, спуск — подъем. Сколько речек, столько спусков и подъемов. А речек никто не считал...

Одно утешение, и то оно приходит позже, — это настоящий труд! Спуски по осыпям и плоским плитам совсем не просты и в техническом отношении. Поражает чутье Карелина. Он находит среди каменных глыб, валунов и скальных отвесов незаметные облегчающие тропки. Шесть часов тратим на спуски-подъемы, а затем скатываемся в долину реки Повсян-шор. Тут новые сложности: русло разделено на множество протоков, приходится либо проваливаться в мокрый мох, либо жаться к скалам. Проходим одно озеро, второе. Их четыре. Я уже не чаю увидеть пик. Отстал. Мысль одна: остановиться, сбросить рюкзак. Природа скудеет, все чаще полагается лед, исчезает трава. Мы вступаем в горную пустыню. Озера здесь густо-черные, лед — голубо-голубой, снег — ослепительный.

Я жмурюсь от прекрасного этого сочетания и не могу насмотреться на элегантный овал нашей горы, на которую еще никто из туристов не ступал. Что ж, ступим мы. Завтра, это будет завтра!

На седло поднялись без приключений. Шли, правда, не самым сложным путем — обогнули цирк, пересекли снежник, вышли на крутые, но вполне преодолимые скалы. И тут меня словно подмыло. Я пошел вперед один, понимая, что делаю неладное, все дальше отрываясь от остальных. Но чувство, что на вершину первым ступит кто-то другой и она не будет полновесным приобретением журнала, гнало вперед... Кто потом будет разбираться — этически я поступил или нет, убежав от группы, важно будет — сотрудник «Уральского следопыта» первым взойдет на безымянную вершину или нет... И снова, в который раз, хлынул дождь.

С трудом поборол соблазн тщеславия, остановился. Кто первый взойдет на вершину — решит руководитель.

Сел на плиту, понимая, что выпускаю из рук альпинистское счастье быть первым. Так мало мест на земле, где это можно совершить!

Улыбающийся Коля Белобородов и Валера Шляев подняли меня, подтолкнули в спину: «Иди, это твоя вершина».

Дождь и дождь. Негде скрыться на вершине... Написал традиционную записку, упрятал в тур. Будем ждать ее в редакционный музей. Кто первый снимет?

Туман. Сырость. Траверсировали, начали спуск по восточному склону.

А над горным озером — пик «Уральский следопыт»... Мы траверсировали его первыми.

От скальной стенки седла — гигантский крутой снежник. Бросили камень. Набирая скорость, шумя, он стремительно пошел вниз. Да, спуск непростой. Первым в снежном вихре умчался Шляев. Он уже внизу, похож на точку. Едва разбираем, что призывно машет руками. Скользим на альпенштоках и мы. И тут на минуту выступает солнце. Оно обливает вершину, снег. Блеск такой, что невозможно смотреть. Солнце — это жизнь! Поздравляют с солнцем почему-то меня, хотя подготовка экспедиции в основном лежала на их плечах. Но, видно, мокрый и усталый, я нуждался в поддержке, которую молча и с благодарностью принял...

Река Повсян-шор берет исток у голубого озера, окруженного замкнутым овалом скал. Выхода из него

нет. Карелин с недоумением изучает подходы на перевал. Там, где раньше была доступная осыпь, нависают гладкие плиты. Скалы живут! Это открытие радует больше, чем наше тупиковое положение. Собственно, мы знали про это. Просто надо искать новый путь. И этот путь будет первопрохождением перевала. Кому идти в разведку?

— Пойдешь со мной? — спрашивает Карелин.

Я устал и секунду медлю с ответом. Шляев молниеносно разрешает ситуацию. Знает, что он самый сильный, разведку берет на себя. Снова с тревогой следим, как по скалам уходит разведка на перевал.

Нам, людям, почаще надо смотреть вслед уходящему. Как скоро подключается сердце к ожиданию! Как быстро начинаешь понимать — крепко камень, горячо солнце, жи-

вительна вода, но только человек ждет человека!

А разведки нет и нет. Вижу, как напрягается Карелин. В сущности, мы ничего не знаем про сюрпризы этих скал и ледовых лабиринтов. Случись что — рации у нас нет, на расстоянии двухсот километров реальной помощи тоже нет...

По шороху камней отыскиваем Шляева. Он спешит, заметно осунулся. А еще тащит вверх рюкзак. Но проход найден!..

Только горы умеют так щедро платить за любовь к ним. Трудный и опасный подъем вывел нас к восточному цирку. Здесь вершина Граничная, пик Свердлова... Острые их пики сторожат узкую долину с цепью голубых, как опустившихся на дно шаров, озер. Снова скользим по снежнику. Идем, прижимаясь к скалам, мимо голубейших чаш. Кое-где снежники уходят в воду и сияют голубыми же ломтями. За перегибом — первая заброска продуктов. Все находим, тормозим мешки. Сапо, компот, тушенка. Чиню обувь — окованные трикони не рассчитаны на полумесячные, тем более месячные нагрузки, и чувствую, что починка теперь будет делом ежедневным...

Палатку поставили у огромного, с кузов самосвала, валуна. Скалы, вода, небо. Пошел снег. Мы приняли его за шутку — август все-таки. А он валил и валил, перечеркивая наши планы траверса еще одной горы — Защиты. Правда, на этом пике побывает наша вспомогательная группа, но продукты, заброшенные на гребень, нам уже не взять. Два дня хмуро переживаем снег. Конца ему нет. Выйдешь из палатки — туман, белизна. Синичка качается на валуне. Ее-то бог откуда принес? Вспорхнет, улетит, опять одиночество. Уходит настроение, подтачиваются силы. Карелин дает сигнал сбора. У него на этот случай продуман вариант — спускаемся в долину, идем на вторую нашу заброску продуктов — к реке Северная Народа. Все вымокло. Рюкзаки не уминаются. Заснеженные скалы вдвойне опасны. Идем очень осторожно. Вот на поляне россыпь золотая. Горные цветы застал снег. Все ниже тропа. Часа через три ступаем на траву. Не верится, что в мире что-то зеленеет. Двигаемся уже тропой, но по валунам. Как семечки отщелкиваются от триконей пластинки, только что тщательно прибитые к подошвам. Мы переживаем неудачу. Все хмурые. На многие километры каменные надолбы, валуны. Они просто выматывают.

В горах не говорят о горах. Их впитывают. Разговоры и обобщения начинаются внизу, там снова и снова прокручиваются восхождения, берутся карнизы, траверсируются снежники. У Валеры Медведева на счету 50 вершин. «Помню каждую из-

вилинку на каждой!» — гордится он. Это понятно: купленное дорогой ценой всегда с тобой. В 1924 году на Приполярный Урал отправилась Североуральская комплексная экспедиция Академии наук СССР и Урал-плана. Девять новых вершин получили имена. Небольшой отряд исследователя А. И. Алешкова открыл гору Народную.

Алешков записал:

«Кряж Исследователей Северного Урала XIX века... в нем горы Народная (1870 м), Карпинского (1793 м), Дидковского. С открытием их прекращается восточное первенство Саблы (1680 м)». Одна фраза по поводу крупнейшего открытия!

Тогда же по предложению участника экспедиции Б. И. Городкова часть Урала от пика Колокольни до реки Щугор получила название Приполярного.

Следующим великим образцом, коротко подытожим двухнедельное путешествие по узлу высочайших вершин Урала. Итак: установлены памятные доски на вновь поименованных вершинах имени Масленникова, имени Свердловских туристов, совершенно первовосхождение на пик «Уральский следопыт», первовосхождение перевала.

Покорены пики Манарага, Народная, Защита. Две последние вершины взяли в непогоду и снежную вьюгу участники вспомогательной группы.

А вообще за месяц экспедиция пройдет более 400 километров, одолеет перевалы и таежные распадки, осуществит первосплав по горной реке Халмерью, разведает возможность байдарочных волоков через главный водораздел на реку Кожим...

А пока я брел самые длинные в моей жизни восемьсот метров. Именно на таком расстоянии была обещана Карелиным избушка. Переправа отобрала остаток тепла и сил, мы тащились по грязной тропе, ожидая за каждым поворотом кров и пищу.

Дома не было... Не стесняясь, сел на тропу. Просто нечем идти. И куда? Не все ли равно, где раскинем палатки?

Как тут не подивиться чутью Карелина! Поднял нас, повел. Вдруг — видим дом! Но пустой, с выбитыми окнами. Метров через двести — еще дом, тоже необжитый.

Карелин неумолим: есть и жи-лой!

Да, судьба дарит нам еще дом, из которого пахнет жилим — остывшей печкой, слежавшимися одеяла-ми...

Я иду за водой со Шляевым, опасливо оглядываясь на пышные кусты, высокую траву, какие-то желтые цветы, Валерий таинственно под-ступает ко мне и шепчет:

— Помнишь, где утром были?

Я бы да не помнил: серый ка-мень, белый снег, скользкие скалы, напряженный спуск в Долину Смер-ти, узкое ущелье, в котором под за-валами гибли то геологи, то стадо оленей, то туристы-одиночки...

Вот так: от снега до цветов — за один день.

После ужина румишем на топча-ны и в полудреме слышим звяканье уздечек, храп лошадей, говор люд-ской.

Мы ушли от людей, пришли к людям...

... Через две недели наш надув-ной плот утонет в мутной воде Хул-ги, мы едва успеем выброситься на берег к семье манси; оплывшая желтая шаньга надувника будет по-ходить на спрута, а нас, отпоенных чаем, откормленных рыбой, хозяин посадит на тримаран, сооруженный из лодок, нагруженных травой.

Молчаливая его жена обнесет по последней кружке, мы погрузим-ся на плавучий стог, покрытый бре-зентом, поплывем к последней на-шей пристани Саранпаулу. Так силь-но запахнет уральским сеном, и за-пах этот, живящий душу, будет запа-хом детства и родины.

А еще я поражусь строчкам суровой нитки, которыми ровно прошит многометровый грубый бре-зент, причем прошит руками ма-ленькой женщины манси... Какая си-ла и аккуратность может быть в ру-ках людских!

Земля возвращала к себе, к за-ботам насущным. Мчались мотор-ки — за рулем парнишка, на носу — верный пес, гудели катера, на бере-гах кончался северный сенокос. Зем-ля жила и властно стягивала с гор... Да, на земле живешь земным. Но горы не просят — приказывают смот-реть острее и чище на привычное...

Откуда я плыл? Куда? И я был теперь уже крепко и сурово пришит каждым шагом к Приполярному Уралу.

...к тем перевалам от базы гео-логов Хобею до реки Северной На-роды, куда нам помог добросить рюкзаки на терпеливых лошадях манси Саша; тревожному дню, ког-да долго не могли найти оставлен-ные продукты и, оглушенные неле-постью ситуации, вытряхивали из карманов даже хлебную пыль, гото-вились голодать четыре таежных дня; перевалу Гранитный, с которого мы прощались с невыразимо пре-красной панорамой голубых, синих, золотистых гор, а вечером выщупы-вали подо мхом прохладные и про-зрачные пальцы и друзья горного хрустала; встрече с четверкой (пом-ню яростно-счастливое лицо Бориса Рязанцева) — встрече, в сущности неожиданной, поразившей тем, что на стокилометровом пространстве нашлась же точка, где мы сошлись,

чтобы снова разойтись, распрощаться.

...к тайге, по хлябям которой шли три дня, сидели на мхах, и жут-ковато было от близко шатающихся медведей, сладко от запашистой и нежной ягоды морошки, трудно от этих бесцельных километров, пере-прав по болотам; по-хорошему гру-стно от чаевичанья у молодого зо-лотоискателя, который пел нам пес-ни на слова Бояршиновой; весело, когда нас в каком-то чугунном ко-рыте передернул через болото чудя-коватый тракторист, и уже исчерпы-вающе хорошо от хариусов Аркадия Кузовникова на сплавной базе, где уже покачивались на зеленых волнах два плота...

...к воде, которая несла нас не-делю, чистая, как слеза, голубая, вкусная, текущая среди камней, песка, цветов, лесов, буйных зарос-лей и гигантских гарей, и сердце от-казывалось верить в то, что ему мо-жет быть так долго хорошо, когда глубина реки, высота небесная состав-ляли как бы плоть единую, а гигантские, не виданные никем, ничем никог-да не тронутые цветные поляны как бы выставляли себя напоказ, томясь и млея от бесплезности своей, не выказанной человеку чистоты и силы, которой ждали от человека же, а не того гангренозного воспаления русла, поднявшегося уже до заповедных мест. от Саранпаула: вода, рыба, водоросли задыкаются в бензиновых разводьях, масляной мути; и в те минуты было стыдно перед Хулгой...

Что касается меня, то на рейде Саранпаула вдруг потянуло, как по Тургеневу, упасть на берег и натя-нуть на голову капюшон анораки... Но земля была сырая от дождей, да и мы в прекрасном неединчестве и среди людей...

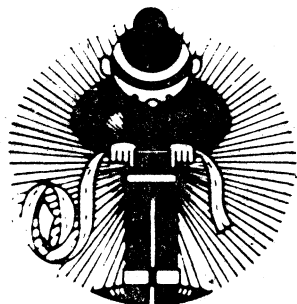
И сегодня я полон приполярных видений этого величественного Поя-са Мира, ставших уже ведением ду-ши, уверенной в бесконечной бес-корыстной щедрости к нам приро-ды — не убежит от жаждущего род-ник, не отогнет от замерзшего сухой сук, не прыгнет из ладони про-голодавшегося ягода; того светлого ведения души, когда ясно, что если в беднейшей природе останется единственный цветок, то он прикло-нится живому, имеющему право на него, ибо, как сказано древними: «Земля не вотще сотворена ю, но для вселения...»

...Спасибо, вершина, что, имея право владеть сердцем, лечишь его в минуты трудные.

А светлые — отдаешь Земле, се-бе самому, вопрос извечному — как поступишь, человек, с последним цветком, потянется ли за ним твоя рука всеприбирающая?

- Юные геологи Башкирии составили карту значительных в геологическом отношении объектов, которую представили в Министерство геологии СССР с просьбой объявить эти объекты памятниками природы и взять под охрану закона. В их число включены и яшмовые карьеры.
- Польская киностудия документальных фильмов «Авангард» по заказу Главного политуправления Войска Польского сняла фильм под названием «Их памяти» — о советских воинах, погибших при освобождении Польши от фашистских захватчиков. Съёмочная группа побывала, наряду с другими городами, в Баку, где польским документалистам были предоставлены материалы музея школы № 91.
- Вышний Волочок отметил в этом году 200-летний юбилей русского живописца А. Г. Венецианова. Интересные материалы об известном художнике собраны в народном краеведческом музее.
- Сборник нот Шумана, принадлежавший семье Ульяновых, хранится в музее казанской школы № 81. Подлинность экспоната подтверждается многими факторами: на корешках сборника сохранились инициалы М. А. Ульяновой, ее карандашные пометки на листах; ноты куплены в магазине Брюно в Казани — именно услугами этого магазина пользовались в семье Ульяновых.
- Туристский кружок 366-й школы Московского района Ленинграда существует двадцать один год. За это время ребята прошли по стране 40 000 километров — расстояние, равное длине экватора.
- Школой № 51 Самарканда на средства, собранные старшеклассниками, поставлен памятник Зое Космодемьянской. У подножия памятника зажжен вечный огонь.
- В средней школе № 1 Ашхабада есть исторический музей, где собраны орудия труда, предметы утвари, национальная одежда. Школьникам удалось также отыскать людей, организовывавших первые школы в Туркмении.
- Участником ВДНХ стал Ленинский музей 450-й школы Ленинграда. В нем представлены экспозиции: «Детские годы Володи Ульянова», «Медали семьи Ульяновых», «Шалаш в Разливе».
- С 1944 года хранила Н. Е. Гайдук, жительница белорусского города Слонима, фронтовые рисунки, оставленные в годы войны молодым пулеметчиком Владимиром Бекетовым. Попросил боец сберечь свои работы — фронтовые этюды, пейзажи, портреты товарищей-солдат — и ушел дальше воевать. Спустя тридцать с лишним лет увидел он вновь свои рисунки. Отыскали фронтового художника следопыты слонимской школы № 4 — В. И. Бекетов живет и работает в Эссентуках.
- Единственный в Москве ученический музей русского крестьянского быта существует в 751-й школе. Все свои экспонаты ребята собрали во время походов по Подмосковию. Музей оборудован под старую избу, со всеми характерными для русского быта деталями. Хранится здесь редкий документ — «вольная», выданная одному из крестьян еще в 1805 году.
- Шестьсот образцов древесных и кустарниковых пород собрано на кафедре лесоводства в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. «Деревянная библиотека» основана профессором М. К. Турским, который руководил кафедрой с 1876 по 1889 год, и знаменита как уникальная коллекция.
- Ленинский проспект — одна из красивейших магистралей Ленинграда — проходит по трем районам города: Московскому, Кировскому, Красносельскому. В годы Великой Отечественной войны здесь пролегал рубеж обороны. Ленинскому проспекту посвящен музей 371-й школы на Московской заставе.
- Классный журнал, старые ученические дневники... Не было бы в них ничего необычного, если бы не значился учебный год: 1943—1944-й. Эти экспонаты — из войны, из блокады. Собраны они в передвижном музее. «Дети войны свидетельствуют» 211-й ленинградской школы.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Кузнечик с баррикады

У каждого мальчишки обычно есть свое дворовое имя. Пятнадцатилетнего Алешу Кузнецова друзья звали Кузнечиком. В семнадцатом году, когда на улицах столицы выросли баррикады, Алеша вместе со старшей сестрой был в летучем санитарном отряде. Он оттащивал с мостовых, подальше от огня, раненых, подносил патроны.

Засевшие на колокольне Зачатьевского монастыря юнкера палили из пулемета... Когда за баррикадой упал очередной сраженный, Кузнечик бросился к раненому. А через секунду сам упал, настигнутый пулей. Не стало маленького московского Гавроша...

Через десятки лет имя пятнадцатилетнего героя октябрьских баррикад воскресили следопыты московской школы № 588. Они разыскали сестру Алеши и узнали много нового о судьбе Кузнечика. Нынче в школе открыт музей имени Алеши Кузнецова.

● Партизанский оружейник

Токарный станок — экспонат музея боевой славы иканской школы Борисовского района в Белоруссии. Обыкновенный токарный станок...

Его подарил партизанам бригады «Дядя Коля» — колхозник деревни Буденичи П. Шатерко. В 1943—1944 годах на этом станке вытачивались детали боевого оружия. Работал в партизанской оружейной мастерской Кузьма Сидорович Трипилец. Был он специалистом широкого профиля, в мирное время, до войны, работал на токарных, фрезерных, шлифовальных, расточных станках. В военные годы ремонтировал партизанское оружие.

Он погиб под Гродно, уже в действующей армии, летом 1944-го.

Память о партизанском оружейном мастере хранят не только белорусские следопыты. На родине К. С. Трипильца — в городе Богодухове Харьковской области — его имя носит отряд семено-ярской восьмилетней школы, где он когда-то учился.

● Не теряют надежды следопыты...

На опушке леса — красноармейская могила. На обелиске под красной звездой несколько слов: «Здесь похоронены семнадцать красноармейцев, павших в бою с белогвардейцами в 1918 году».

Ребята из тюрлеминской средней школы Чувашской АССР несколько лет пытаются установить имена погибших. Всего несколько фамилий удалось им найти — эти люди имели отношение к боям в здешних местах, к тому

далекому огненному восемнадцатому году: командир группы охраны Зверьков, комиссар Федоров, бойцы Быков, Мурашкин, Илюшин... Лежат ли они в общей красноармейской могиле, а может, кто еще и жив?

Защитников Тюрлемы нашли ребята далеко от родных мест — в Риге. Бойцы бывшей дивизии красных латышских стрелков Ю. А. Балодиса освобождали Польшу от белогвардейцев. Латышские следопыты побывали в Тюрлеме; тюрлеминские учащиеся съездили в Ригу. Цель поездок — отыскать бойцов 5-й армии, которая вела бои в этих местах.

Еще не известны погибшие красноармейцы. Не так просто спустя десятилетия установить имена. Но следопыты не теряют надежды.

● С именем ученого и путешественника

Была в Петербурге вторая гимназия. В списке учеников ее числился гимназист Николай Миклухо-Маклай.

В здании бывшей гимназии теперь находится 232-я ленинградская школа, которая нынче осенью отметит свое 175-летие. И есть в этой школе музей: экспонаты его рассказывают о жизни и путешествиях Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Помог школьникам организовать музей доктор исторических наук, старший научный сотрудник института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая Владимир Сергеевич Стариков. Он же дал ребятам адрес вунка Маклая в Австралии — Роба, с которым ребята начали переписку.

● Узники тюрьмы Герден

Эта встреча состоялась в Москве спустя много лет. Бывшие узники тюрьмы Герден — Вильгельм Тиле и Артур Маннбар — встретились со своими освободителями, ветеранами 32-го танкового полка, который стоял в 1945-м на исходных позициях под Бранденбургом...

...В расположение полка пришли два немца. Их послали товарищи-антифашисты, оставшиеся в тюрьме Герден. Подпольный комитет накануне прихода наших войск организовал захват фашистской тюрьмы, и узники ждали помощи. Об этом факте потом рассказал в своей книге «Разорванные оковы» подполковник Народной Армии ГДР Томас Мрехен — один из двоих, пришедших за помощью к советским танкистам.

Историю 32-го танкового полка пишут следопыты безрезнянской школы Черниговской области. Докопались они и до этого случая — когда танкисты подошли к воротам тюрьмы Герден. В школе хранится очень интересный документ. Письмо от бывшего политзаключенного тюрьмы Герден, освобожденного 27 апреля 1945 года, — с благодарностью следопытам за их работу по сбору материалов об освободителях-танкистах. Автор письма — Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Эрих Хонеккер.

ТРУДНАЯ ШКОЛА

Владимир
ЛОБОВ

Рисунок
А. Банных

Пожалуй, лучше всего начать с Сереги.

Тогда еще я был абитуриентом — готовился в университет. Заботы не одолевали, и я целыми днями пропадал на озере. Однокашники мои работали уже, а я от скуки ходил всюду с нашими дворовыми мальчишками.

Серега жил в соседнем доме. Двенадцать лет, небольшого роста, довольно плотного сложения, беловатый. Как-то проходили мы мимо дома. А у подъезда стояла коляска с плачущим малышом. Серега рванулся в подъезд, обстучал, наверное, все двери, но нашел легкомысленную мамашу. Пригласил я его кататься на лодке. Он пришел с братом: в белых рубашках, нарядные, как на праздник!..

И я стал приглашать Серегу к себе. Когда со стола вдруг исчезла тройка, потом — пятерка, я никак не связал эти пропажи с Серегой. Он вообще знал, где у меня хранятся деньги. В тот день я сосчитал в сумке всю мелочь до копейки. Вдруг Серега попросил воды похолоднее... Я принес. Интерес ко мне у него как-то сразу пропал, и Серега ушел. Не помню, зачем мне понадобились деньги — на дне сумки одиноко поблескивал пятиалтынный...

На другой день мы встретились. Серега все болтал и болтал о чем-то, а я угрюмо молчал. Наконец он спросил:

— Ты чо, какой-то не такой?

И я сказал, что если он не принесет через три дня все украденные деньги, — быть ему в милиции. Серега скис и убежал. Прошла еще неделя. Рано утром я пошел к нему домой. Младший брат его Женя сказал, что Серегу ищет милиция — он угнал чужой мопед.

А потом выяснилось. Серега, такой чуткий мальчик (история с коляской и младенцем), такой праздничный (белая рубашка для катания на лодке) — избивал одноклассников, отбирал у них деньги...

Из-за Сереги, наверное, я и не просился на это поручение. Я сидел скромным гостем на заседании комсомольского бюро факультета и вдруг услышал, что приходил пионервожатый из спецшколы и просил двух человек — вести кружок журналистики. И тут уж я не утерпел. Давно мне хотелось узнать, что происходит в подобных учебных заведениях.

Высокий забор не оставлял места для сомнений в точности адреса. Никто нас не встречал, и мы стояли как неприкаянные. Мимо строем проходили мальчишки, каждый выстреливал в нас угрюмое «здрасьте», и не было в этом слове ни теплоты, ни радости — одна только дисциплина.

Стриженные затылки делают их всех похожими. Только потом мы стали различать ребят. И оказалось, что они совсем обыкновенные мальчишки. Играют в машинки, возят песок, делают игрушечные дороги и гудят, подражая моторам. Только вот плохого, страшного, горького видели они за свою маленькую жизнь гораздо больше, чем другие их ровесники: детства у них не было.

Позже прочитал я их личные дела. И там, среди обычных прегрешений — мелкого воровства, курения, драк, сквернословия и пьянства, — попадались и такие...

«Витя пришел к моему сыну и попросился у него переночевать. Он был весь в грязи, и я повела его мыться. Все его тело было в синяках. Он сказал, что его били шлангом от стиральной машины. Возвращаться домой не хотел». (Из объяснительной.) Дальше шли заметки инспектора: «До 11 лет Витя был нормальным ребенком. Но потом начал воровать деньги, сначала из дома, потом у соседей. Родители постоянно избивают его, и не могут справиться с воспитанием сына. А из школы писали: «Мальчик неуравновешен, грубит. На уроке математики встал без разрешения и начал расстегивать брюки. Учительница

спросила его: «Может, совсем разденешься?» Он обозвал ее гадким словом и убежал из класса. Он ничем не интересуется, у него нет никаких способностей».

А этот Витька пишет стихи. И очень любит Маршак. К юбилею поэта сочинил: «Эй, ребята, шире шаг, с нами вместе наш Маршак!» Он переписывал стихи из «Родной литературы» и даже выпросил у меня почитать здоровенный том Ильи Сельвинского.

Другой мальчик защищал бабушку. Я понял так, что отец и мать выжили бабушку из дома. И мальчик воровал, убежал от них и везде писал: «Я даю слово исправиться, только отправьте меня к бабушке». А у бабушки не было денег на его содержание.

Позже я узнал и других «хулиганов» — из них выходили прелестные зайчики, коты в сапогах, космонавты на новогодних маскарадах; они, как все советские мальчишки, ненавидели фашистов в фильмах и переживали за красных, рассказывали о побегах заключенных и осуждали их...

Все это я узнал потом. А начало было такое.

...На первое занятие кружка пришло человек двадцать, по два из каждого класса. Стулья расставлены полукругом. Все шло хорошо, пока мой товарищ Димка не распахнул свой плащ и в комнате не сверкнул значок дружинника.

— Легавые!.. Шухер, ребята...

Комната вмиг опустела. Мы ловили тех, кто не успел убежать далеко:

— Да мы не из милиции!.. Мы — студенты, будем учить вас делать газету...

К счастью, у меня в кармане оказалось несколько линотипных строчек. Я передал строчки ребятам, их тут же намазали чернилами, и на лбу у одного мальчика появилась фиолетовая надпись петитом: «Успешное выполнение обя...»

Мы раздали листки бумаги и попросили их что-нибудь написать или нарисовать. Первый листок отдал семиклассник, там крупно было выведено нецензурное слово.

— Ну, на это ума много не надо, — сказал я ему. — Ты бы лучше о вашем классе написал.

Мы приезжали в школу два раза в неделю — в четверг и воскресенье. С юнкорством было туго, и мы старались разнообразить нашу деятельность: читали книжки, показывали самбо, играли в футбол, собирались поставить пьесу. Сюжет ее был прост, написана она была по мотивам моего летнего приключения с Серегой и украденной им десятки. А больше разговаривали обо всем.

В школе предстояло торжественное событие — прием в пионеры. К приему делали большую стенга-

зету. Один из мальчишек (мы так и не узнали его имя) написал заметку: «Когда я учился в школе, меня приняли в пионеры. Но за неправильное поведение меня выключили из них. Сейчас я не хочу вступать в пионеры, потому что мне это ни к чему».

Мы сбились с ног в поисках автора. Как-никак это была первая серьезная заметка. Ее поместили в газету. А газета исчезла. Сначала исчезли фотографии, потом пропала и сама газета. Словом, первый блин, как ему и следовало быть, вышел комом.

...На Первое мая мы решили взять двух мальчишек к себе домой. Одного — я, другого — Димка. Димка четвертый год занимается проблемой подростков. Он — воплощенная солидность. В шляпе, очках. Сам когда-то испытывал противоречия переходного возраста, ходил со шпаной. Виташил его отец. Семья его живет в Нижнем Тагиле.

Сначала все шло хорошо. Дома мой подопечный, Олег, быстро сошелся с мальчишками. Купаться, однако, не стал, хотя все пацаны залезли в воду. Зато на брошенный старый экскаватор забрался и долгие с наслаждением рушил и ломал там все, что было еще целым. Потом он так и не смог объяснить мне, зачем ему это было нужно.

Третьего мая мы с Димкой встретились. Он был растерян:

— Ты своего нормально довел?

— Нормально. А ты?

— А мой не пришел... Он в пяти километрах от города живет. Ну, я отпустил его домой... Сказал, чтобы завтра к шести был на вокзале. Не пришел он.

С таящим чувством вины пошли мы к директору. Директор сказал:

— Сами упустили, сами и ловите.

В это время в дверь постучали. Порог переступили пятиклассники, и Витька Николаев, запинаясь, начал упрашивать директора:

— Михаил Семенович, не выгоняйте их! К нам и так никто не ездит... А они больше года уже тут. Мы все вас просим: не выгоняйте — пусть они кружок ведут...

Даже видавший виды Михаил Семенович расстрогался, чего уж о нас говорить.

Михаил Семенович. Директор. Широкие скулы, черные глаза, темные волосы. Одет всегда безукоризненно. Однажды мы играли в футбол с ребятами. Михаил Семенович в белой рубашке, строгом пиджаке, лакированных ботинках бегал по полю... Но в игре что-то давало понять: это — Директор... Характерная черта у него — никогда не разговаривать на ходу; всегда приведет в кабинет и там выскажет свое решение.

Пришлось ехать в Нижний Тагил, в Лаю. В деревню попали уже

к вечеру. На Женькином доме висел замок, но соседка сказала, что и мать видела, и сына, что вчера Женька целый день работал в огороде, а сегодня они куда-то ушли.

Мы немного подождали, потом пошли к магазину. И вдруг увидели Женьку. Лошадь тянула телегу, на телеге с вожжами стоял Женька, а мать и сестренка шли рядом. Мы кинулись к лошади. Женька увидел нас, причмокнул...

Воспитанникам школы дают увольнительную записку. У Женьки тоже была такая: «Уволен с 1 по 2 мая». Матери он показал увольнительную с пририсованным ноликом: «...по 20 мая».

Возвращались мы без него: Женька так и укатил от нас на своей телеге. Вечером пришли в школу, и, оказалось, что еще утром беглеца привезла мать.

Летом я поехал в совхоз, где мальчишки пололи брюкву и капусту. После работы уснул вместе с ребятами из младшего отряда — третьим и четвертым классом. Меня подняли в три часа ночи:

— Вставай быстрее, в побег ушли!

— Кто?.. — я ничего не понимал спросонья и бестолково сидел.

— Да из второго отряда Стрельников и еще кто-то. Одевайся!

Вшестером мы брели по сонной деревне. Изредка хрипло лаяли собаки. Сверху подмигивали звезды. Ночной мотоциклист вылетел из-за поворота, студенты-юристы по-гаишному скрестили руки. Парень остановился.

— На шоссе не видел пацанов?

— Нет.

— Ну, ладно, извини.

Парень помчался дальше.

— Чего мы стадом бредем? Если в побег ушли, так это в райцентр...

— Давайте, правда, разделимся.

Двое здесь поищут, а четверо до Арамиля дойдут.

Остались мы с Борисом Алексеевичем — здоровый мужик, физрук. Шли молча.

— Пойдем столовую проверим, — выдохнул Борис Алексеевич.

Темное барачное здание издали походило на сарай. Коричневые доски мягко отсвечивали при свете луны. На низком крыльце валялся брошенный кусок хлеба. Замки были целыми. Сквозь стекло виднелись три ряда артельных столов.

Мы немного посидели под крышей автобусной остановки. Долго вглядывались в пугающую темноту, следили — не пересечет ли кто луч света от уличного фонаря.

Снова пошли к столовой. И уж ни на что не надеясь, взвращением, опустили в траву.

Вдруг послышался шепот, и кто-то коротко захлебнулся смехом. Над нами раздалось удивленное:

— Жеребенки!..
— Ну-ка, идите сюда,— встал Борис Алексеевич.— Деревенские? — Да,— сказал один из них голосом Стрельникова.
Я внимательно приглядывался: да тут же Макаров из моего кружка. А вон Олег!..

— Все деревенские?
— Все,— ответил Олег.
— Ну-ка...— Борис Алексеевич взял Стрелку за скулы и повернул к свету.— Погоди же, Стрельников! И остальные тоже наши. Стрельников, построй всех!..

Угрюмо опустив головы, ребята медленно брели навстречу наказанию. Олег подмигнул мне:

— Жеребенки!..
— Чего? — не понял я.
— Да мы-то думали, что жеребенок лежит... Я погладить хотел... А это вы с Борисом Алексеевичем оказались.

Когда мы подошли к бараку, у входа на коротких скамейках сидели воспитатели, наш директор. В узком коридоре, как на линейке, стояли полуголые пацаны из второго отряда.

— Привели? — спросила воспитательница Нина Федоровна.— Где вы их поймали?

— Да около столовой...— начал рассказывать Борис Алексеевич. Нина Федоровна вдруг сорвалась со скамейки, звонко шлепнула Олега, который из-за маленького роста шагал последним:

— Ты-то куда полез, Панычев? Опять на пасеку собрались? Меду захотелось?! Вы, что, прошлый год забыли? Тогда кто это у нас за медом-то полез?

— Смирнов...— подсказал кто-то.
— Украл на рубль, а мы тогда колхозу пять рублей выплатили! — Нина Федоровна, не переставая говорить, трепала Олега за волосы.

И дальше началось дикое, ужасное: ребята набросились на тех, кто ходил к пасеке...

Я долго размышлял над этим случаем. Вспоминал, как Нина Федоровна еще в школе обрушивала на свой 5 «б» поток грубой площадной брани. И снова думал: может, по-другому нельзя? Может, по-хорошему они не понимают? Поднял же какой-то бес этих мальчишек среди ночи воровать мед. Или те, кто за день до этого сбежали отсюда и ограбили квартиру? Или вон Валерка из четвертого отряда — на его счету уже девять побегов, и сейчас за ним специально следят, потому что все побеги у Валерки кончаются одинаково — крупными кражами...

Мы вспоминали Макаренко, а нам говорили — Макаренко устарел. Ему было легче работать. Он мог любого выгнать на улицу. У нас такого права нет.

В юности все максималисты.

И нам порой кажется, что мир переделать легко. Но вот они,— ученики спецшколы. У всех у них было трудное детство. Говорю: «было», потому что уже и не будет его впрямь... Тот же Серега (к сожалению, я узнал позже) рос в так называемой неблагополучной семье. А семья — многодетная. Мать так и запомнилась лишь яркой полоской окрашенных губ. Трое старших братьев — в тюрьме. Самый младший, Олег, — еще в школе. Это с ним возился в детстве Серега, пеленал, мыл. Это с другим младшим братом они пришли в белых рубашках кататься на лодках... Не все однозначно, не однозначен и характер у Сереги.

Многое в школе кажется странным. Вот провели мы анкету в интернатах. Выяснилось: нужна специальная подготовка. Но у нас готовят специально только воспитателей для детских садов. Слово бы для спецшкол, где сейчас на одного воспитателя приходится по двадцать сорвиголов,— и подготовки-то особой не нужно... И еще об оплате труда. Ныне на заводе квалифицированный токарь получает в два-три раза больше, чем воспитатель спецшколы. Не собираюсь принижать труд рабочего, все-таки скажу: токарь имеет дело с металлом, воспитатель — с живой душой. Воспитать человека куда труднее... А перевоспитать?!

И еще думалось, не поздно ли мы беремся за мальчишек и девочек, когда они попадают в спецшколу? Не пора ли всем нам просто взять на учет трудные семьи и оторвать детей от них? Чему могут научиться тот же Олег или Женька, если их братья до тюрьмы похвалялись кражами? Надо ли нам работать пожарной командой, когда дом и семья уже догорают синим пламенем? Профилактика так профилактика, пусть безжалостная, но со знанием законов!.. Так думал я, но следовал лишь одному педагогическому совету.

В «Литературке» прочитал я статью Л. Деминой «Зачем дистанция?» (недавно по ее сценарию был поставлен фильм «Предательница»). И я стал тоже воспитывать без дистанции. Это позволило мне подружиться почти со всем лагерем и даже получить неизвестно за что кличку «Бугор зонь».

Я купался с ребятами, играл в футбол, бегал на спортивных состязаниях и слышком многое прощал им. Дистанция была уничтожена полностью.

И я начал страдать. Выходил из барака — неожиданно на меня набрасывалось человек пятнадцать и валили с ног. Меня не принимали всерьез и не боялись. Как-то я спросил ребят, какой воспитатель им больше всего понравился?

— Вот в прошлом году один был. Его потом посадили вроде... Он

с нами курил, пил, в карты играл. В лес пойдем и балдеем — все нормально...

К счастью, смена кончилась быстрее, чем я дошел до такого «доброго дяди»...

Мой земляк Серега тоже был здесь в лагере. Мы почти не разговаривали. Он был «бугром», державшим в повиновении группу, и у него был «шестерка» — Филя. Всюду они ходили вместе, таинственным образом исчезали с работы: рядки их всегда были выполоты кем-то другим. Филя был вроде лакея, зато никто из всего лагеря не мог прикоснуться к нему, а на оскорбительную кличку внимания он не обращал.

С Серегой мы играли в футбол. И за все время, что я провел в лагере, мне ни разу не удалось выиграть у него. Моя команда неизменно проигрывала, хотя и счет по началу был равный, и я носился по полю в оба конца. Даже в игре чувствовалась власть Сереги. Стоило ему прикрикнуть на игрока, путавшегося у него под ногами, — и тот безропотно отдавал мяч.

Надо сказать, что мальчишки делили всех людей по пяти признакам. Я уже говорил о «бургах» и «шестерках». А еще есть «халимы» (подхалимы), крохоборы и... активисты. Сознание того, что все люди делятся именно так, проникает в новичков уже в первые месяцы пребывания в школе. И если хоть однажды новичок в чем-то подлизался к воспитателю — он получает позорную кличку «халим» и занимает положение отверженного. С ним почти не разговаривают. Любят, даже тот, кто младше и слабее, может оскорбить его. В «активисты» же попадали те, кого выдвигали воспитатели. Почти все пионеры, о которых мы выпустили свою первую газету в спецшколе, были зачислены в «активисты». Слово это произносилось с явно негативным оттенком.

Начинать битву за сердца предстояло именно на этом фронте — с ломки этой иерархии. Воспитатели и мы, их добровольные помощники, хорошо понимали, что надо «сиять заставить заново» пионерскую организацию, без нее все усилил взрослых будут тщетными. Причем это очень важно, решили не просто принимать, а восстанавливать в пионерах тех, кто своим трудом и поведением заслужил это право.

И вот впервые собрались мы все вместе в пионерской комнате. И отправились в страну Пионерию. Мы начали с игры по принципу телепередачи «Один за всех, все за одного». Чего только не пришлось мне услышать: и что пионеры появились в 1917 году, что орден Ленина будто бы дали организации в 1945-м... Но зато хорошо знали, каким должен быть пионер и отвечали: при:

мерным, сильным, умным и так далее до бесконечности. Потом хором учили Торжественное обещание.

Надолго запомнится и поездка во Дворец пионеров. Маленький школьный автобус шел по городу, а из него неслось:

Потолок ледяной, всюду иней,

А из окон парок, синий-синий...

Мальчишки пели, и мы пели вместе с ними. И нам было хорошо, потому что очень трудно заставить мальчишек петь просто так, от радости.

Без галстуков за территорию не отпускали. И постепенно галстук приобрел необыкновенную ценность.

Мы чаще выходили за забор. Выходили не на прогулку, не на развлечение. А шли помогать бабушкам, шли в соседнюю школу к следопытам, к шефам на завод.

В углу двора мужики играли в домино, стучали костяшками об стол и торжественно кричали: «Рыба!» Мы стояли перед огромной кучей дров. Мальчишки ждали, а старушка даже топора не могла найти. С помощью соседей мы все же добыли кое-что из инструментов, и работа закипела. Мужики смотрели-смотрели, засмеялись:

— Что, ребята, на бутылку зарабатываете?

Мальчишки, утирая лоб, вскипели:

— Чем смеяться, помогли бы лучше! Ваша ведь соседка тут живет...

И добавили что-то еще: за словом в карман наши ребята в таких случаях не лезут. Мужикам, видимо, и самим надоело стучать бес толку костяшками.

— А что, может, и вправду поможем, а? — предложил один из ироков.

Доминошники зашевелились, отеснили тимуровцев от козел. За полчаса от кучи дров и следа не осталось, а из открытого сарая выглядывала аккуратная поленница. Подошли еще жильцы, в основном пенсионного возраста, спрашивали нас:

— Где это вы таких ребят золотых достали?

Угощали квасом. Ребята сияли.

...А в школе исчезали «бугры». Последним «бугром» оставался Серега. Его свергли в середине учебного года: он собирал у всего класса конфеты и ел их один. Отбирал и те сладости, что привозили родители. И класс восстал против него. После этого он стал незаметным и никому не нужным.

Как-то на улице, спустя много времени, я его все же повстречал. Я долго и оторопело смотрел на него: на груди его алел галстук.

ПЛАНЕТА «ЦЕЛИНА»

Аркадий
СОЛАРЕВ

Летом 1959 года в казахстанском совхозе «Булаевский» 339 московских студентов заложили улицу Студенческую. Так зародилось патристическое движение советских студентов, так появился у них еще один семестр — третий трудовой.

Было это двадцать один год назад. А сейчас летом во всех концах страны можно встретить ребят и девчат в зеленых костюмах. Зеленый цвет — символ юности — стал еще и символом третьего трудового.

О биографии студенческих отрядов рассказывают значки.

1963 год. На лацканах московских студентов, уезжающих на целинные стройки, — значок с изображением мастера. Рядом цифра — 16 000. Столько москвичей работало в том году в отрядах. В 63-м же отряд целинников становится многонациональным: москвичи, ленинградцы, киевляне, алма-тинцы и тбилисцы работают в 247 целинных совхозах. Прошло только три года. На значке москвичей новая цифра — 60 000. Рядом с этим всесоюзный значок с надписью: «Студенческая целинная стройка».

1968 год. Во всех концах страны работают студенты. В этом году впервые выпущен значок, изображающий два кирпича и мастерок. На нем надпись: «Студенческие строительные отряды».

Но студенты не только строят. Они работают проводниками, врачами, продавцами, ловят рыбу, убирают урожай... Это находит свое отражение и на значках: отряд «Колос», отряд «Медик», студенческий транспортный отряд. А вот значок ССО факультета автоматики и телемеханики Пермского политехнического института. Этот отряд называется «Энергия». Его бойцы прокладывают линии электропередачи на севере Пермской области. Жители далеких деревень помнят первых бойцов стройотряда, хотя с тех пор прошло почти пятнадцать лет.

В 1973 году появляется новый, единый для всех значок: «Всесоюзный студенческий отряд».

В следующем году отряд назван именем XVII съезда ВЛКСМ. 14 856 линейных отрядов работали в 156 областях, краях. Нечерноземная зона РСФСР — новая студенческая целина — приняла 105-тысячный отряд. На строительство БАМа выехали 1975 лучших представителей транспортных вузов страны.

1975 год. Всесоюзный студенческий отряд носит имя 30-летия Победы. В нем 610 тысяч человек. На важнейших объектах завершающего года 9-й пятилетки освоено более миллиарда рублей капиталовложений. БАМ и КамАЗ, Атоммаш и город Гагарин — всюду внесли свой трудовой вклад студенты.

Год 1977-й. За последние пять лет студенты протянули линию электропередачи, равную длине экватора, построили железную дорогу, по которой можно проехать полстраны, сдали в эксплуатацию 77 699 объектов — этот суммарный студенческий город равен Новосибирску.

Мастерок, колос, книга — эти изображения чаще всего встречаются на значках стройотрядов. Но многие местные выпуски имеют и другие эмблемы, характерные для той или иной местности. Значки ульяновских студентов изображают Ленинский мемориал, в сооружении которого приняли участие студенты. У волгоградцев — мемориал на Мамаевом кургане, у ленинградцев — шпиль Адмиралтейства. На значках тюменцев — буровая вышка, бакинцев — знаменитая Девичья башня, грузин — кисть винограда.

Но не только значки и эмблемы красуются сегодня на стройотрядовских спецовках. Только в прошлой пятилетке орденами и медалями СССР награждено более полутора тысяч организаторов и участников студенческих отрядов. Среди них 45 человек — орденом Трудового Красного Знамени, 46 — орденом Дружбы народов.

В стройотрядовской песне поется:

У студентов есть своя планета,

Это, это, это — Целина!

Шагают по этой планете парни с лопатами на плечах, точь-в-точь такие же, как на значке ударника хабаровского краевого отряда. А там, где они прошли, остается след на века.

СОКРОВИЩА ИЖЕВСКОГО АРСЕНАЛА

**Алексей
НАГИБИН**

Фото автора

Бельгия, Нидерланды, Швейцария могут позавидовать Удмуртской АССР — их территория меньше. И природным богатствам ее не одно государство мира может позавидовать.

Есть у удмуртского народа и своя великая река — Кама. Начинается она родником на севере республики неподалеку от самого высокого места во всей Удмуртии, а потом, набравшись сил в Пермской области, возвращается могучей рекой.

В начале прошлого века работал на удмуртской земле талантливый архитектор Семен Емельянович Дудин. Немало по его проектам построено в Ижевске красивых зданий, они до сей поры считаются уникальными памятниками архитектуры — образцами промышленного зодчества на Урале.

Один из них — Арсенал, лебединая песня Дудина. Ныне часть помещений Арсенала занимает республиканский краеведческий музей. У него, как и у республики, — юбилей. 60 лет назад, сразу после образования Вотской автономной области, решением облисполкома был открыт и музей.

18 000 экспонатов, в основном из частных коллекций, положили начало его собранию. А теперь сокровища ижевского Арсенала насчитывают более 100 000!

По установившейся традиции мы рассказываем об экспонатах, которые совершенно уникальны, их не встретить ни в одном музее Урала.

...Маленькая книжка из библиотеки музея — ее выпустило издательство «Удмуртия». Сборник избранных стихов Филиппа Кедрова. Ему не было еще и тридцати пяти, когда под Витебском сердце капитана Кедрова пробила фашистская пуля. А до войны работал он журналистом, еще раньше — учителем.

Много лиха хватил Филипп Кедров в детстве, потом пережитое горе превратилось в строчки поэмы «Этой жизни»:

...Пришла весна. Мы в поле
вчетвером:
Овес сегодня сеять будем
вместе.
А на лугах и под лесным
шатром
Уже с утра повсюду льются
песни.

На нашей ниве песен не
слыхать.
Любая — в сердце болью
отзовется.
Нет сил у нашей лошади
шагать,
Гнилая упряжь то и дело
рвется...

Каждая республика нашей страны имеет свою особую продукцию. Ижевские ружья, без сомнения, не нуждаются в рекламе. Давнишние традиции у удмуртских оружейников. Вот эта крохотная двустволка на ладони — самая настоящая. Ее бой может посоперничать с настоящим охотничьим ружьем по кучности, по резкости. Конечно на соответственном расстоянии.

А вот это ружьецо носить под силу не каждому богатырю: в стародавние времена его устанавливали на носу лодки, подкрадывались к утиной стае и... до тридцати штук оставалось неподвижно лежать на воде, ну а подранков никто не считал...

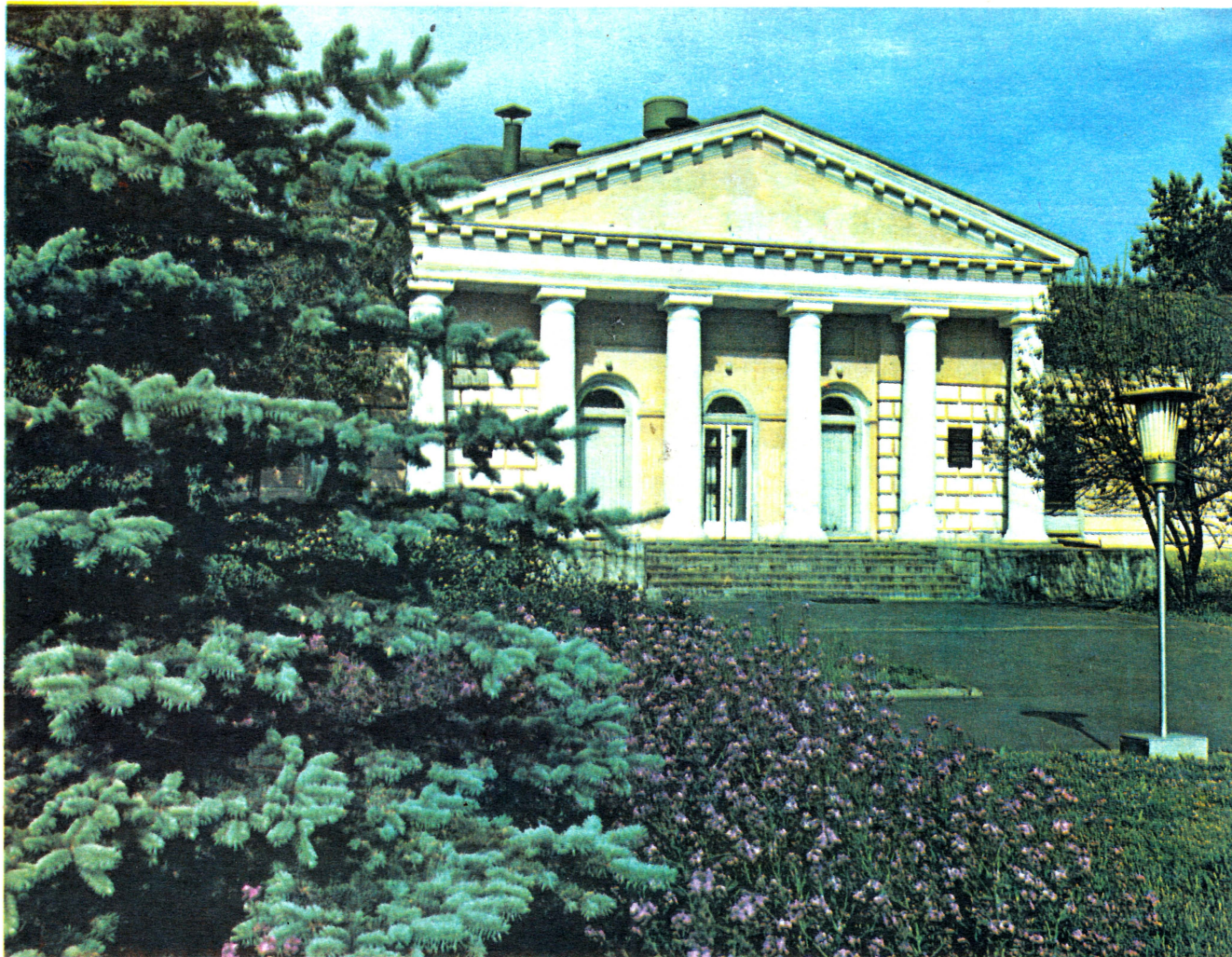
Эту «пушку» несут Владимир Михеев и Игорь Селиванов. Совсем недавно они привели ее в первозданный вид. Не счесть экспонатов, вернувшихся ко второй жизни под их руками. Игорь учился реставрации в Эрмитаже, а Владимир в этом году закончил исторический факультет Удмуртского университета.

Еще одна работа Владимира — реставрированные изделия предков удмуртов и мари. Этим украшениям более двух тысячелетий. Они поступили в музей в составе самой богатой коллекции (более 3000 экспонатов) в результате работы удмуртской археологической экспедиции в 1954—1957 гг. Раскопки у села Чеганда на правом берегу Камы велись под руководством ныне доктора исторических наук В. Ф. Генинга.

Ведут поиски и этнографы, часто совместно с учеными из Эстонии. Вот уже шесть лет колесит по дорогам передвижной этнографический музей, он побывал в самых далеких уголках республики.

Один из его экспонатов — шерстяной ковер переборного ткачества — выткан в 1920—1922 гг. в селе Малая Пурга четырнадцатилетней Е. Филипповой. Размер ковра — 150 × 94 сантиметра.

Арсенал

Охотничье ружье — гигант

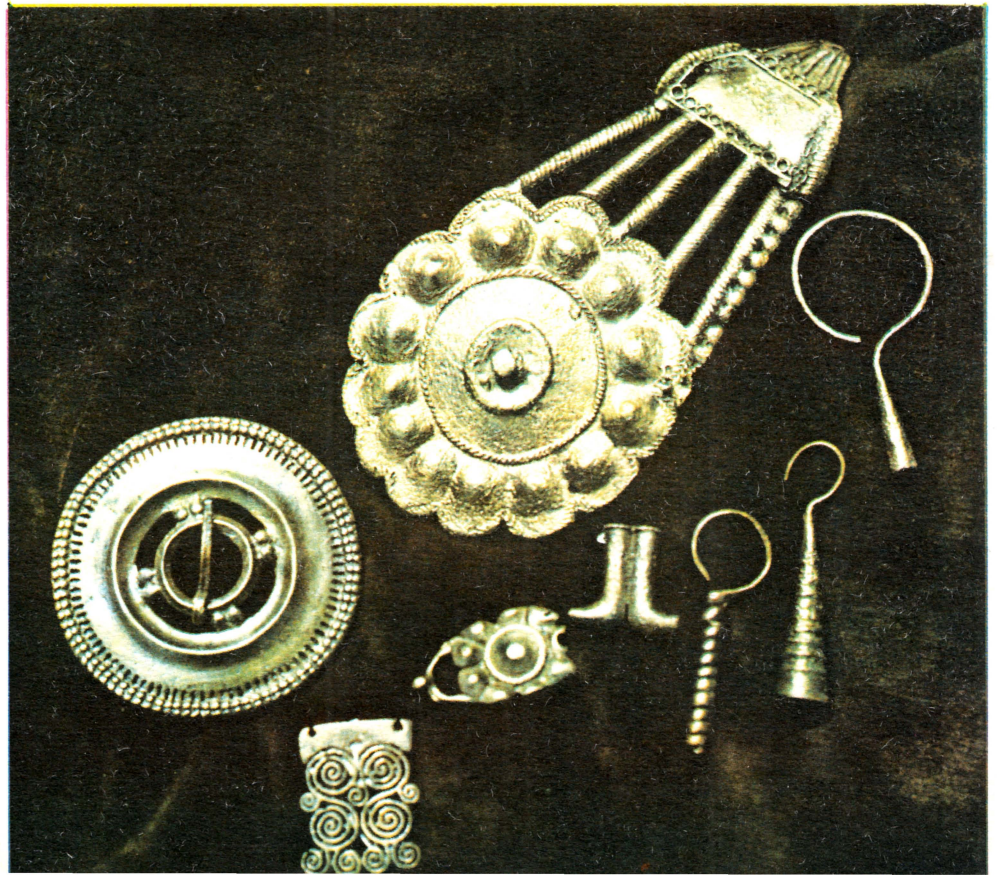
Миниатюрная двустволка

Стальная ваза

Шерстяной
ковёр

Украшение
предков

Можгинское стекло

Стальная ваза сработана народным художником Удмуртии Леонардом Михайловичем Ваевым. Рисунок гравер наносил с помощью платины и золота. Такая гравировка не редкость на штучных ружьях ижевчан. Ваза эта создана в честь сорокалетия образования Удмуртской АССР.

Изделиям Сюгинского завода «Свет» уже полвека. Сюгинский стекольный завод — ветеран, дата его основания 1835 год. Его изделия —

оконное стекло, бутылки различных размеров. Вот из такого бутылочного стекла и изготовляли умельцы пчельницы, вазы, подсвечники, кувшины, бочонки. Они оказались необходимыми в быту во многих районах республики, а не только в Можге, возродившейся на новом месте благодаря заводу «Свет».

Когда республика будет праздновать свой юбилей, откроется новая экспозиция ижевского музея. Она

будет целиком посвящена нынешним дням Удмуртии. Тысячи экспонатов наглядно расскажут о работе станкостроителей и хлеборобов, строителей и металлургов, об ижевских мотоциклах, автомобилях, станках, бумагоделательных машинах и многом другом.

В прошлом году музей и пять его филиалов посетило 211 901 человек. В этом, юбилейном, ожидается значительно больше.

Нам было восемнадцать ...

Письма фронтовому другу

**Леонид
СЕЛИВАНОВ**

Здравствуй, Владимир... Владимир Григорьевич? Как бы не так! Вовка — и все тут. Это ты меня додумался по отчеству навеличивать... Ну и ну! Как у тебя язык повернулся?

Впрочем, если поразмыслить, понять тебя можно. Ведь нам уже по пятьдесят, и виделись мы с тобой последний раз аж за тридцать лет назад. Ничего себе кусочек века, а?

Гм... Интересно, как мой белобрысый друг выглядит в пятьдесят лет? Поседел, полысел, животик есть, а? Не представляю. Я помню тебя... Помню по последней встрече, на перекрестке дорог у самого Берлина. Тогда все дороги вели на Берлин.

Ты первым увидел меня и, высунувшись из кабины «студбеккера», прокричал: «Лешка! Здорово! Живой?» Я ответил: «Живой! А ты как?» Но тут между нами вклинилась одна, за ней другая машина, прогремели самоходки, и мы потеряли друг друга.

Ах, какие мы были беспечные. Ну что бы нам раньше-то обменяться домашними адресами. Молодо-зелено. Когда войну закончили, нам всего только двадцать первый шел. И по молодости лет не вдумывались, как теперь вижу, в чей-то мудрый наказ: «Берегите друзей!»

Может быть, мы потому так легко расставались, что по самоуверенности молодости считали: там, за поворотом, нас ждут опять друзья. Иначе быть не могло. Жизнь такая большая, широкая и многолюдная, как же не предполагать в ней новых друзей? И мы их заводили. Но проходили годы, и все чаще и чаще нас тревожила память.

Ты знаешь, я на той же самой улице, где было наше военное училище, Советской она называется. Старые деревянные дома снесли, построили новые многоэтажные общежития. Но кое-что уцелело. Помнишь библиотеку, такой маленький деревянный домик в две или три комнатки? Стоит. Там сейчас студенческий медпункт. Но главное, цела наша казарма. Цела! Рамы широких окон давно уже почернели, да и сама она уж не глядится молодцом во фрунте: стала и пониже, и невзрачнее.

Я как-то не вытерпел, зашел. Постучал в ту комнату, где наш сто первый взвод жил. Помнишь, угловая, с окнами во двор. Мне открыл парень призывного возраста, но в гражданском. И вообще все в комнате было не так. Вместо рядов двухъярусных коек — диван, телевизор...

— Вам кого? — спросил паренек.

«Кого же мне надо?» — размышляю. Ага!

— Залоскина мне, — говорю, — надо. Вовку Залоскина.

— Тут такой не живет.

— А Ванька Казаков, Юрка Сеницын, Петька Сорокин?..

Паренек покачал головой.

— А может, — спрашиваю, — раньше жили?

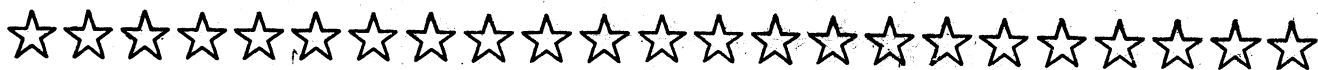
— Ну, что вы, — отвечает, — мы здесь всегда живем. Мне уж скоро восемнадцать, а я тут родился.

Посмотрел я на стенку, возле которой стояла наша с тобой двухэтажная койка и на которой ты ружейной отверткой нацарапал достойные истории слова: «Здесь в краткие часы отдохновения от военных тягот покой и негу находили полковник генерального штаба Залоскин и генерал-поручик артиллерии Иванов-сеньмой».

Тогда, помнишь, за неуставную надпись на стене помкомвзвода Мужиков вlepил тебе наряд вне очереди — мыть полы. И заставил забелить. С тех пор, наверное, раз тридцать стену белили. Но, если присмотреться, то, честное слово, некоторые буквы можно угадать.

И-да, полковником ты в самом деле стал. Правда, я не генерал. Но что

тут скажешь? Кесарю кесарево, а земляпашу — поле. Видно, хорошо проявилась в тебе военная жилка. Ты и в училище, помню, учебники и наставления с такой же жадностью читал, как барышни книжки о любви. Впрочем, не так увлеченно, как ты, но ведь и все мы вгрызались в военную науку отчаянно и остервенело. За десять месяцев должны были пройти трехгодичную программу среднего военного училища и стать офицерами. Как это поэт сказал? «Чуть свет — уж на коне!» Это он нас имел в виду. Ведь наше ТАУ-2 было на конной тяге. И лишь прозвучит крик дневального: «Подъ-е-ем!», как мы схватываемся и — на конюшню. Чистим, драим своих россиантов. Через час сами в поту, а они, паршивцы, нисколько не лучше: поведешь против шерсти, и перхоть опять сыплется. Каких-то витаминов, говорят, не хватало им.

Может, витаминов, а может, просто овса. В войну всем не хватало еды. Нам тоже.

Но как-то терпели. Некогда, наверное, было нетерпение проявлять. Преподаватель беспрестанно загадывал нам вводные: «Танки справа!», «Танки слева!». И мы кричали команды: «По та-а-нкам! Прямой наводкой! Броневой!» Но было еще одно обстоятельство, позволявшее нам стойчески переносить все трудности учения и лишения плоти. Теперь я понимаю, что в каждом из нас сидел заряд самолюбия. Как я, без пяти минут офицер, и покажу, что мне трудно! Да никогда! Лишь после отбоя, свесив сверху ко мне голову, ты шептал:

— Леха, не спишь? Я что думаю. Ты не помнишь фамилию начальника штаба, который отослал нас из части в училище?

— Нет, а что?

— Хотел бы я ему послать пару тепленьких... Зануда! Дивизия-то наша теперь, поди, в Сталинграде дерется. Вот помпони меня, проторчим мы здесь, и без нас закончится война.

— Брось! — пугался я. — Как это без нас?

— Так, не успеем.

— А что делать? Как Воропаев, да?

Валька Воропаев всегда заметно воображал о себе. И с самого первого дня в училище громко роптал: «Я добровольцем в Сибирскую дивизию записывался не за тем, чтобы казенные штаны протирать в классе да полы мыть по наряду Мужикова. Пусть посылают на фронт, и точка».

Он два или три раза рапорт подавал начальнику училища, а тот вызовет, затопает на него ногами, на-

кричит: «Учись, мальчишка!» — и кругом — шагом марш! Не вытерпел Валька, махнул на фронт самовольно. Где-то уже в Омске сняли его с поезда. Вальку привели к нам в казарму с гауптвахты забрать оставшиеся вещи. Мало сказать, что его вид поразил нас, он нас потряс.

Валька был в старой черной телогрейке и лицом весь черный. Он, как помнишь, и вообще-то был смуглый, с черными бровями, а тут у него вдруг начала расти смоляная борода. Но не природная чернота лица обращала на себя внимание. Мы смотрели на его лицо, а видели, как мрачна его душа.

Он ни с кем из нас не заговорил, никому в лицо не взглянул. Все виновато прятал глаза, опуская голову вниз. По училищу был зачитан приказ о том, что за дезертирство курсант Воропаев отправлен в штрафную роту.

И вот я тебя спросил: «Что, пойти вслед за Воропаевым?»

— Нет, — сказал ты, — есть другой вариант. Во втором дивизионе учится мой земляк. Ускоренным маршем осилил всю программу и досрочно сдал экзамены. Сегодня видел его уже в лейтенантских погонах. Правда, он из студентов, но и мы, если поднажмем...

— Так что же ты прохлаждаешься? — зашептал я горячо. — Вставай, будем зубрить.

Сколько с той ночи мы не доспали положенных нам коротких часов отдыха! А в результате все наши старания чуть не обернулись нам боком.

Досрочно офицерского производства нам не вышло, а после окончания положенного срока вызвал нас к себе начальник училища и сказал, что отмечает нашу отличную учебу, благодарит и оставляет на батарее командирами взводов.

Своего лица я, понятно, не видел, только почувствовал, что сердце остановилось. А ты... Твое лицо побелело, потом посерело и стало каким-то шершавым. И глаза заблестели слезами. Может быть, товарищ полковник, теперь тебе и не по чину слышать это, но так было.

Посмотрел на нас начальник училища и так это грозно вопрошает:

— Что, не нравится? Не хотите, да?

— Никак нет, — отчаянно выкрикнули мы в голос. — Не хотим!

Сердитым шагом подходит к нам полковник, в упор разглядывает, целую вечность молчит. Нам уже казалось, что мы в штрафной топаем.

А он вдруг усмехнулся:

— Эх, молодость, молодость. Ну, да ладно, идите вояйте.

...Ты пишешь о той девушке, которую мы первой встретили, прибыв в дивизион, и спрашиваешь, помню ли я ее и кто она такая?

Помню очень хорошо. Наверное, больше чем кого-либо. Сам знаешь, много наших ребят осталось на тех кровавых полях. Погибли Витька Ефименко, Ванюшка Козлов, Иван Дурнов... Но, когда я ставлю в этот ряд имя Тани Воронцовой, мне, честное слово, хочется плакать.

Я вспоминаю, как мы с тобой разинули рты, увидев ее. Это было на Курской дуге. Мы только что соскочили с попутной машины на дымящейся окраине какой-то деревушки, где, как нам сказали, располагался артдивизион, и, опасливо озираясь, стояли в нерешительности, как позади услышали звонкий девичий голос:

— Здравствуйте, товарищи офицеры!

Мы разом повернулись и во все глаза уставились на девушку. Я думаю, до тех пор мы и не видели такой красивой. Какие у нее были глаза! Не помню их цвет, да и не в цвете было дело.

— Здравия желаем, товарищ сержант! — с жаром проскандировали мы. И все трое рассмеялись.

Больше нам и словом не удалось перебраться.

— Батюшки! — всплеснула сержант руками. — Батарея-то снимается, — и побежала в сторону тяжелых урчащих машин.

Оказалось, что это и наша с тобой батарея. Мы замесались между «студебеккерами» с пушками на прицепе, командир, не останавливая машины, принял от нас, заскочивших на подножку «студебеккера», рапорт о прибытии в его распоряжение и, много не разговаривая, тебе приказал залезать в кузов его машины, а мне ткнул пальцем в сторону других двух: «Твой взвод. Догоняй». Я постарался как можно более уверенно отрекомендоваться: «Ваш командир взвода, лейтенант Иванов». Солдаты промолчали.

Ехали мы недолго и вскоре остановились на каком-то пригорке. Я быстренько соскочил, начальственно осмотрелся и приготовился командовать. Но, опережая меня, от первой машины раздался приказывающий голос: «Орудия к бою!»

Пока я оглядывался, расчеты изготовились к бою. И тут же прозвучала команда: «Уровень! Угломер! Осколочным! Огонь!» «Бух! Бух!» — прогremели выстрелы, иazole пушек сверкнул огонь. Поразительно, и сейчас, пожалуй, скажи кому — не поверят, но ведь это точно: я, офицер-артиллерист, приехавший на фронт командовать пушеч-

ной стрельбой, впервые сейчас увидел, как боевыми снарядами стреляют. Я мысленно покачал головой, упрекая в этом себя и кляня бедность училища. И тут же спохватился: «Что ж я не команду?» Стал искать глазами того, кто распорядился на огневой. То был старший сержант с орденом Красной Звезды и гвардейским значком на изношенной гимнастерке.

Я шагнул к нему, чтобы предостеречь: дескать, командир взвода я. И подойдя к нему, уже начал было говорить: «Товарищ старший сержант...», но он, не глядя на меня, отмахнулся:

— Потом, потом, лейтенант. Сейчас отстреляемся, тогда и команду.

Ух, как я на него рассердился. Мне стало не по себе. И я закричал:

— Доложите обстановку!

Старший сержант укоризненно посмотрел на меня.

— Чего, товарищ лейтенант, кричать, — миролюбиво протянул он. — У нас всего каких-то полсотни снарядов. Выпустим их — и сможем воевать. На формировку, говорят, отправляют.

— Куда выпустить полсотни снарядов? — спрашиваю.

— По немцам.

— Ку-уда?

— Да тут сплошь немцы, — показал вперед старший сержант.

— Отбой! — поддал я команду и, забрав у старшего сержанта бинокль, стал выскидывать цели.

Представляешь, и бывалому фронтовику нелегко это сделать, а тут человек, можно сказать, с ветру.

Слышу за спиной недовольный ропот: «Процацкается он тут с биноклем, а того и гляди фриц обнаружит нас. Буде тогда цель, буде нам и формировка».

— Во-он, справа, — слышу рядом голос санинструктора, — смотрите, вспышки. Это минометы. Вот бы по ним...

Частенько так бывает: кто нам в трудную минуту руку помощи подаст, над тем и власть свою показываем. Подтверждение тому мое поведение.

— А вам тут, сержант, — говорю ей, — совсем делать нечего. Идите к шoferам и передайте приказ: отвести машины в укрытие.

Девушка с недоумением смерила меня взглядом с ног до головы, но, словно вспомнив что-то, тут же лихо козырнула: «Есть!» и побежала к машинам.

Таня правильно мне показала на минометные вспышки. Присмотревшись, я обнаружил там целую батарею.

Несколько прищельных выстрелов, и я взял в вилку эту батарею. Ух, как я радовался, когда увидел, что один миномет мы крепко накрыли. Так радовался, что совсем забыл о возможном огнем налета противника. И сначала со страшным недоумением и изумлением смотрел, как мне в глаза катит какой-то раскаленный шар.

Ты ведь знаешь, что скорость полета мины намного меньше, чем орудийного снаряда. И если свист снаряда услышишь, когда он уже пролетит над головой, то мину ты не только загода услышишь, но иногда и увидишь. Вот такое счастье мне как раз и выпало в тот день. Гляжу я на этот красный-красный шар, а сам думаю: «Сейчас как врежет!»

Подумать-то успеваю, а вот даже упасть — времени нет. Лишь сумел боком повернуться.

Я всегда боялся раны в живот, считал ее обязательно смертельной.

И ведь, как назло, осколком от той мины вцепило мне, если и не в сам живот, то в бок. Будто раскаленным шомполом проткнули насквозь. Схватился за бок, чувствую, как по руке потекла теплая-теплая кровь. «Вот оно, как это бывает», — подумал я, решив, что умираю, и стал валиться с ног. Но тут же меня поддержали чьи-то руки и бережно опустили на землю. Надо мной склонилась санинструктор. Заглянула в лицо и, видно, увидела в глазах испуг, стала торопливо говорить: «Это ничего, миленький. Не пугайся. Это пустяки. Я сейчас тебя перевяжу и все будет хорошо. Потерпи, дорогой, потерпи, миленький». И гладит меня по голове, и заглядывает в глаза. Так, помню, меня мать в самом далеком детстве ласкала.

Сначала с обаяшкой, потом смелее я стал подниматься. Таня смотрит на меня настороженно, но ничего не говорит. А когда я встал на ноги, она ободряюще улыбнулась. Подозреваю, что познаний в медицине у нее было не намного больше моего. Она, видно, также считала, как и я — если человек может стоять на ногах, то рана пустячная.

Таня подняла с земли и подала мне бинокль. Я снова стал шарить по «немецкой» земле, искать цель. И тут позади меня рвануло раз и два, затем еще и еще. Не меньше как минометная батарея обрушилась на нас своей огнем.

Все попадали, прижимаясь к земле. Когда кончился огневой налет, я приподнялся и скомандовал: «К орудиам!» Многие с готовностью бросились к пушкам, но несколько солдат осталось лежать. Ищу глазами сани-

инструктора, чтобы крикнуть: «Помоги же им, перевяжи!» и не вижу. Где она? Вижу... Лежит запрокинута, волосы светлой прядью льна-долгунца расстилаются по взрытой черной земле. Рядом валяется зеленая с красным крестом санитарная сумка.

Знаешь, как увидел ее такой беспомощной — сердце сжалось от жалости и тоски. Злясь на боль в боку, как мог скоро, заковылял к ней. Наклонился — не шевелится. Только обильно смоченная кровью гимнастерка на груди чуть заметно поднимается и опускается от ее дыхания.

Я бережно расстегнул гимнастерку, но раны не вижу — вся грудь залита загустевшей до черноты кровью.

И тут Таня открыла глаза, посмотрела на меня. «Н-не надо. Н-не тронь», — прошептала. Лицо ее дрогнуло, глаза закрылись, она протяжно застонала и со стоном, надрывно выговорила: «Ах, мама... Ах, ми-лая моя ма-ма...»

С той раной пролежал я в госпитале почти два месяца. И не было того дня, чтобы не думал о Тане. Мне было ее и жаль, как родную сестренку, и было еще такое чувство, как если бы я перед ней в чем-то виноват остался. Может, и правда, виноват. Война все-таки мужское дело. И когда убивают девушку, то разве мы, мужчины, не виноваты в том, что не сумели ее защитить? Пусть не всегда это было в наших силах, но от этого нам не легче.

...Ты жалеешь, что нет у тебя координат Катомина, нашего бравого солдата Швейка. Как ты мне больно сделал. Я был очень привязан к этому бесшабашному парню. С одной стороны, это был заядлый любитель прихвастнуть, с другой — удалец и храбрец, заботливый товарищ.

Прав был Твардовский, сказав, что в каждой роте есть свой Теркин. Катомин в нашей батарее был добрым громоотводом. Бывало, солдаты устанут до чертиков в глазах, нервы от только что пережитого боя натянуты, как постромки артиллерийской упряжки на подъеме в гору, и думаешь: «А выдержат, не порвутся?», и тут Катомин совсем не к месту начинает: «Э-эй, братва! Послушайте, какой дивный случай приключился со мной в то время, когда я был полупослом на острове Пасхальном. Залетаю я в один замок с шашкой наголо... У-у-уй-ты! Глаза от роскоши слепит. А мне — раз на шею молодая, красивая аристократка чистых кровей. Такая вся маленькая. «Эге, голубушка», — говорю я...»

«Ну, пустомеля, ну трепач! — крутит ребята головой. — Ну и представленный ты, Катомин, — лукаво прищуривается на него солдат Хлебов. — Тебе бы в театр, комедь ломать — артист, чисто артист».

Сам Хлебов тоже был примечательной личностью. Любому из нас он годился в отцы. В его лета другие обычно в обозе воевали, где-нибудь в артиллерийских мастерских, а то и на кухне. Ему же досталась судьба заряжающего орудия. А может, он ее и сам, эту судьбу-то, выбрал.

В наш лексикон слово «хамелеон» вошло со значением ругательства, а напрасно. Потому что мне очень хочется Хлебова назвать хамелеоном. Имея внешность старичка-полевика: небольшой ростом, худенький, седенький, он мог неизвестно меняться на глазах. Смотришь — сейчас он подтянутый солдат и в глазах — служба, а через минуту — колхозный сторож, да и только, а еще через минуту — мальчишка-озорник: может и подшутить над кем угодно, и высмеять.

Переволноваться ему помогали глаза. Очень живые: то смеющиеся, то лукавые, то серьезные, то сердитые.

Иной раз они с Катоминим такие мизансценки разыгрывали, что хоть обоим в театр.

В какой-нибудь совсем безобидной обстановке Катомин вдруг делает испуганное лицо, голову в плечи втянет и зловещим пригрозенным голосом заговорит: «Ой, страшно какой! Господи, спаси и помилуй мя...»

«Ах ты, милая моя, — подхватывает Хлебов, — а я растерялся. Это тебе не мякеньких аристократок на гумне щупать».

Но Катомин уже покрикивает: «Хлебов! Заряжай! Эй, вы там, танцоры, чего рот разинули, тащи снаряды!»

Чудесный был наводчик. Если прямой наводкой стрелять, то из всех артиллеристов, кого я знал, никто не мог с ним поспорить в меткости.

Но разве ты не знаешь, что его убило? Да, это случилось уже на правом берегу Днепра.

Не помню, почему ты не участвовал в форсировании Днепра. Ранен был, в госпитале лежал? Интересно, что более года мы с тобой воевали в одной батарее, но вместе не были, наверное, и недели. То тебя ранят, то меня.

Днепр мы форсировали в районе Большого Букрина, а маршал Жуков в своих воспоминаниях почему-то называет его Великим Букрином. Мо-

жет, потому, что великих ратных трудов стоил он солдату. Меня там ранило 24 октября. Значит, почти месяц мы наступали от него. Продвинулись за этот месяц километров, кажется, на десять, не больше. Переправился я со своим взводом на плотах под жестокой бомбежкой. Вода в Днепре так и кипела, так и вздымалась от пуль и снарядов. Тебя лупят почему зря, а ты на плоту кидаешь в занятое немцами небо не снаряды и гранаты, а лишь одни ругательства. Для поддержки духа помогает, но вреда немцам, увы, не приносит.

Ничего, благополучно все обошлось. Достигли мы правого берега у песчаной косы целы и почти невредимы. Облегченно вздохнули. Самое трудное, самое опасное позади.

Смотрю я на высокий и круглый берег, на который надо с пушками подняться с этого пляжного, песочка, и ничего не могу придумать: как? Машины не подошли. На себе тянуть? Ох и адова эта работа. Ну, а что делать? Придется, думаю.

— Товарищ лейтенант, — слышу катоминский голос. — Дозвольте разведать, что и как там наверху.

— Давай, — говорю, — Катомин, действуй. Да побыстрее. Возьми с собой... Мой взгляд пробежал по лицам артиллеристов и остановился, встретившись со взглядом Хлебова. — Возьми, — говорю, — Хлебова.

— Хлебов! — с командной ноткой крикнул Катомин. — За мной!

Не ожидая никакого чуда, я приказал на руках катить пушки. Но чудо-таки свершилось. Сначала сверху до нас донесся залихватский покрик Катомина: «Ой, вы, залетные!» Потом неторопливое, домашнее хлебовское: «Цыля! У, скотинка безрогая». И наконец, сверху на нас тараном пошли быки. Нет, не быки. Неторопливые и флегматичные, большие, как зароды сена, волю. Один, два, пять... десять!

Мы все страшно обрадовались. Ребята наперебой приставали к Катомину: «Где взял?» А он самодовольно ухмылялся, крутил свой разношерстный ус и лениво растягивал слова:

→ У меня в интендантах ходит сам Иисус Христос. Вот, говорит, сержант Катомин, ты приказал, я приготовил тебе и транспорт, и продовольствие.

И от Хлебова добились небольшого: «Правду бант Катомин, — подкидывает, — бог послал».

Комдив приказал мне окопаться в удобном месте, сидеть и ждать, когда немцы пойдут в контратаку. Они должны были попытаться опрокинуть в Днепр наш, пока немного-

численный авангард. Вот тут-то наши пушки и должны сказать свое слово.

Мы хорошо замаскировались. Пушки поставили на самой кромке рощицы, все остальное хозяйство укрыли меж деревьев. Здесь же солдаты вырыли для себя добротные окопы. Волос Катомин с Хлебовым отогнали в овраг.

— Смотри, — сказал я Катомину, — чтобы в целости были быки. Может, придется еще не раз менять нам огневую.

— Не сомневайтесь, товарищ лейтенант, — подчеркнуто молодежато козыряет Катомин, — будут в целости и сохранности... Если, конечно, делом, их немец своей артиллерией не поубивает.

Весь первый день мы просидели тихо и спокойно. Так же тихо прошел и второй. НЗ съели, голод мучает.

Так мы еще день просидели. Я с командирами орудий и наводчиками намечал репера, солдаты поддельвали окопы, на всякий случай выбирали рубежи для стрельбы из карабинов.

Под вечер ребята заскучали так, что и скоморох Катомин не смог их расшевелить. Побалагурил-побалагурил, видит — без толку и где-то затих. Но ненадолго. Вдруг появляется передо мной и по всей форме докладывает:

— Волос, товарищ лейтенант, проведовал. Несчастье. Тот, который самый мясистый был... Убило его.

Я смотрю в его необыкновенно правдивые глаза и недоумеваю: как так убило? Ведь вроде и обстрела не было.

— Не иначе как шальной снаряд, — поясняет Катомин.

— Трибунал, — говорю, — Катомин, по тебе плачет. Как ты смел тягловую силу на мясо убивать?

— Воля ваша, — отвечает. — В трибунал так в трибунал. Только вы уж прикажите обед готовить.

Вот непутевый. Ну, да и то сказать, шибко-то путевые для войны были мало гожи. Солдат должен обладать смелостью и находчивостью, быть безбоязненным и дерзким. Такие дольше жили, дольше воевали. Но, увы, и их не так уж редко вражеская пуля находила.

Не увернулся от горячего кусочка свинца и Катомин. А погиб как герой.

Утром, чуть свет немцы зашевелились. Начали усиленный обстрел переправы. На огневую позвонил начальник артиллерии бригады. Помнишь майора Ибрагимова? «Давай, — говорит, — Иванов, пулай по ихним огневым, отвлекай на себя огонь».

— Есть пулять!

О, это был денек! Сначала мы вели артиллерийскую дуэль с немецкой батареей. Она нам всю рошницу по пояс срезала, как добрый косарь луговую траву. Мы тоже в долгу не остались: отправили ей на закуску боекомплект. Но, вижу, дело становится затыжным. Поубавил огня: надо беречь боеприпасы. А немец пристрелялся: снаряды стали рваться прямо на огневой — между пушек. Помню, это была какая-то жутковатая игра со смертью. При очередном артналете на огневую мы сыпались в окопы, как картошка из мешка. И было при этом немало казусов. Кто-то неловко завалился, кто-то в попытках задел за ведро с буйволятиной, которую мы еще не успели съесть, и куски мяса вывалились нам на головы.

Мы громко смеялись, тут же замолкая при разрывах, уткнувшись лицом в стенку окопа. А когда кончался артналет и я подавал команду: «К орудиям!», то слышал, как Хлебов, загоняя в казенник пушки снаряд, приговаривал: «Господи, убей до смерти, у кого жена молода да денег много».

Среди нас шныряла смерть, опаялая своим дурным дыханием наши тела, а мы смеялись. После я много раз думал: что же это было? Бравада? Нет, кажется мне, что смеялись мы тогда, подсознательно желая себя ободрить, поднять в себе дух, прибавить сил, чтобы выстоять, не сломиться.

Но с каждым артналетом оставалось нас все меньше и меньше. Да и пушки тоже... Одну совсем разбило, у другой, катоминской, шит снесло. В довершение — и снаряды кончились. Остались одни болванки — подкалиберные. Ну это только для танков. Я прекратил стрельбу.

А немец совсем озверел. Кидает на нас уже целые оземданы взрывчатки. Занкали по-ослиному его крупнокалиберные минометы: «И-а-ах! И-а-ах!»

И вдруг на огневую пала тишина. В ушах еще звенит, а уж — ни грома, ни молний взрывов.

Я выглянул из своего окопчика, который был чуть впереди и в стороне от орудий: пробив рваные, дымные тучи, солнце щедро бросило свет на возвышенность, лежавшую между нами и немцами. Светлые лучи его заиграли на желтеющих листьях редких березок, изумрудом переливается еще не успевшая проохнуть трава.

И вот на эту красоту ступает немецкий сапог, мнут ее гусеницы танков. Без малого десятков танков и пехоты, считай, роты две пошли

в атаку на нас. А нас всего трое осталось: я, Катомин и Хлебов.

Потом, уже в госпитале, анализируя эту обстановку, я додумался: та сила шла не на нас, вернее, не только на нас. Немцы, по всей вероятности, направляли удар по переправе, а нас намеревались смести попутно. Но мы этого не знали и вообще ражали, что все немецкое войско выставлено против нашей единственной пушки.

— Как в кино! — услышал я голос Хлебова. Обернулся и сначала его не узнал. Он был без пилотки, без гимнастерки, в нижней рубашке, испачканной в копоти, земле и крови. Лицо чумазое, седоватые волосы мокрыми прядями липнут ко лбу.

Лица Катомина я не вижу — он уткнулся в панораму, — но слышу его задиристую речь: «Во, гад, прет! Против одного Катомина. А все ж дешево они меня ценят. Накинули бы еще с десяточек танков. Ты, Хлебов, не робей. Я тебя не выдам. Держись за мою штанину. Так, так, вот я его поймал на крестик». Катомин вопросительно смотрит на меня. Я поднимаюсь из окопа во весь рост и громко и в то же время вдруг торжественно, словно на плацу перед большим войском, командую: «По танкам! Прямой наводкой! Подкалиберным! Огонь!»

Выстрел, другой — и танк горит. Но остальные, кажется, убыстряют ход. Катомин торопится, колесо поворота ствола под его рукой бешено крутится, тяжелый ствол послушно и легко, как указательный палец руки, движется влево, вправо. Вот он застыл. Стрелять надо. Но Катомин что-то еще выжидает, и я не слышу — угадываю, как Хлебов шепчет: «Ну, стреляй же, стреляй!»

Удачлив Катомин: остановился, дернулся и замер еще один танк. И снова Катомин выплевывает фашистское страшлище. Но выстрелить не успевает. Немецкий снаряд рванул землю, закачалось небо. Боли в себе не чувствую, а подняться не могу. Нет сил даже спуститься на дно окопа. Так и лежу грудью на его бруствере. Значит, контужен. Вижу, наша пушка накренилась на бок. Ни Катомина, ни Хлебова не видать. Но слышу, откуда-то из-за пушки доносится хлебовское ругательство: «Язви тебя в душу, сволота неумытая!» В ответ насмешливый голос Катомина: «Ну ты, сердобольный, иззаботился о фашистах. Вставай, будем проверять, чистят ли они себе зубы».

Теперь, когда Катомин зашевелился, я увидел его. Весь обсыпанный землей, стоит на коленях, цепляется за казенник орудия, тяжело подни-

мается на ноги. Не глядя в мою сторону, окликает: «Лейтенант, ты жив?»

Я не отвечаю, смотрю перед собой и вижу совсем близко — протяни руку и дотянешься — фашистский танк. Катомин отчаянным усилием пытается поправить пушку, но тут же безнадежно машет на нее рукой и, покачиваясь, выходит навстречу танку. В его руке откуда-то взявшаяся противотанковая граната. Наклонившись всем телом вперед, он с натугой шагает навстречу железному чудовищу. По нему строчит из танка пулемет. Но Катомин родился в рубашке. Вот он — цел и невредим — уже в каких-то десяти шагах от танка. Размахнулся во все плечо — бросил гранату. И одновременно со взрывом, раскинув в стороны руки, беспомощно падает во весь свой рост. Танк вздрогнул, остановился было, но вскоре опять заурчал и уже медленно, но все-таки продолжал ползти.

Танк угрожающе гремит, подминает под себя землю, добирается до Катомина. Сейчас он пройдет по нему гусеницей. Я содрогаюсь.

Остановить танк! Но я беспомощен. Даже пистолет до уровня глаз не могу поднять. Проклятая контузия. А танк надо остановить. Остановить! И чудо свершилось. Выстрелила! Наша пушка выстрелила. Взял подкалиберный броню «тигра». Уткнулся он своей поганой плевательницей-пушкой в землю и омертвел.

Как мог Хлебов, шуплый, израненный, один справиться с подбитой пушкой, поставить ее на оба колеса, зарядить, навести и успеть опередить выстрелом танка?

Скосив глаза в его сторону, вижу — навалился куда-то в далекую даль. Лицо его в крови, она заливает ему глаза, и он тяжело, с усилием поднимает руку к лицу и рукавом рубахи вытирает его. И снова неотрывно смотрит в даль.

От танка доносит запах горячей краски, меня тошнит, беспомощно кружится голова...

ОТ АВТОРА.

В этих письмах, как видно, нет каких-либо невероятных приключений, чтобы была нужда уверять читателя: все-де, рассказанное в них, — правда. Это так — правда. И если я взял послесловие, то только затем, чтобы упредить догадки читателя: фамилии главных действующих лиц изменены.

ВСЕ ТО,

**Леонид
ШКАВРО**

На свете немало я пожил...
Но стоит прилечь на траву,
и станет намного дороже
все то, чем я жил и живу.

Лежу — и на уровне солнца,
искрясь в зоревой тишине,
на цыпочках звень-колокольцы
бегут, голубея, ко мне.

Вдруг сам для себя обнаружишь,
вступая в душевный покой,
что стал бы намного ты хуже
без щедрости леса такой!

Ни горя, ни боли, ни страха
не нес я таежным зверькам...
И я ни травинку, ни птаху
еще не обидел пока.

И как хорошо, что поныне,
входя и в поля, и в леса,
нигде никогда перед ними
не надо мне прятать глаза.

Уже земля всесущим светом,
как бы воспрянув ото сна,
до основания прогрета
и до краев напоена.

И по самой своей природе
она с апрелем заодно
такою дымкою исходит,
что захмелеть немудрено.

И сладок дух ее до боли
и зов, чем дальше, тем сильней...
И не напрасно тянет в поле
того, кто думает о ней.

Река с себя смывает накипь,
а от причала в стороне
волна колышется...
И бакен,
как заведенный, на волне.

Глазам от лунных блесток колко,
они, усеяв Каме грудь,
цветастым выплеском осколков
барже высвечивают путь.

**Валентина
СЛЯДНЕВА**

Подворье

Среди холмов, куртин и впадин
Бежали дни вперегонки...
Опять потянет, где жил прадед,
К тому подворью у реки.
Как птицы, низко кружат тучи,
Все заросло большой травой,
И в половодье смыло кручу,
Где часто думал прадед мой.
О чем он думал — я не знаю,
В эпоху бога и царя...
Но посреди подворья в мае
Сирень горела, как заря.
Она горела и горела,
Маня прохладой и дразня,
Она когда-то его грела
Ничуть не меньше, чем меня...
А к той, кому букеты нес он,
Пред кем тушил на людях взор,
Живой тропинкой в пору весен
Сирень пробилась с давних пор.
Не помешала ей ограда,
Досужих сплетен долгий гнет...
Все время смыло, только радость
В другом столетии цветет.

ЧЕМ Я ЖИВУ

Торгует бабка зеленю.
— Почем петрушка, мать?
Я знаю, что не велено
Ничем здесь торговать.

Беру я лук у бабушки,
Хоть и ларек есть тут...
А щеки, как оладушки,
У бабушки цветут.

Покончит в кухне с печевом,—
Внучек в кино ушел...
И больше делать нечего
Ей в городе большом.

Клочок земли разгладила,
Воткнула семена,
И ждет росточков, радуясь,
Как девочка она.

И дело не в копеечке,—
Пойми ты, постовой! —
Бабусе в телогреечке
Легко ль идти домой?

Я знаю, что не велено
Ничем здесь торговать.
Сидит бабуся в зелени,
Похожая на мать.

Я тебя люблю

Стынут у дороги,
Шепчутся овсы,
Обжигает ноги
Холодок росы.

У речного плеса,
Что так сердцу мил,
Набегают слезы:
— Ты меня любил!

Были неразлучны
Мы от всех вдали,
Наше солнце тучи
Спрятать не могли...

У горы Гремухи,
Где родник забил,
Заломлю я руки:
— Ты меня любил!

А за дальним полем
Ветра плач ловлю,
Повторяю с болью:
— Я тебя люблю!

Стынут у дороги,
Шепчутся овсы,
Обжигает ноги
Холодок росы.

На линялых пожнях
След мой змейкой вьется,
А в пригоршнях полных
Ручеек смеется...

Ручеек замутится,
След — уж не заметен...
Сбудется, не сбудется —
Не стереть отметин.

Муку свою пестовать? —
Радость мне открылась,
Будто бы над бездною
Кончилась бескрылость.

Мимо поля проезжаю —
Быть большому урожаю:
Колосок — во всю ладонь,
Перепел — на сто ладонь...
Здесь мелькали гимнастерки
И ползли «тридцатьчетверки» —
Клубы дыма и огня
Обступили вдруг меня.
Лейся, поле, мое поле!
Песня, горестная доля...
Над тобой кружит июнь —
Он все так же свеж и юн.
А на поле бугорок
Навсегда от слез промок.

Рисунки
Е. Крутских

Вечером

Рустам
ВАЛЕЕВ

Рисунки
Н. Мооса

В ИСПАНСКОМ ДОМЕ

Повесть

1.

— Идем,— сказал я собаке.— Кого нам бояться!

И никто из гостей, шастающих по задворью, даже не взглянул на нас, и сквозь чашу картофельной ботвы проломилась мы к лазу в заборе. Лаз был укромн и мал: пролезет ли собака? Длинно вытягиваясь, она проскользнула, а там и я пролез—и потрусили рядышком по твердо прибитой коричневой дорожке кривого переулка.

Это была рослая серая овчарка с вогнутой, как седло, широкой хребтиной. Два дня назад привел ее во двор дядя Харис, будущий, или теперь уже настоящий, муж тети Марвы, сидящий сейчас в нижнем этаже нашего большого дома, где совсем ведь недавно ладно и мирно жили тетя Марва, бабушка Бедер и Амина. Они там посиживают, едят и пьют, лишь бабушка Бедер и две-три старушки-пособницы

ходят взад и вперед — от очагов с угощением, от клетки, где находится наш погреб и где в углу, в желтой сухой соломе, нежатся кошки моей матери, — старухи носят плов и блины в прохладные сумеречные комнаты, где сидит и сидит дядя Харис, и сидит, видать, терпеливо радуясь, мать Амины.

Амина, я подозревал, стеснялась этой свадьбы. С самого утра мы не обмолвились ни единым словом. Не позвала меня, вредная, а с дикариками, сыновьями дяди Хариса, пристроилась на бревнах у забора и рассказывает им разные небылицы.

— Быстрой, быстрой, — сказал я собаке, и скоро мы очутились на речке, вброд вышли на островок, и густые высокие талы надежно укрыли меня и собаку от всех на свете глаз.

Ничком я лег на песок, тут же и собака легла, задев меня своим грузным туловом.

То, что никто не заметил нашего исчезновения, было мне теперь обидно, но возвращаться не хотелось. Свадьба, когда она только-только затевалась, мне нравилась. Я как бы примеривал это событие на себя, на маму, на всю мою последующую жизнь. Но только примеривал — уж моя-то мама, я знал твердо, никогда замуж не выйдет, хотя дедушка время от времени и говорит: «Дочка, ведь даже птицы живут парами». Моей маме, знавшей сердечные тайны своей подруги, тоже нравилась свадьба, и она от души хлопотала в предсвадебной суматохе. Эта роль, думал я кощунственно, хотя немного помогает маме в ее стойкости и хоть немного красит ее вдовью судьбу.

Как оживленно, почти упоенно рассказывала она бабушке:

«Когда Харис познакомился с Марвой, его спросили: понравилась ли Марва? И знаешь, что он ответил? Без-ус-ловно! Но я встретила на улице Ахтема... бедный, он плачет, он так любит Марву. Я говорю: Ахтем, она пожалела его детей, ты ведь знаешь, какое доброе сердце у Марвы!..»

Моя бабушка, вот уже четыре года не вставшая с постели, слушала маму с обиженным выражением лица и едва заметно покачивала головой. «Однако этот ваш Харис не зашел ко мне. Ахтем, бывало, обязательно зайдет и спросит: как здоровье, бабушка?.. А что, у этого Хариса двое мальчишек? И он, говоришь, поколачивает их? Ну да шалить не будут. А то, смотри, все яблони пообломают».

Вот и сейчас, наверное, посидев как на иголках среди гостей, мама взбежала к бабушке и с пятого на десятое рассказывает ей о свадьбе, как бы машинально выходит в соседнюю комнату, задернув за собой шторы, и оттуда говорит не переставая, в то время как руки ее воровато открывают комод и вынимают пудреницу — и она поспешно пудрит лицо, только легонько,

только чуть-чуть, чтобы бабушка не усмотрела следов пудры на ее лице.

Нет, не хотелось мне возвращаться домой, не хотелось быть свидетелем свадьбы, этого, как мне казалось, нарочитого, неискреннего действия, главным лицом в котором была добрая тетя Марва, терпеливо сносящая всю эту кутерьму. Но больше всего не хотелось мне видеть Амину, окруженную дикариками, лупоглазыми, сопящими ей прямо в уши. У дикариков в носу полипы, и тяжелое дыхание делает их лица глупыми и несчастными. А вот Амина сидит и терпит их, рассказывает им сказки. «Я и моя мама жалею и люблю этих мальчиков». Можно, конечно, и пожалеть, но — любить их, по-моему, невозможно.

Воздух нагревался и застаивался в зарослях, звенела и кусалась мошкара, моя собака запаленно дышала, вывалив наружу алый трепещущий язык.

— Ну, — сказал я, — кого нам бояться? Идем.

И мы пошли к дому на улице Красногвардейцев. Эта улица проходила параллельно нашей, Набережной, ходу до нее был всего квартал, но что это была за улица! Здесь пышно зеленел и цвел сквер с обелиском среди кленов, акаций и сирени, среди ухоженных клумб с астрами, флоксами, мальвами — обелиск в память о красногвардейцах, прогнавших из города дутовских казаков. Клены и акации были посажены красногвардейцами вместе с горожанами буквально на следующий день по взятии города — была весна, а город был гол и пылен. Потом сквер перешел на попечение комсомольцев-студентов; водил их сюда на субботники мой отец, в ту пору еще парень в юнштурмовке. Мать показывала мне карагач, который они посадили тогда с отцом.

Напротив сквера стоял двухэтажный каменный дом, в котором жили военные с семьями, и рядом тоже двухэтажный каменный, который называли то испанским, то учительским, в нем еще с довоенных пор жили учителя. Но предназначался он для семей испанских эмигрантов. Однако испанцы в наш город так и не приехали, так что, наверно, по этой причине не стали достраивать второй предназначенный тоже для них дом. В нем был поднят только один этаж, работы приостановились, а там война, словом, до него и сейчас ни у кого не доходили руки. Вот его-то мы называли испанским, отнюдь не учительским, который не представлял для нас никакого интереса. А этот был прибежищем мальчишек, штабом, когда затевались уличные драки, а в обычные дни мы забирались в него посидеть, поговорить и послушать разные истории, мальчики постарше назначали там по вечерам свидания. У меня были две главные мечты: занять взрослый велосипед и назначить Амине свидание в испанском доме.

Велик был соблазн заглянуть в испанский дом, но мы решили все-таки вернуться во двор — опять же через лаз, огородами. Я оставил собаку возле забора — лопухи и рослая картофельная ботва почти что заслонили ее надежно.

Пока нас не было, что-то произошло. Мама стояла около клетки и потерянно звала своих кошек. На меня она едва взглянула. Взбежав на крыльцо, я услышал, как ругается бабушка и хнычет Галейка. Я заглянул в чулан. За столиком сидел Галейка, тянулся к мисочке с пловом, но бабушка хлестал его по руке и твердил: — Нет, ты признаешься, зимогор... я заставлю!

— Не ломал я, — хныкал Галейка, и зловерные огоньки вспыхивали в его черных глазенках. — Не ломал, зачем мне твоя яблоня... дай поесть.

Ага, значит, кто-то сломал яблоню, и бабушка вытягивает признание у Галейки: ведь только он мог это сделать. Да, у нас так: деревья должны ломать только Галейка, Динка должна кривляться с мальчишками, вообще, с тех пор как ей стукнуло пятнадцать, ее подозревают во всяких шалостях, ну, а что касается меня, то я ускользаю из дома без спросу и — айда куда подальше и нелюдимей: в дикие заросли талов на островке, в пустующие жаркие скалы над омутом.

Тут мама вошла в чулан, бормоча о своем: — Бедная тетя Бедер, так она огорчена. Но, честное слово, я не попрекнула даже, хотя кошки разбежались от ее непрестанных хождений в клетку... Ну, он все еще не признался? Какой упрямый. Ну, пусть ест.

Бабушка сжал кулаки и метнул на нее неодуший взгляд.

— Эх, дала бы ты их в мои руки!..

Да мы и были в его руках, его и бабушки. А у мамы — ее кошки. Вот тоже странная: любую бродячую кошку подберет, пригреет, та наплодит прорву котят, она и котят обихаживает, а умную красивую овчарку, мою собаку, терпеть не может.

Галейка быстро опростал мисочку и оближал ложку.

— Яблоню сломал Борька, — сказал он, не обращая ни к кому.

— Какой Борька? — спросила мама.

— Дикарик.

Бабушка и мама многозначительно переглянулись. Первой опомнилась мама:

— Смотрите, бабушке ни гу-гу! А если про собаку спросит, скажем, ушла. Ее действительно не видать.

Она вышла из чулана, я поплелся за ней, чтобы ей одной сказать, что пусть лучше собака остается, а я постараюсь уговорить бабушку.

В садике, на веранде, тоже насыщались —

дикарики, моя сестра Динка и возле нее, конечно, Марсель. Бабушка Бедер и мне принесла мисочку с пловом. Поставила, подмигнула мне ласково и пошла. Ей было не до разговоров.

— Надо есть с хлебом, — назидательно сказала мама и протянула мне ломоть. — Мальчишки, мальчишки! — И дикарикам по ломтю. Динка сама хмуро потянулась за хлебом. И только Марсель продолжал уминать плов без хлеба. — Ну, а ты? — удивилась мама. — Не надо стесняться. — Она взяла ломоть и с улыбкой протянула его Марселю.

Он вспыхнул:

— Не смейте... не смейте предлагать мне кусок!.. — Он был ужасный чудак, зверел по пустякам. Вот и сейчас в его глазах сверкнул огонек такой неприязни, такой злости, что мама слегка побледнела.

— Ну, я побегу, — сказала она через минуту. — Дина, пожалуйста, проследи, чтобы Галейка не хлебнула брагу.

Собственно, благодаря маме и появился в нашем доме Марсель. Он приходился нам сватом — так называют у нас всякого отдаленного родича, когда трудно установить степень родства. О Марселе я знал только то, что мать у него была красавица, а отца называли бродяжкой, он был человеком пришлым, без роду, без племени, чуждым горделивому миру ремесленников и вечно вступающим с ним в конфликты. Оба они умерли от туберкулеза сразу после войны. Маленького Марселя взяла на попечение его старенькая бабушка, но когда и она умерла, уже подростком, Марсель вернулся в их саманный слеповатый домик рядом с нашим домом.

Мне казалось, что только я один понимаю маму и болею ее заботами. Ведь ей так нелегко — ухаживать за бабушкой, сносить ворчание дедушки, не спускать глаз с Галейки.

— А где Амина? — спросил я.

— Пошла за водой, — сказала Динка. — Надо перемыть гору посуды. Сейчас и я побегу. Ой, ты не видел, дядя Риза совсем пьяный!..

— А где он?

— Спит на сеновале.

— Как же, спит! — хмыкнул Марсель. — Он пошел в город, играть в бильярд.

Дядю Ризу, брата тети Марвы, попросили быть распорядителем на свадьбе — трезвей и выдержанней его не было человека, — но вот он взбунтовался, не захотел и оставил свои обязанности еще до окончания пира.

2.

На следующий день двор наш огласился отчаянными воплями дикариков. Дядя Харис порол их за сломанную яблоню. Моя бабушка тоскиво звала, сидя на своих перинах:

— Асма, Асма, почему эти мальчишки так вопят? Неужели он их бьет? Асма, Асма, скажи, пусть немедленно прекратит!..

— Я не могу, я боюсь, — отвечала мама. — Амина хотела заступиться, он и ее чуть было не хлестнул. А тетю Бедер выставил за дверь.

— А, Бедер, Бедер! — презрительно говорила моя бабушка. — Раба аллаха! Неужели она не может треснуть его ухватом?

Дикарики между тем затихли, но бабушка и мама долго еще обсуждали происшествие и пришли к печальному выводу: покой в семье тети Марвы потерян; плохо придется Амине, плохо бабушке Бедер, а дядя Риза решил, наверное, вернуться к своей жене Лиде — он как исчез со свадьбы, так еще не показывался во дворе.

К вечеру дядя Харис посадил на месте сломанной яблони новую. Стремительно прямо-таки ворвался он во двор, неся трепещущий зелеными листочками саженец, и с какой-то свирепостью вкопал в землю. Дикарики весело прыгали вокруг него и показывали язык Амине, как будто Амину, а не их выпорол отец. Амина только улыбалась, великодушно и скорбно.

Когда дядя Харис скрылся в доме, явился мой дедушка и подозрительно прошелся вокруг яблоньки. Мама вышла звать его: ей казалось неприличным его поведение.

— Но это же дичок, — бормотал дедушка, — чего же можно ждать от дичка?

— Да уж ладно, ладно, — отвечала мама, как бы не решаясь сказать, что и от наших яблонь проку мало; ведь никто за ними не ухаживал, и плоды, едва созрев, становились добычей червей. — Да уж ладно, ладно. — И тут мама доверительно шепнула дедушке: — Он обещал увести собаку.

— Мама, но ведь ты мне говорила...

— Что, что? Мы обязательно что-нибудь придумаем. Ну, я побегу, надо бабушке дать лекарство.

А что придумаешь, если сам дядя Харис решил прогнать собаку! И вот однажды он злой ворвался во двор, отвязал собаку и быстро повел ее. Я бросился к нему, но он так свирепо глянул и с такою, как мне показалось, ненавистью прохрипел:

— Пш-шел вон! — что я тут же отступил. И заплакал. Но что ему были мои слезы!

После того случая я уже вовсе невзлюбил дядю Хариса и целиком принял сторону бабушки Бедер, дяди Ризы, который так в тот день и не вернулся домой, и, уж конечно, Амине. Прежде Амина, оставаясь вдвоем с бабушкой, пела. Бабушка Бедер, бывало, варит, стирает или вяжет — вяжет и тихо улыбается, слушая пение внучки. «Тише, тише, — урезонивала она нас, — вы мешаете мне слушать. Бедная, как она поет!» Меня это задевало: почему бедная? Бабушка отвечала убежденно: «Так поют только а-

гелы. Бедная, она умрет ребенком. Вы лживы и непослушны, с детства погрязаете в грехах. Амина же чиста, ее бережет бог — и заберет к себе невинной».

Теперь Амина не пела. Дикарики дразнили ее и с воплем уносились прочь, чтобы через минуту просунуть в окно свои отвратительные рожицы и орать непристойности. Мне ничего не стоило их отлупить и хотя бы ненадолго вразумить. Но я всякий раз откладывал наказание: я не хотел мира между Аминой и дикариками. Сейчас она принадлежала мне, мне и бабушке Бедер. За эти дни она очень исхудала, глаза ее стали огромней и прекрасней. Глядя на нее со стороны, бабушка Бедер вздыхала:

— Зябнет мой птенчик. Прежде мать одну ее грела, а теперь их трое.

Все чаще бабушка Бедер вспоминала прошлое. Для нее жизнь будто кончилась и осталась только память о прежнем. Удивительно, не одной ей это нравилось. Приходил дядя Риза — все только днем, когда отец дикариков был на работе, — тетя Марва днем тоже бывала дома (она руководила художественной самодеятельностью в клубе станкозавода), а у моей мамы каникулы, так вот они и сиживали на бревнах и вспоминали: как до войны жили, как в войну. Говорили о трудных временах, но получалось, что жили весело, дружно, хорошо.

— Маялись люди с топливом, с картошкой, — рассказывала бабушка Бедер. — А я не знала забот, все Марва, все Марва — и уголь завезет, и участок под картошку получит, сама вскопает, сама прополет, а там свезет во двор. Я все Амину нянчу, а Марва и стирает, и варит...

— Марва победу в тылу ковала, — скажет дядя Риза как бы шутя, а сам гладит тетю Марву по голове, и глаза дымкой покрываются. — Нет, правда, Марва, мужики до сих пор вспоминают, какие швы ты заделывала — сварщик экстра-класса!

Тетя Марва стыдливо отмахивалась:

— От моей работы одни только убытки — сколько платьев прожгла! Стеснялась в спечовке ходить. Искры сыплются — и обязательно на платье. Бывало, искра в ботинок заскочит, замрешь, пережидает, пока остынет, а там разумеешь, опростаешь ботинок — и ничего, не решь. А из-за платьев ревела.

Моя мама, обычно разговорчивая, тут все больше молчала, и мне очень хотелось, чтобы и она вспомнила что-нибудь из прошлого. Ну да, думал я, что у нее может быть интересного — война, не война, учила себе детей, и все. А дедушка, опять же, война, не война, шил себе пальто и костюмы. А бабушка, наверное, пекла хлебы. Но вот я вспомнил как-то: дедушка сшил только что вернувшемуся с войны дяде Ризе брюки из какого-то замечательного зеленого материала. Вспомнил — и сказал:

— А помните, дядя Риза, дедушка вам сшил брюки?

— О-о! — вдруг обрадовался дядя Риза. — Это были отменные брюки, из чертовой кожи, им сносу нет. Потом я подарил их Феде, своему стажеру. Нет, дядя Ибрай умел уважить фронтовика! Я ему за работу пол-литра спирта предлагал — не взял.

Я глянул на маму и удивился: она сидела пунцовая от счастья. А дядя Риза посмеивался и веточкой протягивался к ее руке, поглаживал. Поглаживал и курил, целое облако надымил, оно окутывало мамину голову, но мама не двигалась и не старалась отмахнуть дым.

— Хватит кадить, Риза, — сказала строго тетя Марва. — Кадишь и кадишь!

— Да, хватит, — слишком серьезно согласился дядя Риза и поднялся, пошел в дом. Я тоже встал; без дяди Ризы беседа уже не казалась мне интересной. Удаляясь, я слышал, как тетя Марва говорила:

— Уж он-то детей твоих бы не обижал...

А разве я или Динка, или Галейка думали иначе и разве мы тоже не любили его, дядю Ризу? Но все-таки лучше, когда твоя мама не выходит замуж.

А вскоре случилось вот что: наших соседей обокрали, и те заподозрили, что воров навел не кто иной как Галейка. Точнее, на него показал сынишка других соседей, видевший, как шантрапа вертелась около дома — и с ними был Галейка.

Для нашей семьи это было как гром среди ясного неба. Но вот что странно: и дедушка, и бабушка как-то очень быстро смирились с напастью, хотя прежде даже мысли не допускали о подобных проделках внука. Дедушка вдруг заявил:

— Вот пусть теперь этого шалопая воспитают в детской колонии, уж там-то он поймет по чем фунт лиха!

Галейка ходил горделивый, как петух, и не только не опровергал своего участия в воровстве, но загадочными недомолвками напускал еще больше туману, из чего, впрочем, можно было бы и понять, что он ни в чем не виноват.

— Я должна поговорить с учительницей этого болтунишки, — решительно заявила мама.

Позже я не переставал удивляться верному направлению, которое она взяла, устремляясь на выручку нашего Галея. Словом, она отправилась в школу, где учился малыш, показавший на Галейку. Но учительница, оказывается, находилась в пионерском лагере.

— Я должна ее повидать. Никто лучше педагога не может знать своего ученика!

— Конечно, — соглашался с нею дедушка, — но при чем тут педагог? Он-то чем поможет?

— А вот увидишь! — многозначительно пообещала мама.

...У дикариков были городки, и играли они отменно. Вдохновение оживляло их лица, обычно тусклые и туповатые. Их отец выходил во двор и наблюдал, как его отпрыски разделяют орех под орех любого из нас. Временами его сухие жесткие губы неумело и стеснительно складывались в улыбку.

— Дядя Харис, — спросил я однажды, — а где теперь собака?

— Собака? — ответил он мне. — Из собаки сшили унты, если только это интересно твоей бабушке.

Я не поверил ему. Я только грустно вздохнул и сказал:

— Что делать, бабушка терпеть не может больших собак.

— Ах, не сваливай, пожалуйста, на бабушку! — сказал он ожесточенно. — Тебе нравилась собака?

— Да, — сказал я тихо.

— Ну вот! — заключил он повеселевши. — Значит, можно надеяться, что у тебя будет добрая собака. — Голос у дяди Хариса прозвучал не то утвердительно, не то вопросительно, и это меня слегка озадачило.

Амина уже с минуту стояла за спиной дяди Хариса и делала мне знаки рукой. Я подошел к ней, и она тут же повела меня к калитке.

— Собаку он отвел к своему брату, — сказала она. — Но когда мы переедем на другую квартиру, он возьмет ее обратно.

— А вы собираетесь переезжать?

— Не знаю. Еще, наверно, не скоро.

Мне сразу стало грустно.

— А ты возьми себе щенка, — сказала Амина.

— Мне не разрешат.

— А хочешь, я возьму? Но это будет твой щенок.

— А если ты уедешь?

Амина вздохнула и ничего не ответила.

— Поехать бы в лагерь, — сказал я тоскливо.

— Нынче, наверно, поздно. А на будущий год нас уже не возьмут в лагерь.

— Я никогда не был в лагере, никогда!

Никогда, ни разу в жизни. Я должен был сидеть дома и чтобы бабушка моя видела, что я не тону в реке, не блуждаю в лесу, что я живой и маячу у нее перед глазами, как ее старинные часы, которые она бережет пущеклада.

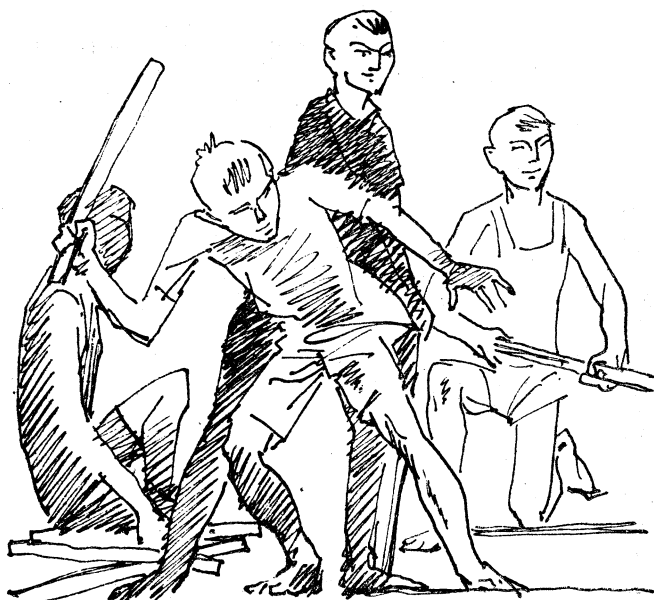
Я решил тут же пойти к маме и потребовать, чтобы она отправила меня в пионерский лагерь.

— Только, пожалуйста, не груби, — предупредила Амина.

Мама сидела в гостиной над раскрытой книжкой. Она встрепенулась, когда я вошел.

— Тише, бабушка только уснула. Я дала ей лекарство.

— Ты читаешь нужную книгу или бред собачий? — сказал я словами бабушки.

Мама улыбнулась, притянула меня к себе и обняла.

— Мама, я хочу поехать в лагерь. Ведь ты любишь меня, ведь ты не откажешь?

— В лагерь? Откуда ты знаешь, что я собираюсь в лагерь?

— А разве ты собираешься в лагерь?

— Мне надо повидать Веронику Павловну.

— А кто такая Вероника Павловна?

— Учительница этого маленького шпиона, доносчика. Надо, чтобы она дала ему характеристику. Пусть следователь знает, кого он берет в свидетели.

— Ну, а если?..

— Что, что если? Может быть, ты думаешь, что твой брат вор?

— Ой, мама!

— То-то же! Кстати, я купила Галею баян. Он в комнате у бабушки, поглядишь, когда она проснется.

— Галей умеет только на мандолине.

— Я поговорю с Марвой, чтобы его записали в кружок баянистов.

— Да он не захочет в кружок. Раньше он здорово хотел.

— Раньше, — сказала мама, — раньше... Ты что, не знаешь нашей бабушки? Ой, смеркается, ой, поздно, где наши дети? — Она засмеялась, махнула рукой. — Теперь я сама возьмусь за своих детей.

— Конечно, ведь бабушка болеет.

Она пылливо на меня поглядела, затем погрозила пальцем:

— Мелешь! — И резко поднялась, волосы ее встрепались, лицо загорелось. — Я все это должна сделать сегодня — поговорить с Марвой, съездить в лагерь... Что, ты хочешь поехать со мной? Нет, приглядишь за бабушкой. Ну, подай ей воды.

— А горшок подавать не буду.

— Ужасные дети! Я с вами сойду с ума.

— Я лучше поговорю с тетей Марвой.

— Поговори. И пусть она немедленно запишет Галея в кружок.

Она уехала в лагерь, пообещав вернуться к вечеру. А был еще только полдень. За шторами, закрывающими дверной проем, я слышал хриловатое дыхание бабушки. Тихонько ступая, вышел я в сенки, где надрывались черным роем безумные мухи.

У забора, в тени акации, сидела Амина и задумчиво перебирала в руках четки из косточек финика.

— Гляди, я сделала бабушке.

— А Галейке купили баян, — сказал я.

— Ага, — она кивнула и потупилась, не переставая считать финиковые косточки. Лицо ее было бледным.

— Тебя обидели дикарики?

— Никто меня не обижал. — Она оставила

четки и улыбнулась, в уголках ее дружелюбного рта возникли, как лучики, две морщинки. — Мама и дядя Риза поспорили из-за пустяков.

— Дикарики?..

— Дядя Риза запер шкаф с моими книжками, а мама велела немедленно открыть. Дядя Риза рассердился: все до одной растащат проклятые мальчишки. А мы с мамой... пусть шкаф открыт и пусть они читают, правда? Они порвали только одну книжку — «Базар», помнишь? Вот Федот кошку Матрешку под руку берет... шли, шли, на базар пришли. — Она засмеялась. — Первоклашки!

— Я давно хочу спросить, — сказал я, — кто такой Пер-Гюнт?

— Бедный лесоруб.

— Я думал, какой-нибудь упырь.

— А упыри — это тролли.

— А Сольвейг?

— Она всю жизнь ждала Пер-Гюнта.

— Наверно, лет десять? (Через десять лет мне будет двадцать четыре года, подумал я, и нам можно будет пожениться.)

— Всю жизнь, — повторила Амина, — всю, понимаешь?

Мы помолчали. Зной нагонял томленье и тоску, не хотелось никаких движений, и я молил бога, чтобы только не проснулась бабушка. Долго, однако, она спит. Ее бабушка, рассказывала она, умерла во сне, и моя бабушка откровенно рассчитывала на такой же конец... Когда у тебя еще жива старая бабушка, ты все еще ребенок... Старики и больные чаще умирают весной или осенью. А сейчас лето.

— Моя бабушка говорит, если человек поет, значит, он кого-то любит.

— Я люблю птиц, — сказала Амина. — Вот если бы у тебя были голуби.

— Голубей хотел Галейка, но ему не разрешают. Вон идет твоя мама.

Шла тетя Марва, а вслед ей, придерживая калитку, мягко ее закрывая, крича договаривал дядя Риза:

— ...я давно уже ни во что не вмешиваюсь!..

— Риза-а.

Они подошли к нам и сели на бревна. Тетя Марва привлекла к себе Амину и взяла ее к себе на колени.

— Ну что ты, мама, ведь я не маленькая, — сказала Амина.

— Ты маленькая, — ответила тетя Марва. — Ты очень маленькая, а я люблю маленьких.

А дядя Риза потянулся за мной, охватил меня тяжелыми мягкими руками.

— Как жизнь, сынок? — Уткнувшись лицом в мой живот, он точно дышал мной, подымал глаза и опять спрашивал: — Как жизнь, сынок? — И тербил меня, и тискал.

Тетя Марва урезонивала:

— Оставь, оставь ребенка.

— Нет, она и в самом деле думает, что вы маленькие! А вы не маленькие. Ты помнишь, сынок, день победы?

— Помню,— сказал я.

— Он не маленький, он помнит нашу победу. Ты хочешь быть шофером?

— Нет.

— Жаль. А то бы я взял тебя стажером.

— Галейка хочет.— И тут я вспомнил, что наказывала мне мама:— Тетя Марва, а мама просила, чтобы вы записали Галейку в кружок баянистов. Ему купили баян.

— Но у нас нет кружка баянистов.

Дядю Ризу как будто обидел ее ответ.

— Ну что ты, Марва,— нет кружка баянистов. Неужели в целом городе нет кружка баянистов? Ведь тебя просит Асма!..

— Мама обязательно поможет,— сказала Амина.

— Я же знаю, Марва поможет,— он погрозил пальцем Амине.— И ты помогай!

Амина великодушно улыбнулась его хмельным речам.

— А кому я должна помогать?

— Всем фронтовикам. Потом всем маленьким... если только они помнят нашу победу.

Тетя Марва с улыбкой просила:

— Ну что ты, право, разболтался. Ну будь сдержанней.

Амина спрыгнула с материнских колен и побежала в дом. С порога она крикнула:

— Я поставлю чай!

— Дикарики идут,— сказал я.

Тетя Марва не успела нахмуриться, как тут же дядя Риза хлопнул по ее плечу ладонью. Она притворилась, что сердится вовсе не на меня, а на брата:

— Ну и шуточки у тебя, Риза! — И пошла в дом, дикарики побежали за ней, что-то весело гундося.

С минуту дядя Риза сидел молча, затем спросил:

— А где твоя мама?

— Прехала в лагерь. А меня оставила присматривать за бабушкой.

Он поднял палец и пошевелил им назидательно:

— Твоя мама лучшая из мам! Она не сучка, которые...— Он поперхнулся от смущения и, стыдливо прокашлявшись, спросил:— А что бы ты сделал, если бы она вышла замуж?

— Не знаю. А когда-то мы с Галеем думали: запрежем его в телегу и будем бить кнутом до смерти.

— Ка-кие зверята,— сказал он, опять привлекая меня и тискаая.— Зверята, зверята.

— Но скоро мне будет все равно,— сказал я.

— Почему же?

— Потому что я буду жить самостоятельно.

— А шофером ты не хочешь быть?

— Нет,— сказал я, слегка сожалея, что не могу ответить иначе.

Он стал совсем печальным.

— Я, пожалуй, подожду, а? Когда она обещала приехать?

— Конечно, подождите,— сказал я,— к вечеру мама обязательно приедет.

Однако он не стал ждать, наверно, потому, что пришел дядя Харис, и тетя Марва позвала всех ужинать. А вскоре же явилась мама. Какой-нибудь час, проведенный ею в лесу, освежил ее. Потряхивая головой, откровенно радуясь удаче, рассказывала она тете Марве:

— Учительница этого оболтуса так прямо и говорит: он такой фантазер, такой лгунишка, может придумать что угодно. Понимаешь, его фантазиям верить нельзя!

Тут мама заметила меня и спросила:

— Ты присматривал за бабушкой?

— Она все время спала.

— Спала? А вон кричит. Ну, достанется мне! — И потрусил к крыльцу.

3.

Осень и зима были для моей мамы суматошными, тревожными, она заметно похудела, но глаза блестели задорно, даже вызывающе; и на усталость она не жаловалась.

Только в ноябре попали на след воров, а до этого всем нам было как-то не по себе. Впрочем, Галейку оставили в покое почти сразу же, тем более, что Вероника Павловна авторитетно охарактеризовала своего подопечного как болтунишку и фантазера, потешающего класс невозможными измышлениями.

Совсем плоха была бабушка, и мама уходила на занятия изможденная ночным бдением, а после занятий искала редкие лекарства, потом стояла в магазинах и возвращалась еле живая.

Галейка не пошел ни в какой кружок — маме теперь было не до своей затеи,— да он целыми днями пиликал на баяне, и старшие были очень довольны: благо, мальчик не шатался по улицам.

Мы с Динкой учились ни шатко, ни валко, к тому же моя сестра намеревалась оставить школу и поступить на работу. Марсель уже работал — монтером в водосвете — и ходил теперь по улицам, перевесив через плечо «когти», жил в своем саманном домишке и к нам не являлся. Между переменами в его жизни и решением Динки бросить школу существовала несомненная связь, о которой мама пока еще не подзревала.

В мае умерла бабушка. Я видел бабушку накануне ее кончины, она сидела прямая, я бы

даже сказал, стройная, в Белом платке, натянувшись на ее выпуклом высокому лбу, и лицо у бабушки было свежее, будто совсем не задетое болезнью, свежее и горделивое лицо. Говорили, и со смертью она не потеряла красоты, но я уже ее не видел.

Я испугался смерти в нашем доме. Это был испуг, смешанный с каким-то еще стыдом. Может быть, это было смущение перед ритуалом, хотя и обычным в нашей среде, но необычным, не привычным для среды более широкой, для города, в котором преобладали иные ритуалы и порядки. Я ушел со двора в день бабушкиных похорон. Я лежал на островке, потом бродил по улицам, я плакал и бормотал: «Где моя собака, она все понимала, она любила меня — где она? Чем она провинилась? Перед кем?.. Теперь она пропала, пропала...»

Потом я отправился в сквер на улице Красногвардейцев, сел на скамейку и стал смотреть на дом, в котором жила Тамарка, дочь летчика. Тамарка была рослая, крепкая девчонка с маленькими крапчатыми глазками. Она училась в нашей школе. У меня было к ней странное отношение. Я не надеялся — да, наверно, и не хотел — увидеть ее и, уж подавно, поговорить с нею, я никогда с нею не разговаривал. То, что я испытывал, было мечтой, тоской, — по какой-то другой жизни, отличной от нашей.

И вот я сидел в сквере и смотрел на дом и не сразу заметил вокруг него людское копошение. Возле одного из подъездов стояла группа женщин, в подъезд входили и выходили — женщины и мужчины, стройные строгие военные, одетые как на парад. Потом к дому стали приставать автомобили, легковые и грузовики, и с одного грузовика сняли и понесли венки. В этом доме кто-то умер. Скорее всего, погиб. Здесь жили летчики, а самолеты иногда разбивались.

Вот еще один грузовик подъехал — из него выгрузились со своими инструментами музыканты и потихоньку стали располагаться вдоль стены напротив подъезда и спокойно опробовать инструменты. Все происходило так медленно, так монотонно и смиренно, что вот уже за полдень перевалило, а я все сидел, расслабленный, присмиривший, даже утешенный тягучим и вроде бессмысленным действием, не вызывающим во мне никакого напряжения — ни любопытства, ни томления, ни сострадания. Кажется, среди этой тихой, почти безмолвной суеты мелькнула фигурка Тамары. Да, это она вывела на улицу брагишек-близнецов лет по пяти. Лицо у нее было заплакано. Это ее отец погиб, подумал я...

Заиграл оркестр, и, в тот же миг, вскочив на скамейку, я увидел, как из подъезда выносят гроб, похожий на клумбу, тихо плывущую в горячих струях дня. Гроб поставили на грузовик, и в него по приставной лестнице поднялись несколько женщин и Тамара.

Я оставался на месте, наверно, еще с полчаса, пока процессия выстраивалась, вытягивалась, налаживая свое скорбное течение. Наконец, и я пошел и пристроился в хвосте шествия. В густом рокоте оркестровых труб временами мне чудился плач Тамарки, и я плакал, плакал так, что женщины мне стали говорить:

— Почему же ты отстал? Ступай, ступай вперед, тебя посадят в машину.

Но ни их слова, обращенные прямо ко мне, и ни вообще их любопытствующий говор, реявший вокруг моей головы, не трогали меня и мое скорбное равнодушие приносило мне какое-то удивительное облегчение... Я не сразу заметил возле себя Марселья. Ему пришлось дернуть меня за рукав.

Я обрадовался, и эта радость почему-то тоненько кольнула в мое сердце. Марсель был очень красив, я это сразу отметил про себя. В ту пору любой подросток, любой юноша, уверенно обретающий черты мужественности, казался мне красивым. Так вот Марсель предстал перед моими глазами взрослым. В рабочей спецовке, подбористо облегающей пока еще угловатые плечи, в кепке-восьмиклинке, чуть ухарски задвинутой к затылку.

— Ты идешь на работу? — спросил я.

— Нет. Сегодня я отпросился. Мы рыли могилу. А теперь я иду домой... туда. Ведь скоро будут выносить. Ты пойдешь сейчас или...

— Нет, нет, — замотал я головой.

— Понятно, — сказал он, потупясь. — Тогда... если спросят, я скажу, что видел тебя в сквере. Я скажу, что ты немного боишься... всего этого.

Он тут же оставил меня, а я продолжил свое сумасбродное и горестное движение и опять стал плакать: «Где моя собака, она все понимала, она любила меня — где она?..» — И в иную минуту мне казалось, что жаль только одной собаки, одной собаки, а все остальное меня не трогает, точнее, всего остального вообще нет — ни смерти бабушки, ни гибели Тамаркиного отца.

Я плохо помнил дальнейшее, как доплелся я вместе с процессией до братского кладбища, пробыл там, пока все не кончилось, потом... да! — когда ударил винтовочный залп, я тотчас же поглядел в небо, как будто хотел увидеть улетевший туда залп. Потом, помню, почти рядом проехала машина, в которой сидела Тамарка, и мне очень захотелось забраться в машину, но только потому, что ноги уже не держали меня. Оставшись один, я вернулся к свежему холмику, на котором лежали полевые цветы, а над цветами всходила в синих искрах дня красная звездочка...

Когда я пришел домой, там все было кончено. Мама кинулась ко мне и обняла.

— Больше всего я боялась за него, — сказала она учительницам, которые пришли разделить с мамой ее горе. — Он такой ребячливый, такой

ранимый — и хорошо, что сам догадался исчезнуть. Я сразу сказала папе: нет, не надо его искать, он придет сам.

Учительницы смотрели на меня, как бы стараясь увидеть что-нибудь необыкновенное, делали понимающие лица, но взгляды их не были теплы.

Потом они ушли, а мы стали собираться к дяде Заки, за нами пришла тетя Айдария, жена дяди. С ними наша семья почти не общалась, я не помнил случая, чтобы кто-нибудь из родичей взял да просто забежал на минутку. Но в святые праздники дядя звал всех нас в гости. Дедушка, едва кончив трапезу, сурово говорил: «Ну, пора!» — и тут же выходил из-за стола. Прохладные отношения длились вот уже два десятка лет, и хождения в гости вовсе не означали потепления. Просто дедушка отдавал дань порядкам — вкушал хлеб-соль у своего отпрыска, прочитывал короткую молитву, и на том все заканчивалось. А нынче нас звали потому, что по обычаю — в доме, проводившем покойника, не готовят пищу.

Дедушка и сегодня не изменил своему правилу — скоро ушел, а мы с мамой остались. Старшие вспоминали, как добра была бабушка к дяде Заки, хотя он ей был неродной сын. А дедушка, конечно, бывал суров и не всегда справедлив.

— Ох, несправедлив!.. — начал было дядя Заки, но жена его перебила:

— Мы все-таки не счеты сводим.

— Не будем вспоминать старое, — поддержала ее мама. — Я только хотела сказать, что покойница наша матушка действительно тебя любила. А помнишь, Айдария, как ты впервые появилась у нас?

Тетя Айдария сдержанно кивнула. Так вот разговор худосочно ковылял с пятое на десятое, а девочки нашего дяди, прижавшись к матери, настороженно смотрели на нас, и мы с Галейкой тоже прижимались к матери, только Динка сидела как истукан, всем своим видом говоря: а мне на все наплевать.

Тетя Айдария вышла проводить, и мама услала нас вперед. Она догнала нас, когда мы были уже у наших ворот.

— Милые мои дети, — сказала она проникновенным голосом. — Запомните, у нас нет других родственников. А тетя Айдария ангел. Нам надо держаться вместе, запомните это!

Пришел сентябрь, первый за два десятилетия сентябрь, когда моя мама не пошла в школу. Со школой было покончено навсегда, началась новая, по сути малознакомая ей жизнь.

Мама плакала. Если и бывают светлые слезы, то они были у моей мамы. Она вверяла их мне, самому строптивому, самому несносному своему ребенку, так часто грозившему умереть от астматического бронхита, — от страха поте-

рять меня слез она пролила больше, чем пролила бы на моей могиле. Может быть, думая, что я все равно в конце концов умру и унесу ее тайны с собой, или, может быть, доверяя моему болезненно обостренному восприятию, она делилась со мной:

— Я была прилежна и, возможно, талантлива. Да! Ведь я училась в двух школах и обе закончила с похвалой. Да, разве ты не знал, что я закончила еще школу при мечети, и учила меня жена священника и прочила мне судьбу мудрой и беспечной абыстай. Но я не хотела быть ни женой священника, ни учительницей — я хотела быть бабушкой. — Она смеялась и обнимала меня. — Да, я хотела быть хранительницей очага, властительницей очага, властительницей огромного и шумного, как улей, дома. Господи, плакала я, когда погиб твой отец, господи, он погиб, а у меня только трое детей. А если бы он вернулся с войны, у нас было бы шестеро или семеро детей! Но мне и с тремя-то не совладать, — грустно закончила она и опять смеялась, и опять обнимала меня.

Стояло теплое, мягкое степное бабье лето. Зеленый островок качался на воде и лукаво приманивал нас. Мы уходили туда вчетвером — Динка, Марсель, Амина и я, — сидели подолгу, разговаривали о будущем. Динка удивляла меня отсутствием полета в своих мечтаниях: она хотела быть кинемехаником. Марсель умудренно кивал ее спокойным и расчетливым словам. Сам он тоже невелика птица — монтер, «пляшущий» на уличных столбах, однако мне он очень нравился своей самостоятельностью. Его намерения жениться тоже не могли не внушать уважения.

Однако наши с Аминой мечтания были куда возвышенней. Мы отрешенно блуждали в тальниковой теплой чаще, мы прощались с нашей тихой родиной и целовали друг друга. Она мечтала о консерватории.

— А я буду военным, — говорил я, — и обязательно поступлю в военно-воздушную академию.

Временами нас тревожил голос моей мамы. Как и бабушка, она звала нас, просто чтобы мы оказались возле нее и чтобы она видела — никто из нас не тонет в реке, не падает с дерева, не попадает под автомобиль.

Я кричал:

— Э-эй, мама, мы здесь!..

Динка выбегала из кустов и с шипеньем набрасывалась на меня:

— Чего орешь? Ну, ступай, ступай, да не вздумай сказать, что мы здесь.

Мы с Аминой уходили, договорившись встретиться с нашими друзьями вечером.

— В испанском доме, — уточнял Марсель.

— В испанском доме, — отвечали мы заученно, как пароль.

Мама встречала нас радостной улыбкой.

— А Дину вы не видели?

— Нет, — твердо и поспешно отвечал я, огораждая Амину от невинной лжи.

Мама почти в ту же минуту теряла к нам всякий интерес и рассеянно произносила:

— Не знаю, куда я буду девать котят. Пойду загляну к Айдарие, может быть, она возьмет котенка... А Галея вы не видали?

— Так ведь он с дядей Ризой.

— Да, да. Я купила ему баян, а он возится с машиной. Я уж устала его отмывать. Горе, да и только!..

Мы неспешно приближались к нашим воротам, а там стояла тетя Марва, чей округлый живот пялился на нас с горделивым и целомудренным достоинством. Тетя Марва плакала и даже слезы, текущие из ее глаз, казались слезами умиления своим необычайным положением.

— Асма, — сказала она, не вытирая слез, — Асма, нам дали новую квартиру.

— Что ты говоришь! — всполошенно ответила моя мама.

— У меня ордер на руках. — Она плакала. Мама обняла ее и тоже заплакала, а мы с Аминой стояли истуканами и боялись глянуть друг на друга. Наконец, наши мамы рассмеялись.

— Я думала, мы вечно будем жить вместе, — сказала моя мама. — Но я так рада! Когда же вы переезжаете?

— Завтра.

Мама опять заплакала и вдруг сказала:

— Не забудьте взять в новый дом кошку.

Но съехали они в тот же день вечером. Подъехала грузовая машина, дядя Харис стремительно вошел во двор и резким голосом сказал, чтобы быстрее грузились.

Амина держала в руках пушистую кошку.

— Вы пойдете пешком, — сказал дядя Харис. — Да пошевеливайтесь! Кошку брось, дрянная кошка.

Кошка скакнула из рук Амины и убежала в огород.

— Харис, — сказала мама, — кошка очень хорошая. — Она воинственно помолчала, тот не отзывался. — Что ж, прощай, Харис.

Тот осклабился:

— Прощай, прощай. Ну, тронулись. Эй, шантрапа, городки взяли?

— Взяли, взяли! — загундосили дикарики. Они сидели в кузове среди шкафов и чемоданов и вертели в руках толстенные биты.

Бабушка Бедер растерянно смотрела вслед уходящему грузовику. Амина взяла ее за руку и потянула к скамейке.

— За нами приедет Риза, — сказала тетя Марва.

— Он не взял в машину больную девочку, — прошептала моя мама.

— Нет, нет и еще раз нет! — сказала мама. —

Пока я жива, не позволю дочери калечить ее судьбу. Тебе только семнадцать, у тебя нет ни образования, ни профессии... через два года ты превратишься в стряпуху, няньку... нет!

Дедушка тряс худосочной бородкой и чайною ложкой проносил ко рту жидкую кашу: ничего другого он уже не мог есть.

Динка угрюмо отвечала:

— Но ты не можешь нам помешать. Да и поздно...

— Что, что поздно? Я собственными руками...— Она вдруг потерянно развела руками. Действительно, что она хотела сказать? Что она могла?— Ну, хорошо,— сказала она.— Зови Марселя.

— Не знаю, что ты подумала,— сказала Динка,— я просто хотела сказать — мне пора уже самой решать.

— Зови Марселя,— повторила мама.

Когда пришел Марсель, она увела его в другую комнату и плотно притворила за собой дверь. Пробывли они там полчаса. Уходя, Марсель даже не поглядел на нас. За ним побежала Динка. Мама села напротив дедушки.

— Я сказала, что согласна на их свадьбу. Но прежде он должен приобрести какую-нибудь профессию, ведь монтер это не профессия. Он согласился поучиться у Заки. Честное слово, портной неплохая профессия. Он сможет работать в модном ателье в любом городе.

— А с братом ты поговорила? — спросил дедушка.

— Заки не откажет.— И мама решительно поднялась.— Я иду к нему. Да,— она наморщила лоб,— мы с Диной, пожалуй, съездим в Оренбург. Ей не помешает проветрить мозги.

Она ушла. Я поглядел на дедушкину бородку с налипшей толокняной кашей и мне захотелось уйти куда-нибудь.

За рядом одноэтажных домиков, убаюканных старческим шелестом акаций, поднимались два пятиэтажных дома, построенных недавно дизельным заводом. В одном из них жила Амина. Я увидел ее издали, она стояла сперва на ступеньках подъезда, затем сошла на площадку и присела возле песочницы. И все это время не отрываясь смотрела, как я иду.

— Я тебя увидела из окна,— сказала она.— И сразу подумала, что ты идешь к нам посмотреть малыша.

Я взял ее за руку и подул на запястье, смуглое и пушистое, как абрикос.

— Такой крохотный, но уже здорово ко мне привык,— продолжала Амина.

— Потому что ты с ним все время возишься.

— Он очень любит, когда ему поют.

— Зато дядя Харис не любит, когда ты поешь.

— Кто тебе сказал?

— Твоя бабушка.

Амина не ответила.

— Динка с Марселем скоро поженятся,— сказал я.

— Тетя Асма согласна?

— Все равно они поженятся. И смогут уехать куда захотят.

— Я бы увезла с собой бабушку,— сказала Амина.

— А маму?

— Маму? — голос у нее дрогнул, но она не заплакала. Я прикоснулся пальцем к ее виску, к синей жалобно пульсирующей жилке. Она взяла мою ладонь и насыпала в нее песок — он тускло потек из моей ладони...

— А мы чуть было не поехали в Москву,— сказала она.— Ты не бывал в Москве?

— А зачем вы собирались в Москву? В консерваторию?

— В клинику. У нас и деньги были. Но теперь уже на будущий год, когда малыш подрастет. Мы и малыша возьмем.

— Я, пожалуй, тоже с вами поеду.

— Если тебе разрешат.

— Плевать я хотел! А что бы ты сказала,— я стал смеяться,— а что бы ты сказала, если бы я стал портным?

— Портным? — Она тоже стала смеяться.— Портными бывают только старики.

— Это правда,— согласился я с каким-то злорадством.— А Марсель, представь себе, будет учиться портняжить у дяди Заки. Храбрый портняжка, ха-ха!

— Какой ты злой.

— Когда я был маленький...— А мне действительно казалось, что год назад я был маленький.— Когда я был маленький,— выдумывал я,— то разговаривал с Тamarкой и все-все, что я хотел сказать тебе, я говорил ей.

— А что ты ей говорил?

— Ну, я признавался ей в любви.

— Тamarке — в любви? — с притворным ужасом воскликнула она.— Расскажи, расскажи мне все!

— Я даже назвал ее белым ангелом.

— Фи,— сказала она,— как глупо! Она, между прочим, ни одному мальчишке не нравилась. И училась через пень колоду.

— А ты откуда знаешь?

— Мы учились в одном классе. А сейчас она уехала. У нее погиб отец.

Я молчал и рассеянно пересыпал песок из ладони в ладонь.

— О чем ты думаешь? — спросила Амина.

Не знаю. Наверно, я думал о том, что смерть близких меняет судьбу человека. По крайней мере он куда-нибудь переезжает. Но вот у меня умерла бабушка, а ничего еще не изменилось.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

«Красная звезда» идет по Каме

Серафим
БУСЫГИН

В 1919 году под натиском Красной Армии колчаковские войска начали откатываться за Урал, в Сибирь. В. И. Ленин тогда приветствовал доблестную Вторую армию во главе с В. И. Шоринным, которая освободила Ижевский и Воткинский заводы.

Жители районов Поволжья и Прикамья, откуда только что были изгнаны белые, переживали необычайные трудности: вконец была подорвана экономика, не забывалось горе, причиненное белым террором. Надо было ободрить людей. Ленин предложил ЦК партии, ВЦИК послать по Волге и Каме агитационный пароход. И такое решение было принято. В делегацию вошли инструкторы ЦК, члены ВЦИК, работники ВЧК, от Наркомпроса — член коллегии Надежда Константиновна Крупская. В дальний путь собралась и сестра Ильича — М. И. Ульянова.

В Нижнем Новгороде был оборудован как нельзя лучше пароход «Красная звезда», имелись кинозал, типография, радио, сельскохозяйственная выставка, книжный магазин... Звезда над рубкой, государственный флаг на мачте, яркие лозунги и плакаты украшали пароход и привлекали всеобщее внимание.

В пути Надежда Константиновна вела дневник. В нем она объясняла: «Задачи «Красной звезды» были — ехать по следам белых, нести агитацию, проводить линию, принятую на VIII съезде партии, закрепить всюду Советскую власть».

Пароход «Красная звезда» оставался в Елабуге, Набережных Челнах, Карапулино, Камбарке, Сарапуле, Гольянах, Галево. Выехав 3 августа поездом в Воткинский завод, который лишь 11 июня стал советским, члены агитбригады два дня проводили здесь работу среди населения. Состоялся многолюдный митинг в общественном саду. Н. К. Крупская просто и доходчиво говорила о первоочередных задачах Советской власти, необходимости участия женщин в социалистическом строительстве, о народном образовании и коммунистическом воспитании детей. Теперь на месте митинга установлена мемориальная доска.

Вот впечатления Н. К. Крупской от посещения ею Воткинска:

«...раньше было более 40 тысяч (жителей), теперь около 20, завод разрушен, работы еще не восстановились целиком, школьные помещения приведены в негодность. Учебники и учебные пособия уничтожены, библиотека сожжена, все культурные учреждения разорены. Город не получает газет, в нем нет радио, он оторван от всего света».

Н. К. Крупская и М. И. Ульянова посетили в Воткинске клуб металлистов — вторая мемориальная доска установлена ныне на здании кинотеатра «Звезда».

Последняя встреча Н. К. Крупской с воткинцами состоялась пятого августа на пристани Галево. Посетить пароход «Красная звезда» прибыла делегация учителей. Среди них был защитник Порт-Артура В. Н. Смирнов, организовавший в 1914 году в Воткинске частную мужскую гимназию. Как отметила в дневнике Крупская, старик учитель интересовался постановкой трудового воспитания в школе.

Поездкой Надежды Константиновны живо интересовался В. И. Ленин. Слал телеграммы, письма в Нижний и Казань. Спрашивал, есть ли на пароходе московские газеты? Сообщал о своей попытке привлечь к поездке А. М. Горького. Сохранилось письмо от 15 июля:

«Дорогая Надюшка! Пользуюсь поездкой Крестинского в Пермь, чтобы написать тебе... Узнал, что приступ болезни у тебя все же был. Значит, ты работаешь не в меру. Надо строже соблюдать правила и слушаться врача хорошенько... На фронте восточных — блестяще. Сегодня узнал о взятии Екатеринбург...»

Крупская впоследствии вспоминала об этой переписке:

«В 1919 году я ездила месяца два на агитационном пароходе «Красная звезда». В это время переписка затруднялась постоянным передвижением парохода. Но и те несколько писем, которые я получила от Ильича, я уничтожила, кроме одного, тотчас по прочтении, по старой конспиративной привычке».

К счастью, до нас дошли не одно, а два письма В. И. Ленина, посланные на пароход «Красная звезда». Их бережно хранила Надежда Константиновна, часто перечитывала.

«Красная звезда» еще долго несла службу на реках Каме и Волге. Возила пассажиров по линии Горький — Пермь и обратно. И лишь в последние годы ветеран-пароход поставлен на причол у Старцевой горы на Каме, чуть выше города Сарапула. На пароходе размещается туристическая база. Каюта № 3, в которой ехала Н. К. Крупская, превращена в музей.

Салдинские Тайники

Виктор
КОЗЛОВ

В романе «В лесах» Андрей Печерский ярко и красочно описывает скиты староверов-раскольников, их подземные хода-пещеры. Преследуемые правительством, раскольники нередко оставляли после себя угли догоравшего скита, а сами уходили тайными ходами на новые места. Вечно гонимые, они зарывались в землю. Постройку подземных ходов применили на Урале и некоторые богачи. Легенды о золотых империялах Харитоновна и фальшивых рублях Демидова еще остаются легендами — до тех пор, пока комплексно не будут изучены подземные ходы, пока не станет ясно их предназначение. Сегодня эту работу ведут зачатую только краеведы-любители.

Наш краевед, из поисковой группы, однажды спросил: «Если в салдинских тайниках не чеканили фальшивой монеты, то для каких целей построены подземные ходы?» Эта версия не исключена. Хотя салдинский подземный ход мог быть использован и как коридор для побега, для тайного ухода. Доказательство тому — подземный путь через реку Салду далеко за завод, к одинокой часовне на горке.

Завод в Салде построен в 1778 году, через три года после Пугачевского восстания. Пришлого люда, все более выказывавшего неповиновение, было много: управляющий увеличивал число кафтаников. В этот период, по указу Демидова, в строжайшей тайне управляющий и строит подземные коридоры, о которых нет сведений ни в одном архивном документе.

Только после 1896 года, когда была открыта новая церковь, жители стали догадываться о существовании подземных сообщений. Обычно толпа народа вокруг церкви ожидала появления священника, чтобы приложиться к ручке. А тут пономарь снял замки, открыл церковь, и вошедший народ увидел священника в расе, с крестом... на своем месте. Как мог поп появиться в церкви?! Не по воздуху же... Может, ночевал в храме божием? Но после церковной службы толпа снова не дождалась его...

Так поп выдал тайну Демидова. Три года назад во дворе поповского дома стали строить гараж. Траншея под фундамент была почти готова, как вдруг рухнула земля. В провале обнаружилось три хода: один шел на запад, другой на север, третий на восток. Третий ход вел к бывшей волостной управе. Салдинский старожил Дмитрий Константинович Трифанов вспомнил, что когда учился в 1912 году в церковно-приходской школе, у них было два наставника. Один, отец Михаил, жил в доме, где сейчас «Трансагентство» (первый ход), а другой, отец Алексей, — в особняке рядом с волостной управой. Стало быть, третий ход шел не к волостной управе, а к особняку отца Алексея. В этих особняках жили и деды их, в бытность которых и были построены подземные ходы.

Есть предположение, что после прихода Советской власти отец Алексей вынес из церкви ценные иконы, книги, церковную утварь — заложил поперечной стеной, а со стороны своего дома засыпал подземный ход землей. Вполне вероятно, что церковники могли использовать сообщения и бункеры под землей как тайники.

Дальше — больше. Если зайти в типографию, из переплетного цеха спуститься вниз — то покажется железная дверь под замком. Это и есть начало главных демидовских ходов. По рассказам старожил, демидовский управляющий жил в доме, где сейчас находится типография. Жил на широкую ногу: имел прекрасный особняк, своего доктора, своего попа, французенку-гувернантку, свору прислуги и кафтаников — охранников. Рядом с особняком находился зимний сад с отоплением в зимнее время; в саду росли лимоны, апельсины и разные диковинные растения, в клетках и вольерах распевали заморские птицы...

Демидовы годами не появлялись на своих заводах. Управляющий знал, что в случае бунта ему первому придется висеть на веревке — вот почему он с усердием, большим чем того требовал приказ хозяина-мил-

лионера, строил подземные коридоры.

...14 мая 1979 года наша группа из семи человек приступила к обследованию подвалов церковноприходской школы. Мы решили разыскать подземный ход, связывавший по легенде новую церковь и дом попа.

Разобрав кирпичную кладку в проеме двери с восточной стороны, мы вошли в комнату размером 5×6 метров, высотой в рост человека. В противоположной стене находился узкий проход в полметра шириной, через который с трудом мог втиснуться толстый монах. Это был потайной ход в подвал. В левой части подвала открылось большое помещение с гладкими стенами и вбитыми на уровень вешаемых икон гвоздями. Судя по всему, это помещение использовалось как молезна.

Затем мы сняли пол с двойным настилом с правой стороны входа и обнаружили глухой бункер с кирпичными стенами размером 3×4 метра весьма загадочного назначения. Слева был еще такой же бункер, а в центре находился лаз.

Через дорогу от места наших «раскопок» сейчас находится мойка для машин. Вода в большом количестве стекает здесь под землю. Среди шоферов тоже нашлись одиночки-исследователи. Один из них, Степан Тимофеевич Скоропуп, не раз спустился в провал траншеи и видел там подземный коридор с овальным сводом, выложенный пудовыми, хорошо прожженными кирпичами; стены и потолок сделаны навечно, пол — из гранитных ровных плит.

Предполагается, что подземные коридоры построены в период с 1778-го по 1790 год. «Явление» попа в 1896 году родило догадку о существовании их — долго же хранились подземные ходы в тайне!

Любители-краеведы своими силами пытаются раскрыть ее. Но спуститься в подземелье опасно — не по причине обвала, а по причине отравления скопившимися газами от нечистот, бензина и масла. Для уточнения схемы расположения коридоров нужны специальные экспедиции.

Разгадка подземных коридоров была бы очень интересна для истории Урала. Можно не сомневаться, что если у церковников могли быть тайники, значит, были они и у Демидова или его приспешников.

В Свердловске, Сысерти, Невьянске, Салде есть подземные ходы, есть повторяющаяся закономерность в их расположении. Не удивительно, если такие же ходы обнаружатся в Нижнем Тагиле — тагильский завод тоже принадлежал Демидову. А там, где Демидов, — там ищите подземный ход.

От века к веку...

Яков
АНДРЕЕВ

На зеленом сукне витрин лежат книги. Многие из них прежде, чем попасть сюда, долго путешествовали по великой реке Времени. Потемневшие серебряные оклады переплетов, ветхие страницы рукописей...

Эти древние книги найдены участниками Уральской объединенной археографической экспедиции в архивах библиотек, в глухих деревушках и горнозаводских поселках Урала. Многие годы находки изучались учеными, а теперь стали экспонатами музея книги, открывшегося в Уральском государственном университете имени А. М. Горького.

— Открытие музея, — говорит один из инициаторов его создания, начальник экспедиции, кандидат исторических наук Р. Г. Пихоя, — стало важным мероприятием по претворению в жизнь Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Показать трудящимся, какую огромную роль сыграла книга в истории нашего народа, в его культурном развитии и революционной борьбе — вот главная задача музея. Одновременно он станет учебной лабораторией для студентов уральских вузов.

Давайте совершим небольшое путешествие от века к веку, прислушаемся к шелесту древних страниц...

Перед нами первые русские книги: «Триодь постная», среднешрифтовое «Евангелие» и знаменитый «Апостол» Ивана Федорова. Это — старые соперники! Каждая претендует на звание родоначальника русских печатных книг. «Апостол» имеет выходные данные, по которым мы знаем: книга издана в Москве Иваном Федоровым в 1564 году. А вот две других такими «свидетельствами о рождении» в свое время не запаслись, чем весьма затруднили задачу исследователей. Однако по некоторым признакам ученые определяют, что эти книги изданы неизвестными московскими типографами за несколько лет до выхода в свет федоровского «Апостола». Поэтому «Апостол» Ивана Федорова по праву считается первой русской датированной книгой, а вопрос о том, кем и когда точно изданы «Триодь постная» и среднешрифтовое «Евангелие», до сих пор остается дискуссионным.

Какая же из них положила начало книгопечатанию на Руси, кто создал эти уникальные памятники нашей культуры?.. Молчат древние страницы, словно из дымки времени проступают рисунки, изображающие людей в старинных красных и золотых одеждах...

Под одной крышей с этими редчайшими памятниками прописались еще две книги Ивана Федорова — львовский «Апостол» 1574 года и шедевр русского типографского искусства «Острожская Библия» 1581 года.

Как эти свидетели веков попали на Урал? Столетия назад их принесли сюда переселенцы из центральных районов России, бежавшие сюда от царских указов и никоновых новин. Книги на протяжении веков бережно сохранялись жителями горнозаводских поселков, передавались из поколения в поколение.

Двигаясь от витрины к витрине, мы попадаем в XVIII век. В это время Урал становится центром российской металлургии. Петровской эпохе были нужны новые книги. Зачитанные до дыр, они лежат перед нами в музейных витринах: «Грамматика» Смотрицкого и «Арифметика» Магницкого, ставшие вратами учености для Михаила Ломоносова и многих других передовых людей того времени. По этим книгам долбили гранит науки первостроители Екатеринбурга.

Перед нами небольшая книжечка в кожаном переплете с бронзовыми застежками и золотым обрезом. Характерное для века просвещения название — «Новая и безупречная королевская грамматика английского и французского языка». Книгу приобрел в 1714 году в Берлине капитан артиллерии Василий Татищев. Через шесть лет, находясь в Кунгуре, он сделал на переплетном листе следующую запись: «1720-го октября в 21 день в Кунгуре по сей грамматике начал учиться по французски артиллерии капитан Василий Никитин сын Татищев, от рождения своего 34 лет, 6-ти месяцев и дву дней». На задней крышке переплета знак личной библиотеки В. Н. Татищева — «В. Т.».

Впоследствии основатель Екатеринбурга «птенец гнезда Петрова» В. Н. Татищев передал эту книгу

в созданную по его распоряжению первую екатеринбургскую казенную библиотеку. Затем следы ее затерялись. И только совсем недавно она была обнаружена археографами в фондах научной библиотеки Уральского университета!

В петровское время на Урале было создано немало великолепных библиотек. Ценные собрания книг имелись у некоронованных королей края промышленников Демидовых, заводчиков Турчаниновых. Личные библиотеки собирали и представители рабочих династий — Овчинниковых, Витюниных, Кондрашевых. Гораздо позднее — в 1870 году — родилась замечательная библиотека при Уральском обществе любителей естествознания, действительными членами которого были О. Е. Клер, Н. К. Чупин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. М. Пржевальский, Д. И. Менделеев и многие другие выдающиеся ученые и писатели того времени. Они внесли большой личный вклад в создание этой библиотеки, которая также представлена в экспозиции музея.

В разделе девятнадцатого века большой интерес вызывают библиографические редкости Лицейского фонда — гордости научной библиотеки Уральского университета. Книги Царского лицея переехали в Свердловск в 1920 году, когда здесь по декрету Ленина был создан Уральский государственный университет.

Хранят память о декабристах книги Державина и Крылова, изданные в начале XIV столетия. Вот прижизненные сборники стихов Вяземского, Жуковского, Пушкина! Эту коллекцию венчает жемчужина — уникальнейший экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве», по которому, как считают специалисты, впервые познакомился с замечательным памятником русской и мировой литературы лицеист Пушкин!

О революционно-освободительном движении в России рассказывают книги Радищева, Герцена, Чернышевского, Белинского, изданные в прошлом столетии. На титульном листе французского издания книги декабриста Николая Тургенева «Россия и русские» царский цензор оста-

вил росчерк черными чернилами: «Запрещена!».

А вот небольшая и с виду неприметная книжечка. Обыкновенный переплет в полоску. Читаем заглавие: «Владимир Ильин. Экономические этюды и статьи. С-Петербург, 1899 год». Это — самый первый сборник произведений В. И. Ленина! Им открывается последний раздел музея, рассказывающий о развитии марксизма в России.

Интересно, что сборник увидел свет в Петербурге в издательстве М. И. Водовозовой в то время, когда Владимир Ильич находился в ссылке в Шушенском. Об авторе книги департаменту полиции было доложено: «Настоящую его фамилию знают немногие, так как социал-демократы держат ее в большом секрете, сберегая в этом авторе одно из своих вожаков. В действительности это — политический ссыльный Владимир Ильич Ульянов, родной брат террориста Александра Ульянова, казненного в 1887 году».

Здесь помещены и другие книги Владимира Ильича: «Аграрный вопрос и «критики» Маркса», напечатанная в одесской типографии «Буревестник» в грозовые дни 1905 года, фундаментальный труд «Государство и революция», увидевший свет в 1918 году в Петрограде, сборник статей и речей «О войне», изданный в Екатеринбурге к неделе протеста против империалистических войн, проводившейся Коминтерном с 27 июля по 4 августа 1924 года. Эти ленинские учебники революции находились на вооружении уральских рабочих в годы борьбы с самодержавием, в дни Великого Октября, их читали в свете походных костров красноармейцы, сражавшиеся за Советскую власть на Урале.

Дети и внуки первых читателей этих книг сегодня с интересом рассматривают пожелтевшие от времени страницы...

Солдат революции

**ДМИТРИЙ
ШАТАЛОВ**

В Государственном архиве Свердловской области хранится фонд «1200. Комиссия по делам бывших красных партизан и красногвардейцев при исполнительном комитете Свердловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

Эта комиссия была образована 9 апреля 1932 года для учета и перерегистрации бывших красных партизан и красноармейцев и действовала до декабря 1935 года. Лица, признанные комиссией красными партизанами или красноармейцами, получали удостоверения и право на различные льготы для участников революции и гражданской войны.

Среди более пяти тысяч дел фонда «1200» есть и личное дело известного писателя-большевика Павла Петровича Бажова. В деле, помимо заявления писателя и справок, подтверждающих его участие в революционных событиях и гражданской войне, находится автобиография, написанная по просьбе комиссии 15 февраля 1933 года.

Известно, что П. П. Бажов с первых дней Февральской революции работал в Совете г. Камышлова, был членом ревкома. В октябре 1918 года писатель вступил добровольцем в Красную Армию, затем участвовал в организации партизанского движения и подпольной большевистской организации в Усть-Каменогорске. Об этом и рассказывает не опубликованная ранее автобиография П. П. Бажова, взятая из архивного фонда «1200».

АВТОБИОГРАФИЯ БАЖОВА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

Год рождения 1879. Место рождения Сысертский завод б. Екатеринбургского уезда. Из рабочей семьи. Получил образование (среднее) и с 1899 года до 1917 года был учителем. В царской армии не был.

С 1917-го года, со времени Февральской революции, принимал ближайшее участие в работе по организации местных органов Совдепа в г. Камышлове. Тогда же вступил в отряд Красной гвардии, в распоряжение т. Жукова В. Д.

Со времени Октябрьской революции был членом Уездисполкома и комиссаром по просвещению. В ию-

не 1918 года был назначен в эвакуационную комиссию под руководством Бриханова Н. И. Мне с т. Голомозинным И. Г. было поручено эвакуировать денежные ценности Камышловского казначейства и банков в г. Пермь. После сдачи явился в распоряжение т. Васильева М. В., который тогда уже был в Егоршине. Здесь получил назначение в так называемую особую роту при полке Красных орлов, фактически же вел политработу: заведовал информотделом формирующихся частей, потом был редактором дивизионной газеты «Окопная правда», а также членом бюро РКП при штабе дивизии. В Перми был захвачен в плен и был заключен в тюрьму, откуда бежал и перешел на нелегальное положение.

В 1919-м году принимал участие в партизанском движении Сибири, вначале в Томском урмане (апрель — май), потом в Южном Алтае (сентябрь — декабрь). Здесь после занятия города Усть-Каменогорска работал на партийной работе и был редактором газет «Известия ревкома», потом «Советская власть».

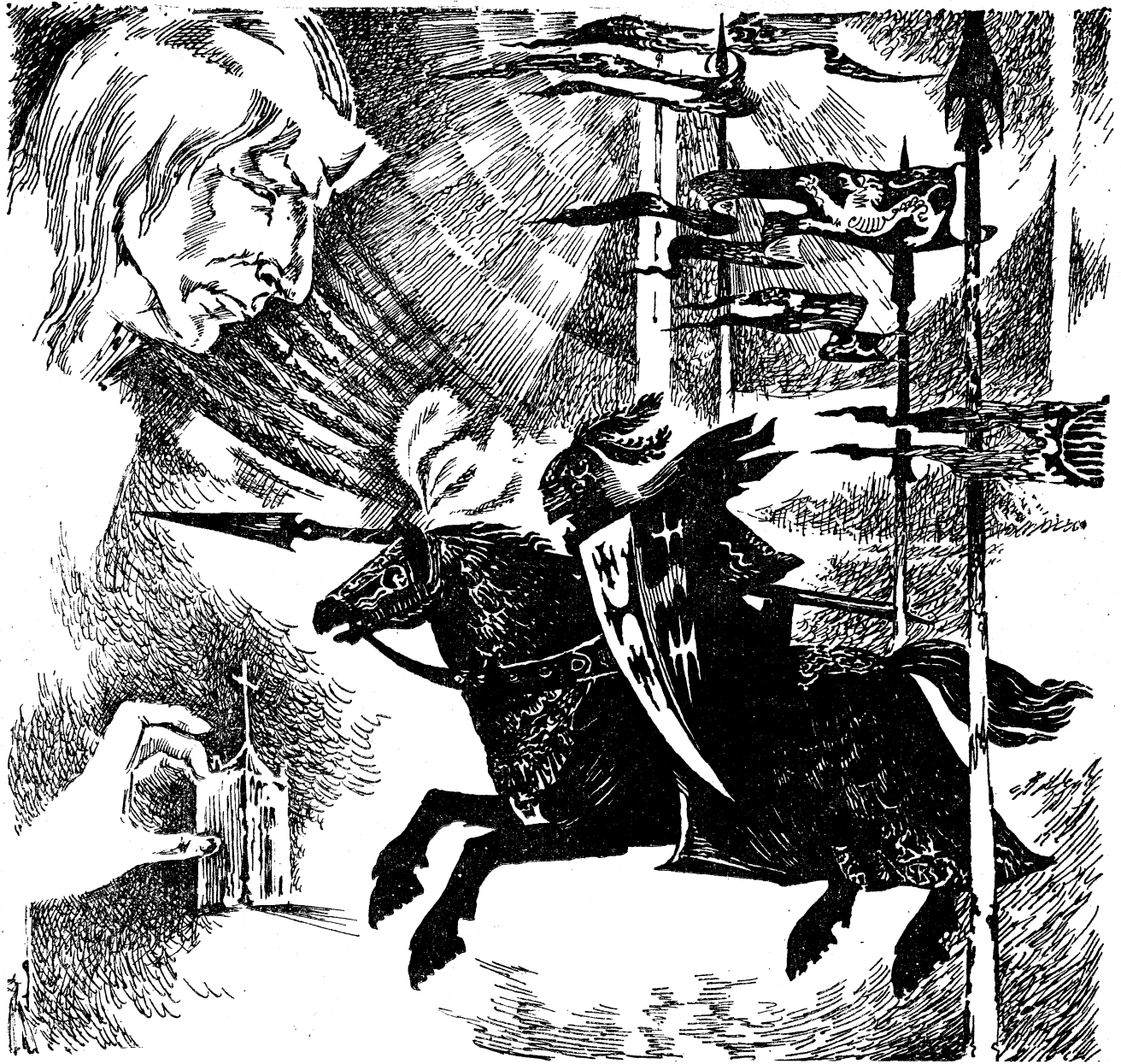
В 1920-м году был членом Семипалатинского губкома РКП(б). В 1921-м году возвратился в Камышлов, где был редактором газеты «Красный путь» до районирования области в 1923 году. С 1923-го года работал в Свердловске, сначала в «Крестьянской газете» (теперь «Колхозный путь»), потом в Облисте (1930 и 1931 гг.).

В настоящее время в Огизе заведую сектором сельхозлитературы. С 1917 года состою членом ВКП(б). Мое участие в красногвардейских и красноармейских отрядах в 1917—1918 гг. могут подтвердить по Камышловской группе из проживающих в Свердловске следующие товарищи: Васильев М. В., Бриханов Н. И., Куткин Г. Е.

15. 02. 33. П. Бажов
Служебный адрес — Огиз, Банковский, 3.

Домашний — ул. Детский городок, 11.
ГАСО, ф. 1200, оп. 2, д. 15, л. 3
Подлинник, рукописный.

СРУБИТЬ КРЕСТ

Повесть

**Владимир
ФИРСОВ**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Глава 15. Короткая жизнь —

благо?

Леннада встретила меня на ступеньках дворца. Она протянула мне букетик цветов, которые, как я уже знал, назывались здесь столетником и были символом долгой, счастливой жизни.

— Поздравляю кавалера с победой,— грустно сказала она. В ее глазах стояли слезы.— Воистину для него не существует непреодолимых препятствий. Я начинаю думать, что он сумеет победить кавалера Рюделя.

Сегодня на ее лице не было никакой косметики, и девушка выглядела еще привлекательней.

— Прошу простить меня за испорченную дверь,— извинился я.— Кстати, ты не знаешь, для чего служит подвал, в который ты меня так старательно заперла?

Леннада сердито сверкнула глазками, но все же ответила мне.

— В нем когда-то хранилась королевская казна, а потом архив Черного совета. Но его вывезли много лет назад, когда я была еще девочкой. Это случилось в ту ночь, когда убивали кавалеров, поэтому я все запомнила.

— Как это — убивали кавалеров? Кто убивал? За что?

— Я ничего не знаю. Отец мне сказал, что всех кавалеров убивают и надо бежать из дворца. Потом он ушел, и я больше его никогда не видела.

— Когда это было?

— Одиннадцать... нет, двенадцать лет назад. Я только-только научилась читать и писать.

— И многих кавалеров убили?

— Не знаю. Мы прятались на чердаке целый день. Потом нас нашли и сказали, что мы можем вернуться.

Я слушал девушку с возрастающим удивлением. До сих пор я ничего не слышал о подобных событиях. Я не знал, что это было — бунт, революция, дворцовый переворот, но понимал, что обстановка на Изумрудной накалена. Намеки диспетчера Фей и прямые угрозы дядюшки Теодора позволяли догадаться, что назревают крупные события. Рассказ Леннады только подкрепил мою уверенность.

Мне было ясно, что монархия на Изумрудной доживает последние дни. Когда она станет помехой Рюделю, ее уничтожат. За Рюделем стояла сила, причем вовсе не кавалеры, привыкшие к почету, богатству и безделью,— они, как и монархия, были только удобной ширмой. Главной опорой для него будут все-таки тысячи храбрых рестораторов и им подобных — с мясницкими ножами в потных кулаках, с цепями, дубинками, а то и с автоматами — наперняка где-нибудь припрятаны до поры до времени. И еще есть диспетчер Фей и его друзья — те, кому суждено первыми погибнуть в день, когда Рюдель придет к власти. Если только сами они не сумеют вовремя обуздать Рюделя и его шайку.

Да, следовало ожидать бурных событий... Не знал я только одного — как может повлиять на эти события тот неизвестный на Земле фактор, который я для себя назвал «сроком жизни». Я не верил, что существует и сохраняется в глубокой тайне лекарство, дающее обитателям Изумрудной долголетие, и не очень разделял надежды дядюшки Теодора. Но на моей родине люди жили по двести лет и более, а не пятьдесят-шестьдесят, как в прошлом, поэтому я был уверен, что земная наука быстро найдет противоядие от чудовищной гримасы здешней генетики.

Все эти мысли не раз уже приходили мне в голову, но сегодня я выстроил свои соображения в ином порядке. Меня все время смущало, почему на Изумрудной не только не искали способов продления жизни, но даже

попросту противодействовали этому. Почему короткая жизнь угодна Кресту? Почему долгая жизнь — проклятье?

Простое решение напрашивалось само собой. Обреченность каждого живущего — вот извечное проклятие этой планеты. И религия, естественно, помогает отрешиться от сознания обреченности, утверждая, что короткая жизнь — благо.

Это рассуждение могло показаться очень убедительным, если бы не одно «но». Религия никогда не имела своей целью утешение. Любая религия — на Земле, на Изумрудной ли — всегда была инструментом порабощения трудящихся, имеющим точные классовые цели. Обман под видом утешения — да, это религия могла, но утешение — никогда.

Религия должна проповедовать то, что выгодно правящему классу.

На этой аксиоме цепь моих рассуждений постоянно обрывалась. Сегодня я попробовал подойти к проблеме по-иному.

Итак, что мы знаем об истории Изумрудной?

Около пятисот лет назад, когда в результате Второй Великой революции на нашей планете возник Всемирный Союз Коммунистических Республик, сюда прибыли беглецы с Земли. Один или несколько кораблей, сотни или тысячи пассажиров. Вряд ли я очень ошибусь, если возьму за основу пять тысяч человек. Этому крохотному отряду предстояло освоить целую планету. И прежде всего — создать стабильное, развивающееся общество.

Беглецы, конечно, понимали, что их ожидают гигантские трудности. Им придется создавать промышленность, строить жилища, сеять хлеб, разводить скот. Поэтому они привезли с собой зерно и семена, лошадей и коров. Они привезли строительные автоматы и автоматы для производства инструмента. На каждом корабле имелись мощные кварк-реакторы, энергии которых хватило на первые десятилетия, а может быть, и не на один век. А еще они привезли с собой классовое неравенство.

Пока корабли блуждали в космосе, все шло по установленному еще на Земле распорядку. Кто-то командовал, а кто-то подчинялся. Кто-то ремонтировал реакторы, вычислял курс, готовил пищу, убирал каюты, чинил одежду. Кто-то отдавал приказы.

Но вот цель была достигнута — благодатная планета, которая, казалось, только и ждала хозяев. Наверно, многие из беглецов надеялись, что на этой земле обетованной начнется для них новая жизнь. Но этого не случилось.

Было бы наивно думать, что последыши капиталистического мира летели сюда через бездны космоса, чтобы провозгласить здесь царство равенства и справедливости. Тот, кто привык на Земле к власти, не собирался расставаться с нею и здесь. Для этого прекрасно годился испытанный инструмент — государство. Почему-то из всех видов государственного устройства была выбрана монархия. О причинах такого выбора гадать сейчас бесполезно, да и не нужно. Гораздо важнее было другое.

Колонизаторы Изумрудной должны были создавать здесь все заново — своим потом, своими руками. Молодые, сильные ценились, старые, ослабевшие становились обузой. Они были не нужны обществу, более того — они были вредны ему!

Когда в своих рассуждениях я дошел до такого вывода, меня поразило, как удачно эта мысль укладывается в общую картину. Обществу Изумрудной выгодно, чтобы люди жили мало, — религия провозглашает короткую жизнь благом — и продолжительность жизни действительно очень мала!

Это было невероятно. Подумать только — крохотной колонии, где каждый кусок на учете и каждый лишний рот в тягость, не надо кормить стариков. Какая невероятная удача для общества — едва у человека остается за спиной период расцвета, едва он начинает уступать в производительности труда более молодым и энергичным, как его настигает неизбежная смерть.

Но таких удач не бывает.

Значит, короткая жизнь — это результат злой воли? Но как же так? Ведь все умирают — даже короли и принцессы. Неужели все они добровольно пошли на это? Правда, кавалеры не умирают. Или умирают так, что их похорон никто не видит.

Да нет, все это дикий бред... Как можно заставить все человечество, пусть даже крохотное, преждевременно умирать? И как это осуществить технически?

Но все сходится — потребности экономики и проповеди религии.

И кавалеры не умирают.

Кто-то из заметивших это поднял бунт. Была сделана попытка перебить кавалеров. Но все кончилось тихо и мирно. Бунтовщики куда-то сгнули, уцелевшие кавалеры бездельничают по-прежнему. А Рюдель понял, что с монархией пора кончать. Но он немного опоздал. Король почувствовал, что дело плохо, и упрятал принцессу на Землю. И протянулась тонкая ниточка к планете-праматери. Такая тонкая, что порвать ее ничего не стоит.

Только тонкая ли? Я, Алексей Северцев, уже нахожусь здесь, на Изумрудной, и с каждым ударом моего копья рушатся надежды Рюделя на захват власти. А за моей спиной — коммунистическая Земля и еще сто сорок две планеты Содружества. Десяносто два миллиарда человек, обладающих неизмеримой мощью.

Все эти соображения я пересказал вечером бабушке.

— Пожалуй, ты рассуждаешь логично, — сказала она. —

Тут что-то есть... Подкину-ка я твою задачу машинам — пусть подумают.

— Знаешь, бабуся, по моим расчетам завтра финал. Я пересчитал всех претендентов, и у меня получается, что все Соискатели, кроме Рюделя, уже выбыли.

— И как настроение? — поинтересовалась она. — Волнуешься?

— Есть немного, — сознался я. — Вот завтра выбью Рюделя из седла и успокоюсь.

— А на каком коне собираешься драться?

— Возьму какого-нибудь из конюшни Ганелоны. Не нравится мне эта история с Закатом.

— Вот что, внучек... Все твои рассуждения о мощи Земли в принципе правильны. Но ставка очень уж велика. А для твоего Рюделя, судя по всему, никакие законы не писаны. Мой тебе совет — не ночуй сегодня во дворце. Пойди в гости к диспетчеру Фею. Или престо поспи в лесу на травке, а Петровича поставь сторожить. Если завтра — финал, Рюдель может плюнуть на все приличия.

Бабушка как в воду глядела.

Глава 16. Смерть ходит рядом

Фей со своими товарищами поселился у брата — слесаря единственной в городе авторемонтной мастерской. Тот жил на окраине города в старом двухэтажном доме, стоявшем на берегу реки. Дом порядком обветшал, и в нем почти не осталось жильцов. Но отсутствие удобств никого из приезжих не смущало. Рабочие навели чистоту в пустовавших комнатах, натащили травы и веток, подмели вокруг дома, протерли стекла и жили здесь веселой гурьбой.

Поздно вечером, когда мы собирались спать, мой браслет зажуужал — меня вызывала бабушка.

— Есть новость, — сказала она хмуро. — Твой дружок Рюдель украл у нас робота.

— Как это — украл? Зачем? — растерянно спросил я. На Земле никто ничего не крад уже несколько столетий — любую нужную или ненужную вещь каждый мог получить, набрав соответствующий индекс на шифраторе своего домашнего пульта.

— Как он это сделал, не знаю. А зачем — для какой-нибудь новой пакости. Похоже, что робота вывезли на Изумрудную. Мы еще не выяснили, как Рюдель проник в хранилище роботов. К счастью, ему достался робот класса один. Это просто механический слуга, сильный, но не вооруженный, и с меньшей емкостью мозга. Так что ты на всякий случай посмотри там...

Фей и его друзья с удивлением слушали этот разговор. Особенно их поразило, что крохотный экран моего браслета давал большое объемное изображение, выступавшее над ним в рамке цветного тумана. Впрочем, в этот вечер им пришлось удивляться много раз. Мой рассказ о Земле, о ее бурном прошлом, о Великой революции и Всемирном Союзе Коммунистических Республик они слушали как волшебную сказку. Я даже показал им несколько фильмов — их запись хранилась в памяти Петровича и оттуда транслировалась через мой браслет. Мне долго не хотели верить, что Петрович — не человек. Пришлось рассказать им об устройстве роботов. Потом Петрович продемонстрировал несколько фокусов, вызвав бурный восторг. Кто-то попросил его умножить 73 891 431 на 3,1415. Петрович выдал ответ через секунду, а пока его долго проверяли по бумажке, извлек из этих чисел кубические корни. И тут я заметил, что хозяева смущенно переглянулись.

— Нас этому не учили, — смущенно сказал Фей. — Четыре действия арифметики — верх образования для большинства на планете...

Всех развеселило умение Петровича видеть затылком. Тогда я попросил погасить свет, и минут пять все по очереди в полной темноте показывали отвернувшемуся Петровичу разные предметы, а тот безошибочно называл их. Потом каждый из собравшихся долго жал Петровичу руку в знак знакомства. За разговорами, смехом и шутками никто, кроме Петровича, не услышал осторожного стука в дверь.

— Кто это может быть? — шепотом спросил Фей в сразу наступившей тишине. — Мы никого не ждем.

Это оказался Илия. Он был чем-то сильно встревожен и попросил меня выйти с ним в другую комнату.

— Полчаса назад в конюшне был взрыв, — сказал он. — Пожар еще гасят. Все сторожа погибли. Из лошадей удалось спасти только двух, но они обгорели. Завтра тебе не на чем сражаться.

— А Росинант? — спросил я, чувствуя, что сердце у меня проваливается куда-то вниз.

— И он тоже...

— Как же это случилось? — У меня не было ни малейших сомнений, что диверсия организована Рюделем.

— Мы не знаем ничего. Взрыв был несильный — лошади погибли в основном от ожогов. А люди — все... Возможно, их попросту убили.

Вид у Илии был измученный, на лице и руках виднелись царапины и ожоги. Видимо, он кинулся ко мне, не успев даже привести себя в порядок.

— Ты голоден? — спросил я. — Садись с нами ужинать. И оставайся тут до утра.

Он кивнул.

Я познакомил Илию с Феем и его друзьями. Пока Илия умывался и ел, я рассказал о происшествии во дворце.

— Теперь у меня осталась только одна лошадь. Если что-нибудь случится и с Закатом, Рюдель станет победителем.

Немедленно несколько человек вызвались проверить, как охраняется стойло. Я попросил Петровича пойти с ними — его электронные органы могли обнаружить то, что недоступно чувствам человека. Илия утолил голод и сел в низкое кресло — он очень устал.

— Я начинаю думать, что бабушка права, предостерегая меня от рюделевского подарка, — сказал я Фею. — Меня словно подталкивают к этой лошади. Завтра — решающий бой, но я с радостью сел бы на Росинанта, будь он жив...

— Но чем может быть опасен Закат? — спросил Фей. —

Ведь ты уверяешь, что с ним все в порядке, что это отличная лошадь. Кроме того, ты уже сражался на ней. Почему ты решил, что она — от кавалера Рюделя?

— Да потому, что это лучшая лошадь на всей Изумрудной. Где мог достать такую лошадь дядюшка Теодор?

— Эти торговцы с ножами могут многое. Мы кое-что о них знаем. Они создали свое тайное братство, имеющее деньги, оружие. Похоже, что они намереваются скинуть кавалеров. Лет десять назад они уже пробовали сделать это...

Я слушал Фей, и расстановка сил на Изумрудной становилась мне все яснее. Да, от законов истории никуда не денешься — они срабатывают с предельной точностью, в каком бы конце вселенной ни происходили события...

— Что сейчас делает принцесса? — спросил я у Илии. Но беднягу сморил сон — он лежал в кресле, уронив голову на грудь и свесив на пол руку.

— Перейдем-ка в другую комнату... — прошептал я, поднимаясь. Фей стремглав шагнул к Илии и поднял ему голову.

На нас глянули остановившиеся глаза мертвеца.

Наверно, все, что я пытался в тот миг делать, было нелепым и ненужным. Я стал искать у Илии пульс, пытался слушать сердце, делать искусственное дыхание... Еще никогда рядом со мной не умирали люди, и я растерялся. Фей остановил меня.

— Как обидно, — сказал он грустно. — Я встретил человека, который мог стать другом. Но Кресту было угодно, чтобы срок его жизни истек... — Он заметил мой непонимающий взгляд и объяснил: — У нас все так умирают, достигнув сорока лет. А теперь даже раньше. Летур говорил тебе это...

Поздно ночью громкий стук поднял нас всех на ноги. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались вооруженные люди. Последним вошел птицеголовый судья, самодовольно поводя выпученными глазами. На скуле у него красовался огромный, тщательно запудренный синяк.

— Что это значит? — спросил я хмуро. — Как ты смеешь тревожить сон кавалера?

Судья рассыпался в извинениях, а на его губах так и змеилась противная улыбка.

— Я никогда бы не осмелился... Но у меня строжайший приказ разыскать и схватить опасного преступника, покушавшегося на жизнь кавалера.

— Где ты видишь здесь преступника? — Я взглянул в мерзкую рожу судьи, и у того сразу сползла улыбка с лица. — Кто он? Говори!

— Вот... — судья ткнул рукой, показывая на Петровича. — Твой слуга напал на кавалера, изувечил его, и тот выбыл из числа Соискателей, поскольку не мог продолжать схватки. Вот ордер на его арест!

Мне все стало ясно. Я кавалер, гость принцессы, и поэтому неприкосновенен. Но если я окажу сопротивление властям, это будет прекрасный предлог, чтобы обвинить меня в чем угодно и не допустить до боя. Такого удовольствия я Рюделю не доставлю.

Я внимательно прочитал ордер и передал Фею. Документ был составлен по всей форме — Фей огорченно вздохнул и развел руками.

— Хорошо, я позволю тебе выполнить свой долг, — сказал я судье. — Что будет с арестованным?

— Это решит суд, — важно заявил птицеголовый, опять обретая уверенность. — Наши законы справедливы.

— Я приду на суд, — сказал я. — И берегись, если хоть волос упадет с головы моего слуги до суда! Петрович, следуй за ними.

— Руки... — проверещал судья, тыча пальцем в Петровича. — Руки ему свяжите!

— Что? — я шагнул вперед. Побледневший судья юркнул за спину охраны, схватившейся за оружие. Я предостерег, что сейчас произойдет, и остановился. — Я обещаю тебе, судья, что мой слуга будет идти за вами туда, куда ему прикажут, не пытаясь бежать.

— Связаты! Связаты! — снова завопил птицеголовый. Тут я вдруг успокоился. Я вспомнил, кто такой Петрович.

— Пускай они тебя свяжут, — сказал я Петровичу и добавил на русском, которого здесь никто не знал: — Информируй меня обо всем.

Стража накинута на работа, скручивая его заранее припасенными веревками. Судья снова рассыпался в ехидных извинениях и удалился впереди своего войска, конвоировавшего Петровича.

Некоторое время все молчали. Потом раздался возмущенные возгласы.

— Успокойтесь, друзья! — сказал я. — От нас только и ждут, чтобы мы нарушили какой-нибудь закон. Прошу вас — никакого негодования! Меня больше беспокоит другое. Никто, кроме Ганелоны, не знал, где я буду, и тем не менее Рюдель нас нашел...

Зазуммерил мой браслет. Я торопливо включил связь и услышал голос Петровича.

— Мне связывают ноги, — докладывал он невозмутимо, как всегда.

— Они что — собираются тебя нести? — удивился я. — Не думаю, моему, меня хотят утопить. Мы находимся на самом берегу реки. Да, ко мне привязывают камень.

Разговор шел по внутреннему устройству робота, не имеющему акустического канала, и не был слышен для окружающих Петровича людей.

— Меня сталкивают в воду, — докладывал Петрович. — Вот столкнули. Иду ко дну. Глубина метра три.

— Ты сможешь выбраться? — спросил я обеспокоенно. — Конечно. Руки я уже освободил.

— Подожди минут пять, пока они уйдут, и возвращайся ко мне, — распорядился я. — Ты мне будешь нужен.

Когда Петрович вошел в комнату, вода так и текла с него. Однако он казался очень довольным.

— Судья задумал что-то еще, — сообщил он. — Я немного проследил за ним. Он ожидает, когда вы уснете. Я вспомнил про взрыв в конюшне, и мне стало тревожно.

— Всем надо немедленно уходить!

Петрович сходил в конюшню за Закатом, и мы ушли подальше в лес. Я завернулся в одеяло, лег под кустом. Петрович стоял рядом и сторожил. Ему было все равно — сидеть, стоять или лежать. Небо уже начинало светлеть, одна за другой гасли звезды. Вскоре я уснул. Больше меня никто не тревожил.

Глава 17. Человек против автомата

Зеленое солнце Изумрудной уже поднялось над вершинами деревьев, когда я открыл глаза. Капельки росы на траве перед моим лицом зажглись зелеными огоньками. Десятиногая букашка неторопливо карабкалась вверх по травинке, покачивая длинными спиральными усиками. Невдалеке слышалось фырканье коня. В шаге от меня стоял Петрович — смотрел на утро всеми четырьмя глазами, впитывая информацию, и стерег мой сон.

Пробуждение было быстрым и ясным. Прыжком поднимаясь на ноги, я уже чувствовал, как во всем теле играет нерастроченная сила. Впереди меня ждали бой, успех, слава, любовь — и бесконечно долгая удивительная жизнь. От всего этого меня отделяло только копые Рюделя. Но если бы даже все копые вселенной преграждали сегодня мой путь, утро не показалось бы мне менее прекрасным.

— Здравствуй, Петрович! — закричал я от избытка чувств. — Ну как — свалим мы сегодня Рюделя?

Петрович был машина точная. Он ответил мне, что

вдвоем мы Рюделя, безусловно, свалим, но по правилам я должен сделать это один. Еще он сказал, что недавно в той стороне, где оставался покинутый нами дом, поднялось большое зарево, как от пожара, что со спутника мне пожелали успеха, но будить не велели, и что сигналов, которые он постоянно засекал в эфире, сегодня совсем нет.

— А вчера вечером впервые прошло пять сигналов подряд,— добавил Петрович для полноты сообщений. Но меня не заинтересовали сигналы из радиохрама. Бой, бой, бой— вот чем были полны мои мысли.

На Ристалище мы прибыли задолго до начала схваток, чтобы я смог без помех размяться. Фей и его товарищи ожидали меня.

— Ты был прав,— тихо сказал мне Фей.— По дороге сюда я прошел мимо нашего дома. Его уже нет— сгорел дотла.

— Мы и это припомним судье,— пообещал я.

Я был сыт по горло взрывами, поджогами и отравлениями, поэтому решил не приближаться к отведенным мне помещениям, где меня мог ожидать очередной рюделевский сюрприз. Я распорядился сложить все свои доспехи не в раздевалке, а прямо на краю поля, на виду у всех. После этого я с Петровичем и Феем направился к трибунам, на которых уже начали собираться наиболее нетерпеливые зрители.

Под трибунами было сыро и сумрачно. Сверху раздавались шаги, через щели сыпался мусор. Я встал возле входа в судейскую ложу и вдруг заметил бравого ресторатора, который спешил куда-то с озабоченным видом. Увидев меня, дядюшка Теодор смутился, глаза его забегали, и он постарался прошмыгнуть мимо. Но я ухватил его за плащ и остановил.

— Ты пришел посмотреть, как я выполняю свое обещание?— спросил я ласково, продолжая держать его за полу плаща.— Теперь уже недолго ждать. Да, кстати, я все хочу тебя спросить— где ты раздобыл такого великолепного коня?

Дядюшка Теодор, красный как рак, молча тянул плащ.

— Почему ты молчишь? Ведь я могу подумать, что он добыт нечестным путем.

Побагровевший ресторатор все дергал свое одеяние, губы его шевелились, но издаваемые им звуки были абсолютно бессвязными.

— Ба, что я вижу! Да у тебя под плащом целый арсенал? А мне казалось, что сюда могут приходиться с оружием только кавалеры. Как я ошибался! Надо будет рассказать стражникам о своем заблуждении. Что? Ты не хочешь?

Тут дядюшка Теодор так рванул плащ, что тот затрещал. Тогда я разжал кулак.

— Я пошутил. Иди, занимай хорошее место. Только послушайся моего совета— забудь про свои игрушки.— Я кивком показал, что имею в виду.

— Можно, я тоже скажу несколько слов?— прорезался наконец голос у ресторатора.— Будь на месте благородного кавалера кто-то другой, мы бы прирезали его так, что он и пикнуть не успел. Так что пусть кавалер идет своей дорогой.

— А могу я узнать, почему для меня делается такое исключение?

— Кавалер должен сперва свалить кавалера Рюделя...

Дядюшка Теодор плотнее запахнул плащ и исчез, оставив меня раздумывать над его многообещающим «сперва»...

Через несколько минут я заметил автомобиль птицеголового судьи, волочивший за собой хвост дыма, и приказал Петровичу отойти в сторону.

Судья лихо подскочил на своем драндулете ко входу и важно вышел из машины. Меня он заметил только у самой двери и перепугался так, что на него было противно смотреть.

— Я приветствую кавалера...— пролепетал он.— Сейчас ему предстоит важный бой...

— Молчать!— рявкнул я как можно свирепей. Когда

бабушка говорила мне, что грубость и наглость могут оказаться здесь более действенным оружием, чем ум и логика, я не хотел ей верить. Но птицеголовый понимал только такой язык— язык силы.— Ты сдержал слово? Где сейчас мой слуга?

— А... э...— заблеял судья.— Он... это... жив-здоров...

— Я сам знаю, что он жив-здоров. Я спрашиваю— ты сдержал слово? Петрович, сюда!

При виде Петровича глаза у судьи вылезли из орбит и отвалилась челюсть.

— Теперь я знаю, что ты не только судья, но и палач. Неправедный судья и никудышный палач. Но ты больше не будешь судьей— я это тебе обещаю. Ты не умеешь держать слова.

Я повернулся к Петровичу.

— Судье больше не понадобится автомобиль. Это излишняя роскошь— такому подконю ездить в автомобиле.

Петрович понял меня с полуслова. Он чуть повернулся к машине— раздалось шипение, над автомобилем встало белое облако дыма, и он развалился на две аккумуляторные половинки. Еще более, чем дым, стало лицо судьи. От страха он начал громко икать.

— До конца схваток я разрешаю тебе оставаться судьей,— сказал я.— А после боя я подумаю, что мне делать с тобой.

Птицеголовый был перепуган насмерть, и все же я заметил, как в его глазах промелькнул злобный огонек. Я решил не оставлять ему ни малейшей надежды.

— А если я не выиграю бой... Тогда мой слуга, который нынешней ночью очень тебя полюбил, сделает с тобой то же, что и с автомобилем.

Я приказал Петровичу отвести судью в ложу и не выпускать оттуда ни под каким предлогом.

— И пусть он прикажет своей страже убраться из судейской ложы. А не послушается— изрубите их, как капусту.

Я решительно отдавал кроважадные приказы, а Петрович послушно кивал. Я знал, что он никого и пальцем не тронет,— но судья о том не догадывался и принимал все за чистую монету.

— Надеюсь, что сегодня больше не будет никаких неожиданностей? Ни взрывов, ни пожаров?— тут я провел пальцем по рукаву судьи.— Это что? На твоей одежде копать? Не из дворцовой ли конюшни? А может быть, из нашего дома?

Судья дернулся, словно его ударили, и мне стало ясно, что мои подозрения справедливы.

— Да, вот еще...— я вынул из кармана два снимка и сунул ему под нос.— Вот тут Рюдель и ты с каким-то аппаратом. Если я увижу эту штуку хоть раз...— я задумчиво посмотрел на остатки автомобиля.— А сейчас иди. И суди праведно. Это твой единственный шанс. Петрович, от судьи ни шагу, даже если тебе будет приказывать сама Ганелона!

Петрович подхватил обмякшего судью и поволок его в судейскую ложу.

В какое же болото ты попал, Алексей, думал я, направляясь к своим друзьям. Бабушка права— здесь могут отравить, ударить ножом в спину... О честном рыцарском бое никто и не помышляет. Хорошо, что остался последний поединок.

Но я ошибся— глашатаи объявили бой с неизвестным мне кавалером.

Это был какой-то обман— я знал, что все Соискатели, кроме Рюделя, уже выбыли из борьбы. Видимо, кавалеры срочно мобилизовали еще одного претендента. Вряд ли это был сильный боец— все свои резервы Рюдель уже бросил в бой против меня. Ну что же, свалю еще одного— только и всего.

Я надел броню и уже собирался сесть на коня, когда увидел бегущую от трибуны девушку. Это была Леннада.

— Принцесса желает успеха кавалеру Алексею,— сказала она. Ее щеки покраснелись от бега, а большие глаза под густыми дугами бровей были так печальны, что у меня защемило сердце.

— Спасибо, Леннада,— сказал я как можно ласково.— А каким будет твоё пожелание?

Она отпрыгнула от меня, как разъяренная кошка.

— Чтоб твой конь сломал ногу на первом же шагу! Чтоб твои руки ослабели и не могли удерживать копьё! Чтоб солнце ослепило тебе глаза, чтоб пыль задушила тебя!

— Не слишком ли много пожеланий сразу? — засмеялся я. Но девушка вдруг расплакалась и села на траву, закрыв лицо руками.

— Пора, Алексей,— сказал мне Фей, показывая на Ристалище, в противоположном конце которого уже показался мой противник.

Я сел на коня. Юлик протянул мне боевые перчатки.

Раздался сигнал к бою. Я опустил забрало, взял щит и копьё.

Мой противник уже скакал навстречу. С первого взгляда я понял, что всадник он не из лучших. Он сидел на лошади, растопырив ноги, и неуклюже подпрыгивал в седле. Как скакать мог только новичок, впервые в жизни севший на коня.

Закат шел идеально ровным галопом, и я уже нацелил копьё в щит противника, но состояние полного сосредоточения, которое всегда приходило ко мне во время атаки, никак не наступало. Меня беспокоил какой-то пустяк, какое-то полужабитое случайное воспоминание. Расстояние между мной и противником все уменьшалось, а я никак не мог поймать ускользающую мысль. Нас разделяло уже полсотни метров, сорок, тридцать. Что я должен вспомнить — вспомнить сейчас, пока мы еще не сошлись на длину копьё?

И я вспомнил. До соперника было всего метров двадцать, и скакать оставалось почти секунду, а я вдруг понял, что именно так, с нелепой уверенностью механизма, скакал на коне Петрович, когда я однажды решил испытать его в верховой езде.

Против меня выступал не человек, а автомат — робот класса один, похищенный Рюделем с Земли.

Автомат против человека — это было вопиющим нарушением устава конных поединков, но нас разделяло всего секунда, и за это время мне следовало все продумать и решить.

Секунда — огромное время для спортсмена. У себя на Земле мы измеряем свои результаты с точностью до тысячных долей секунды. Но все же секунда — очень короткий отрезок времени. Ее не хватит, чтобы прервать бой, подать протест, дисквалифицировать бойца. За секунду можно только выиграть бой. Или проиграть его.

Я хорошо знал, что такое робот класса один. Мне противостоял неуязвимый механизм с терилаксовым корпусом, весящий почти двести килограммов, абсолютно нечувствительный к моим ударам. Очевидно, для того Рюдель и вывез его с Земли, чтобы поручить ему выбить меня из седла в веселой рыцарской забаве. Рюдель должен был скрывать от всех свое тайное оружие, даже ближайšie помощники могли не знать, что по его приказу сейчас отстаивает свои права на принцессу не человек, а механизм...

Такое не сошло бы даже Рюделю. Поэтому — я был убежден в этом — он проверил в бою робота сам, без свидетелей. Усадил на коня, дал щит и велел скакать навстречу. Безрезультатно сломал о него десяток копий и, вероятно, остался доволен. А чтобы не рисковать, — ведь с психикой роботов на Изумрудной незнакомы, — копьё ему в руки во время проверки скорее всего не давал. Или давал, но приказал — на всякий случай — промахнуться. Поэтому Рюдель не мог узнать того, что на Земле известно каждому ребенку, — что ни один робот не способен ударить человека.

Роботы класса ноль были сверхинструментом и сверхоружием человека, но и они подчинялись Первому Закону. Петровичу цепи Первого Закона заблокировали по разрешению Службы Безопасности, — эта точнейшая и трудоемкая операция осуществлялась в одной-единственной лаборатории на планете. У роботов же всех остальных

классов заблокировать цепи Первого Закона было принципиально невозможно.

До моего противника оставалось уже не двадцать, а всего десять метров, когда я понял, как следует поступить. Копьё робота, плотно лежавшее на опорном крюке, устоялось мне в лицо. Но я знал, что робот не ударит.

Все случилось так, как я и думал. За миг до встречи наконечник его копьё чуть приподнялся и мелькнул где-то возле плюмажа. Я ударил точно и сильно — у коней был отличный ход, и от удара мое копьё разлетелось вдребезги, но робот даже не качнулся. И я знал, что могу бить его так хоть сутки — пока не сломаю все свои копьё или вместе с конем не упаду от усталости.

Я позвонил Закату, чтобы взять новое копьё.

— Возьми-ка щит,— сказал я Фею. Он встревоженно глядел на меня. Я поднял забрало и подмигнул ему. Мне требовалось освободить руку, и щит только мешал мне.

Блок-кольцо я носил на левой руке, и переодевать его было некогда. Я просто взял копьё в левую руку, заранее стряхнув боевые перчатки. Мне было все равно, какой рукой биться, — недаром я был обоеручный боец, единственный в Содружестве.

Я включил блок-кольцо за секунду до столкновения. Эта секунда была необходима, чтобы обездвиженный импульсом кольца робот начал терять равновесие. Мой расчет оказался безупречным. Двух прыжков лошади вполне хватило — робот уже завалился назад и набок, поднимая копьё, и мой удар ускорил падение. Оглядываясь, я видел, как робот неуклюже грохается в пыль, обрывая стремена.

Публика взвыла от восторга. «А-лек-сей! А-лек-сей!» — хором выкрикивали с трибун. Разгоряченный конь подо мной плясал, изгибая гоголем шею. Я поднял его на дыбы напротив королевской ложи и тут почувствовал, что он падает.

Мне удалось вовремя спрыгнуть. Закат лежал на боку, его ноги дернулись несколько раз и замерли. Большой остеклевенный глаз неподвижно глядел на меня.

Соскакивая с Заката, я уже знал, что он мертв. Как и чем его убили, меня не интересовало. Важно было одно: Рюдель нанес новый удар, и удар оказался решающим.

На мгновение у меня мелькнула мысль воспользоваться лошадью, на которой скакал робот. Я огляделся. Увы, поздно! Какие-то дюжие молодцы из рюделевской шайки уже уводили ее в конюшню.

Я стасил с себя шлем, поклонился королевской ложе и швырнул копьё. Оно упало на изрытую копытами траву. Я повернулся и пошел прочь, потому что делать на этой планете мне было нечего.

Еще никто из тысяч собравшихся здесь людей не знал, что это конец, — никто, кроме Рюделя, ликовавшего где-то в своем укрытии, да еще моих верных друзей, кучкой столпившихся на краю Ристалища. Я подошел к ним и стал развязывать ремешки панциря.

Юлик сидел на траве и горько плакал. Фей осторожно положил мне руку на плечо. Его товарищи хмуро смотрели в землю — видимо, они считали, что виноваты в смерти коня. Бесновавшиеся трибуны постепенно замолкли, и тогда я услышал в вышине знакомую тонкую ноту.

Несколькими секундами позже этот звук услышали все. Словно вздох пронесся в воздухе, и тысячи лиц обратились к зениту, откуда, источая звон гравидвигателей, на окраину Ристалища спускался десантный «Гриф».

Глава 18. Человек против автомата. (Окончание)

Первой по широкому трапу из корабля вышла моя бабушка, сопровождаемая несколькими рослыми мужчинами.

— Бабуся, милая! — кричал я, подбегая к ней. — Дай, я тебя расцелую!

Я схватил ее в охапку и закурил на глазах у изумленных зрителей.

— Да отпусти меня, медведь! — отбивалась она. — Совсем ведь задушил. Лучше поздоровайся с девушкой.

За спинами бабушкиной свиты я увидел смущенное и очень хорошенькое личико. Это была Виола. Она улыбнулась мне и покраснела.

— Как твои дела, Аника-воин? — спросила бабуся. — Скоро бой с Рюделем?

— Не будет никакого боя. — Я взглянул на бездыханную тушу среди Ристалища, и радость сразу схлынула. — У меня убили коня.

— И только-то? — Бабушка весело рассмеялась. — А ну-ка, внучек, оглянись!

Я посмотрел на трап, куда она показала, и мне захотелось от радости встать на голову, потому что из трюма выводили под уздцы моего Баязета!

— Как тебе нравится мой сюрприз? — спросила бабушка. — Скажи спасибо монтажникам Космостроя — чтобы привезти тебе эту кобылу, они трое суток без сна и отдыха собирали на орбите новую ВП-кабину.

— Бабушка, Баязет не кобыла, — не удержался я от комментария. — Но все равно всем спасибо!

Я еще раз расцеловал бабуся, потом Виолу и хотел уже облобызывать остальных, но тут заметил, что это были не люди. Вся свита бабушки состояла из роботов класса ноль — родных братьев Петровича. Это открытие несколько отрезвило меня.

— А как тебя сюда пустили? — спросил я. — Насколько мне известно, въезд на Изумрудную запрещен.

Бабушка насмешливо фыркнула.

— Хотела бы я посмотреть, как твоя Ганелона отказала бы в разрешении Генеральному комиссару Службы Безопасности.

— Кому? — я не поверил своим ушам. — Ты — комиссар Службы Безопасности..

Наверно, у меня был очень глупый вид.

— А вот и хозяева мчатся, — сказала бабушка, и голос ее сразу стал жестким. — Всем — внимание! Действовать по инструкции!

Кучка вооруженных стражников, рысью спешивших к кораблю, ничуть не напоминала почтительных таможенников. Появление «Грифа» было для Рюделя неожиданностью, и он, очевидно, послал сюда всех, кто оказался под рукой, дав им задание выдворить незваных гостей любым способом.

Роботы выступили вперед, заслонив нас собою. Стражников было человек тридцать, а роботов только восемь, но я знал, что они смогут справиться с сотнями людей, даже не пуская в ход оружия, поэтому с интересом смотрел на бегущих. По мере приближения прыти у них поубавилось, и плотная вначале группа постепенно растянулась. На последних метрах впереди оказался лишь один стражник, наиболее ретивый и самый здоровенный из всех. Большим умом он, очевидно, не отличался, иначе не стал бы бросаться с мечом на гостей с другой планеты. Но поднятый меч развалился пополам, а сам стражник упал на землю с выпученными глазами, судорожно хватая ртом воздух. Это зрелище мигом отрезвило остальных. Они остановились в почтительном отдалении и вступили в переговоры. Поверженный стражник потихоньку уполз к своим. Тогда вперед бесстрашно выступила секретарь Звездного Совета Виола Ирина Миллер и предъявила свои полномочия и разрешение, подписанное принцессой Ганелоной и скрепленное государственной печатью. Генеральному комиссару Службы Безопасности Содружества и любому числу сопровождающих ее лиц и механизмов дозволялось в любой удобный для нее момент посетить планету Изумрудную без какого-либо дополнительного уведомления, с правом высадиться в любом удобном для нее месте и оставаться на планете сколь угодно долго, а также передвигаться по ней или над ней в любой район Изумрудной любым видом транс-

порта. Этим же документом всем официальным лицам и населению планеты предписывалось оказывать бабуся и всем сопровождающим ее лицам и механизмам полное и максимальное содействие... Раздумываясь Виола читала все это звонким голосом, изредка оглядываясь на нас, роботы неподвижно стояли шеренгой, сложив ладони перед собой так, что их начиненные сюрпризами пальцы были обращены к стражникам, а бабуся мило улыбалась, наклонив голову, и с интересом слушала Виолу, словно все это было ей в новинку и не она сама сочинила вместе с Ганелоной этот документ.

Потом стражники долго рассматривали подпись и печать. Но придаться было не к чему, да и обломки меча, валяющиеся на траве, не вдохновляли их на активные действия. Ворча, они отступили.

Я вел Баязета, поглаживая его по гладкой, теплой шее, и рассказывал бабушке и Виоле про воинственного ресторатора и задуманную им резню. Баязет тыкался мне в щеку носом, хватал губами за ухо — дурачился от радости. Фей и остальные по-прежнему стояли кучкой в стороне от трибун. Я познакомил всех с бабушкой и Виолой. Представляя друг другу Виолу и Леннаду, я в самый последний момент сообразил, что сейчас произойдет вспышка. Но все обошлось — воспитанные девушки метнули друг в друга по испепеляющему взгляду, мило улыбнулись, и Виола о чем-то заговорила с Феем. Всегда спокойный и выдержанный диспетчер заметно оживился и беседовал с новой знакомой с несвойственным ему возбуждением. Но мне было не до психоанализа. Стражники уже сообщили кому надо о законности появления гостей. Поле было очищено, и герольды возвестили о последнем, решительном поединке за прекрасную принцессу — поединке кавалера Рюделя (громкий рев трибун) и кавалера Алексея (еще более громкий рев).

Пора было готовиться к бою. Я нагнулся и поднял свою кирасу. Сердце у меня упало — все ремни на ней были перерезаны! А без ремней она не будет держаться на теле... В отчаянии я перебирал свои защитные принадлежности — на них не осталось ни одного целого ремешка!

— Кто?.. — только и смог я выдавить из себя. Я очень добрый человек, но сейчас был готов зарубить предателя, совершившего подлое дело. Герольды уже вызывали Соискателей на поле, а я стоял над грудой бесполезного железа, обводя всех яростным взглядом. — Кто?..

На том конце Ристалища на поле выехал мой грозный соперник — непобедимый кавалер Рюдель, и герольды под нарастающий рев трибун провозглашали его имя, перечисляя многочисленные победы. Победа над кавалером А (кавалер убит). Победа над кавалером Б (кавалер убит). Победа над могучим, непобедимым кавалером В (кавалер убит)... Это была психическая атака, направленная против меня, и все, что выкрикивали герольды, было правдой.

Виола смотрела на меня перепуганно, Фей отвел глаза в сторону, Юлик стоял потупившись. Герольды вызывали меня, а я с яростью и отчаянием глядел в радостные глаза Леннады.

— Это я сделала, — сказала она спокойно. — Теперь кавалер останется живым, и мне не придется плакать над его могилой...

— Ты... тебя подослал Рюдель? — прошептал я, бесильно опуская руки.

— Меня никто не подсылал! — девушка гордо выпрямилась. — Кавалер прекрасно это знает!

Да, я знал это. Но что делать, что делать? Скакать так, без брони? Не допустят, остановят. Рюдель первый отвернет в сторону — был бы предлог. Кавалер без брони — не кавалер, а самозванец. Без брони не сражаются, как не ходят в гости нагишом у нас на Земле.

На Земле? Нет, не годится. До нее по ВП-линии доля секунды, но надо подняться на орбиту — на любом ускорении это двадцать минут, а потом стыковка...

Сумасшедшая, радостная мысль сверкнула в моем

ложгу. Уже через секунду я взлетел на Баязета и послал его в бешеный галоп к «Грифу», вызывая корабль через браслет. Мне нужен был скафандр — космический скафандр аварийного комплекта, обязательный на каждом корабле!

До корабля было метров двести, и через каждую-то минуту я уже скакал обратно, размахивая свертком. Я швырнул его на траву, скафандр развернулся.

— Ты сошел с ума! — сказала бабушка, разглядывая меня.

— Да, я сошел с ума! — ответил я. Все было решено, и ко мне пришло упоительное лихорадочное спокойствие, обостряющее чувства, возбуждающее разум, заставляющее мышцы звенеть, как струны. У меня было копые и был щит — локтевую петлю с него Леннада срезала, но осталась стальная скоба для кисти. На мне сверкал металлизированной тканью скафандр, подо мной плясал мой любимый, лучший во всей вселенной боевой конь! Конечно, космический шлем не выдержит удара копыя, а любой удар по телу проткнет меня насквозь, но я не позволяю Рюделю бить себя — увернусь, отобью удар щитом!

— Возьми меч, — сказала бабушка. — Видишь — Рюдель тоже с мечом. Я привезла тебе Эскалибур.

Я опоясался мечом, нагнулся и чмокнул бабушку. Она поцеловала меня в лоб.

— Ну, ни пуха...

— К черту, к черту, — бормотнул я. — Скажи, а роботы не помешают?

— Эти роботы, — с ударением на первом слове ответила бабушка, — не помешают.

— Ты мне обещала сказать еще что-то. По-моему, про Рюделя. Никак не могу вспомнить.

— Я знаю, — сказала бабушка. — Ты спрашивал, что за прибор он вывез. Я узнала. Ничего особенного. Обыкновенный коммутатор.

— Что, что? — переспросил я.

— Электронный коммутатор на полмиллиона абонентов.

— Ты заметила — он очень интересуется радиоделом! Давай сделаем его начальником АТС? — сказал я, принимая копые и щит.

Герольды прокричали в последний раз, я повернул Баязета к полю и наконец-то смог рассмотреть Рюделя.

Это был крупный мужчина, широкий в плечах, явно превосходивший меня и ростом, и весом. Он был закован в черную вороненую броню, украшенную золотыми узорами, — статный, красивый и грозный. Этого всадника можно было бы назвать прекрасным, если бы не чудовищно огромный конь, на котором он сидел. Я даже не подозревал, что лошадь может достигать таких размеров. Конь весил, пожалуй, не меньше тонны, если у него еще и достаточная скорость, то удар Рюделя будет страшен.

Над полем наступила тишина. Два смертельных врага сошлись лицом к лицу.

Наверно, это понимали все — Ганелона в занавешенной королевской ложе, Фей со своими друзьями, бабушка, Леннада, Виола, бравый ресторатор, прячущий под плащом натовский мясницкий арсенал, его решительные дружки, побежденные мной расстроенные неудачники-кавалеры, бабушкины роботы, что выстроились цепью — лицом к зрителям — между полем и трибунами, оберегая меня от неожиданностей... Сошлись два врага, сошлись два мира. За мной была коммунистическая Земля и все планеты Содружества, за Рюделем — последние отвергнутого народами Земли строя. Мир непобедимый и мир обреченный.

В горле, как всегда, пересохло. Я перехватил поудобнее копые и послал Баязета в галоп.

Рюдель уже несся мне навстречу. Я был поражен — его конь, несмотря на гигантскую массу, летел вперед, как ветер.

Еще при первом взгляде на своего противника я разглядел очень высокую спинку седла, помогающую удержаться при ударе, и чрезмерно широкие, похожие на трубы предножья — упираясь в них голеньями, всадник сидит

на лошади, как влитой. Такие широкие предножья были запрещены правилами, как и огромные, загнутые наружу остро отточенные шпоры — стоит чуть оттопырить пятку, и бок лошади соперника будет распорот, точно бритвой. Но я предвидел подобные сюрпризы и был готов к ним.

Меня потрясло другое. Я вдруг увидел, как концом уставленного на меня копыя Рюдель прочертил в воздухе невидимую спираль.

Это было невозможно, невероятно, но я не мог ошибиться. В руках у Рюделя было Волшебное копые!

Во вселенной существовал только один экспериментальный образец этого оружия, и я был уверен, что он хранится сейчас на Земле, в моем шкафу с копыями, куда его собственноручно поставил Павел Гусев после боя с рыцарем Леопарда.

Но сейчас не было смысла гадать, какими путями мое оружие оказалось здесь, на Изумрудной. Надо было решать, что делать, и решать быстро, потому что на острие руделевского копыя ко мне неслась моя смерть и я знал, что нет на свете силы, которая могла бы предотвратить этот удар.

Волшебное копые было создано для конного боя и имело своим назначением встречу с целью — шлемом или щитом соперника. Это свое предназначение оно выполняло с высочайшей точностью. Все соперники Рюделя пали мертвыми от удара в голову — сейчас я вспомнил это, и жутковатый холодок сдвинул мне живот. Я уже понял, каким видел бы мой соперник. Вслепую боя у Рюделя не выиграть — он слишком серьезный боец, чтобы я мог надеяться на успех случайного удара. Но стоит мне на мгновение выгнать из-за щита — и мой шлем разлетится вдребезги. Волшебное копые не промахивается. Оно ведь и создано для того, чтобы не промахиваться. И оно не знает, что металлические шлемы кавалеров не рассчитаны на его удар.

Мой круглый космический шлем, наверно, не уступал в прочности здешним стальным бургиньотам, но он не был намертво привинчен к тяжелой кирасе, как положено рыцарским шлемам, а свободно лежал у меня на плечах, и я знал, что удар Рюделя просто переломит мне шею. Я вдруг отчетливо понял это, но совершенно не испугался.

Наверно, в мире существовали какие-то звуки — крики на трибунах, свист ветра, удары копыт. В этот момент их не стало. В абсолютной беззвучности я сближался с Рюделем. Было такое ощущение, что лошади несутся уже за звуковым барьером. Копые Рюделя смотрело прямо мне в глаза. Оно не лежало на крюке — как и у меня, опорные крюки панциря были спилены, чтобы не мешать копыю прицеливаться.

И тут я понял, что Рюдель проиграл.

Не знаю, как назвать такое состояние, не раз приходившее ко мне в моменты наивысшей опасности, — вдохновением, прозрением? Чувства обостряются, в тело вливается неведомая сила, мозг работает с огромной скоростью, просчитывая десятки вариантов, в долю секунды отбрасывая негодные и каким-то невероятным, фантастическим путем находя единственно правильный, ведущий к спасению — нет, к победе!

Наша схватка с Рюделем длилась давно. Она началась еще на Земле и продолжается здесь, на Изумрудной. В этой схватке он ни разу не пользовался честными приемами. Обман, ложь, клевета, предательство, насилие были его оружием. Честный рыцарский поединок он хотел выиграть с помощью подлости, и благородное оружие рыцарей моей планеты — Волшебное копые — превратил в орудие убийства.

Как он ликовал, расправляясь с беспомощными кавалерами! Он бил только в шлем, бил намертво — и шлемы разлетались, как яичная скорлупа. Копые точно выполняло свою функцию — оно било в шлем, не зная, что здешние шлемы не выдерживают его чудовищного удара.

Оно било в шлем. В шлем, а не в голову!

Волшебное копые было задумано и создано добрыми людьми Земли. Это было спортивное оружие, и оно не могло быть негуманным.

На Земле никому и никогда не могла прийти в голову подобная мысль — выйти с копьем против человека без шлема. Но конструктор обязан был предусмотреть это. реть это.

Значит, если я сброшу шлем — копье отвернет? А если нет? Ну что же, тогда я, скорее всего, даже не успею ничего почувствовать.

Но нет, такого не может быть. Волшебное копье было земным автоматом, следовательно, добрым автоматом. Дальномер в моем мозгу работал непрерывно. Расстояние между нами уже невелико, но времени достаточно.

Итак, прежде всего — долой щит. Я разжал кулак, и круглая металлическая тарелка рондаша скользнула вниз. Хорошо, что Леннада срезала локтевую петлю, — это сэкономило мне долю секунды.

Теперь шлем. Как удобно расположены замки! Щелчок; щелчок — чуть наклонив голову, я стаскивал прозрачный спереди, затененный сзади шар. Страховка не помещает, поэтому еще целых две секунды я держу его чуть впереди лица, чтобы Волшебное копье не потеряло ненароком свою цель. Вперед же, Баязет, вперед! Мой посыл превращает галоп в полет. И за мгновение до того, как мы, наконец, сошлись, я отбросил шлем в сторону и увидел, как смотревшее мне в лицо копье метнулось за шлемом, выкручивая и опрокидывая Рюделя!

Через долю секунды мое копье настигло цель.

Гигантская масса наших коней и тел, помноженная на их бешеную скорость, сосредоточилась, вся на острие моего копья и обрушилась в центр вороненого рюделевского шлема. Страшный удар потряс меня. Будь ярость нашего столкновения чуть меньше, я, наверно, был бы сброшен с лошади отдачей своего же копья. Но оно словно взорвалось от удара, разлетевшись черными брызгами. Перед моими глазами зароились белые галактики, весь мир словно померк на мгновение, но мозг работал, запечатлевая, как в рапидной съемке, медленно переворачивающееся в воздухе тело Рюделя.

Я завернул Баязета и подъехал к поверженному врагу. Шлем с него был сбит моим ударом, и я увидел его лицо — теперь уже не на картине. Рюдель еще не пришел в сознание, его красивое и жестокое лицо было искажено гримасой боли и страха.

Ко мне бежали мои друзья. Обгоняя всех, мчался Юлик, за ним спешили Фей, схвативший за руку Виолу, бабушка и все остальные. Позади бегущих тихо шла одинокая девичья фигурка. Я помахал всем перчаткой, сошел с коня и поклонился королевской ложе. Как быть дальше, я не знал, никто не объяснил мне, что должен делать кавалер, выигравший турнир, принцессу и трон.

В нескольких шагах от меня торчало копье Рюделя, воткнувшееся в какой-то предмет. Я пригляделся — это был мой шлем, расколотый ударом. Волшебное копье все-таки настигло свою цель.

Постепенно начали возникать звуки — чудовищный рев на трибунах, восторженный вопль Юлика, с разбега кинувшегося мне на грудь. Меня целовали, колотили кулаками, жали обе руки сразу. На миг мелькнули полные слез глаза Леннады, потом Фей снова сграбастал меня в объятья.

И тут все оборвалось. Тишина упала на поле мгновенно, и это было так неожиданно, что все мы сразу повернулись к трибунам.

От королевской ложи, протягивая ко мне руки, бежала Тина... Нет, Ганелона.

Обманутое глазами сердце на миг остановилось, чтобы тут же расплескаться упругими толчками. Это была не Тина, это бежала совсем чужая девушка, которая к тому же любила другого.

Бежала повелительница планеты, принцесса, право на руку которой принадлежало теперь мне. Роботы пропустили ее.

Полный ужаса крик Леннады раздался за моей спи-

ной. Я услышал одно только слово: «Нет!..», наполненное мучительной болью, и странный, ни на что не похожий звук. Отпрыгивая и выхватывая из ножен меч, я увидел, как оседает на землю Леннада, цепляясь слабеющими пальцами за плащ Рюделя, как, переступая через преградившую ему путь девушку, он поднимает надо мной обгаренный кровью Леннады меч, в припадке ярости хрипя что-то нечленораздельное.

Рюдель был в латах и с мизерикордом в левой руке, а я — в легком тканевом скафандре. Но у меня был Эскалибур, и к тому же я не привык отступать ни перед кем. Я отразил удар Рюделя встречным ударом, и его разрубленный меч отлетел в сторону. Уже поняв, что все потеряно, он тем не менее метнулся ко мне, чтобы ударить стилетом. Я опередил его. Я все еще не хотел его убить и ударил по голове плашмя. Он закрылся бронированной рукой, и это помогло ему устоять, во второй и третий удары свалили его наземь.

— Помогите Леннаде! — кричал я. — Есть тут врач? Где роботы? Где Петрович?

И тут я вспомнил про блок-кольцо. Обездвиживая кавалера Робота, я обездвигил и Петровича!

Мгновенно я переключил кольцо. Подбежали бабушкины телохранители.

— Бабушка, ее надо на Землю! Может быть, ее спасут!

Роботы уже заклеивали страшную сквозную рану девушки, делали ей уколы. Подоспевший Петрович стоял рядом, что-то толкая мне о сбжавшем судье, но я не слушал его. В тот момент, когда один из роботов поднял Леннаду, чтобы нести к «Гриффу», Петрович сказал мне, что Рюдель очнулся.

Я подошел к нему. Он чуть приподнялся на локте и судорожно шарил пальцами по завязкам панциря. — Видимо, хотел освободиться от брони. Кожа на голове была рассечена моими ударами, и лицо заливала кровь, но он засмеялся.

— Ты победил, рыцарь Черной Башни, кавалер Алексей Северцев, — сказал он, и лицо его искадила гримаса. — Жаль, я не смог прикончить тебя. Если бы не эта девчонка... Я был уверен, что она заодно со мной.

Ему наконец удалось развязать ремешки кирасы. Я глядел на движения его пальцев, еще не понимая, что все события этого бурного дня — ничто по сравнению с ужасом, который настигнет планету через несколько секунд.

— Можешь править, Алексей! — кричал он. Его рука скользнула под броню. — Король Алексей, повелитель планеты мертвецов! Ха-ха-ха!

Его смех хрипел и отвратителен. Как я жалел потом, что не зарубил его в этот момент!

Резким движением он вырвал руку из-под кирасы, и я увидел в его кулаке небольшую коробочку, из которой выскочила и развернулась крестообразная антенна.

— Пусть все умрут! Все! Все-е-е! — страшно кричал он.

Невероятное подозрение шевельнулось во мне. Но оно было настолько чудовищно, что понадобилось несколько мгновений, чтобы человеческий разум осмыслил его, а этих мгновений у меня уже не было.

— Пошли сигналы, — сказал Петрович. — Примерно сто сигналов в секунду...

И в этот момент последняя тайна Изумрудной открылась мне. За кратчайший миг я вспомнил и сопоставил все: гибель художника Летура в черноморских волнах, бесшумную смерть водителей поезда смерти, пять сигналов подряд вчера и смерть пяти придворных, охранявших конюшню, наконец, привезенный Рюделем коммунатор...

— Какой пеленг, Петрович? — кричал я. — Это Крест! Ты помнишь его? Это он!

— Пеленг указывает на Крест, — Петрович еще ничего не понимал. — Точность в пределах ошибки...

— Петрович, сруби Крест! — я кричал, потому что коса смерти уже замахнулась над трибунами, над горо-

дом, над всем полумиллионным населением Изумрудной, и с проклятого рюделевского коммутатора шло по сотне смертоносных импульсов в секунду.— Крест — это смерть! Сруби его! Всем роботам — огонь по Кресту!

Холм, на котором располагался радиохрам, был хорошо виден отсюда. Роботы ударили по нему все разом. Я увидел, как падают деревья на вершине холма, открывая сверкающее перекрестье антенны, увидел, как она рухнула, а секунду спустя большой клуб дыма взметнулся на ее месте, и до нас донесся грохот взрыва.

— Сигналы исчезли,— сказал Петрович.

Я огляделся. На трибунах царила паника — десятки, может быть, сотни мгновенно погибших заставили разбегаться остальных.

— Ты снова проиграл, Рюдель,— сказал я, нагибаясь над поверженным врагом.— Люди Изумрудной больше никогда не будут умирать раньше времени. Но за твою жизнь я не ручаюсь.

— И все-таки ты не будешь королем,— прохрипел он.

Его пальцы стискивали рукоятку мизерикорда, и Рюдель поднес его к горлу. Но я не мог позволить ему умереть так легко. Ударом ноги я выбил стилет из его руки и приказал роботам стеречь Рюделя.

Опустевшие трибуны были усеяны телами тех, кого успел скосить Крест. На «Грифе» поднялся трап и захлопнулся люк. Бледная, но решительная бабушка отдавала какие-то распоряжения на спутник. Вздрагивала, прижимаясь к Фею, Виола. И я никак не мог понять, кого же здесь не хватает.

Бабушка поняла это раньше меня. Она взяла меня за руку и повернула лицом к трибунам.

Я шагнул вперед, еще не веря, что случилось непонятное. Но на этот раз Рюдель сказал правду.

В нескольких метрах от меня, устремив в изумрудное небо навсегда остановившиеся глаза, лежала Ганелона.

Нет, Тина.

Глава 19. Обещание долгой

ЖИЗНИ

Мне трудно рассказывать о событиях, происходивших на Изумрудной в последующие дни,— я не был их свидетелем.

Снова и снова повторял я в памяти каждое движение финального боя, когда жизнь и смерть Рюделя были в моих руках,— укоряя себя за то, что не зарубил этого выродка. На глазах у тысяч людей он пытался прикончить меня ударом в спину, а я пожалел его и не убил как собаку...

Ах, как он рвался к абсолютной власти, этот красавец без совести и принципов! С помощью Креста он мог тайно убить любого жителя планеты и все чаще пользовался своей установкой. Так он убил придворных, охранявших конюшню, убил Илию и многих других. Но убийство нажатием кнопки не доставляло ему удовольствия. Убить человека собственными руками, на глазах у всех, вызывая всеобщий ужас и восхищение,— вот что было для него истинным наслаждением.

Заполучив каким-то образом Волшебное копье, Рюдель, и без того сильнейший боец на планете, стал непобедим. Неуклюжие, заковананные в неудобную броню кавалеры не умели наносить точных ударов на большой скорости. Как бы стремительно ни атаковали они друг друга, в последний момент всадники придерживали коней, и их удары уже не представляли серьезной опасности. Волшебное копье дало Рюделю возможность бить без промаха на полном скаку, К тому же оно было почти на полметра длиннее, чем копья кавалеров, так что Рюдель

поражал своих противников, практически не получая ответных ударов.

Рюдель был уверен, что расправится со мной, лишь в самом конце он сделал попытку устранить меня. Подослав мне с помощью дядюшки Теодора великолепного коня, он настолько уверился в успехе, что уже не старался устранить меня физически.

Разгадав тайну Креста, я понял и остальное. Мне стало ясно, почему Рюдель так упорно охотился за моими лошадьми. Опасаясь вмешательства Земли, он остерегался трогать меня — ему было достаточно одержать победу в бою. Сев на Заката, я в первой же схватке был обречен на поражение. Меня спасло только то, что, выбравшись из подвала, я не успел послать к Фею за лошадью, был вынужден сесть на Росинанта и вовремя заметил в руках у судьи подозрительный прибор.

Закат должен был погибнуть на скаку, за секунду до столкновения с противником. Кодекс конного боя не знает исключений — боец считается побежденным, если упал на землю. Но я выступил не на Закате, а на Росинанте, следующий же бой судья с помощью Петровича проспал и не сумел в нужный момент нажать кнопку.

В день финала присутствие Петровича не позволило судье воспользоваться излучателем. Однако я включил блок-кольцо и этим обездвигил Петровича, а судья, понимая, что Рюдель не простит ему бездействия, все же рискнул достать прибор и убил мою лошадь, после чего сбежал под охрану своих стражников. К счастью, бабушка привезла мне Баязета. А потом заработал Крест.

Очевидно, в глубине души Рюдель все же допускал возможность поражения и принял свои меры. Поняв, что все потеряно, он включил Крест дистанционным пускателем. Крест заработал и прежде всего скосил тех, кто служил Рюделю верой и правдой, в том числе и птиценового судью. Но самой первой его жертвой была Ганелона.

Когда бабушка сказала мне, что Тина и Ганелона — один и тот же человек, я не хотел ей верить. Увы, все оказалось так. Никто из нас не подозревал, сколь сильно могут менять свою внешность обитатели Изумрудной. Это свойство появилось у беглецов с Земли сразу после обесчелования на Изумрудной и, возможно, явилось следствием воздействия факторов космической среды во время многолетних скитаний в межзвездном пространстве. Не у всех оно проявлялось одинаково — у мужчин меньше, у женщин больше, особенно у духовно одаренных, артистических натур; не у всех эти изменения поддавались контролю разума.

У себя на родине Ганелона была надменной, чопорной принцессой. Познакомившись с радостным миром Земли, она стала иной — такой, какой я привык ее видеть. Но, возвращаясь в жилище принцессы, она вновь становилась горемычной наследницей престола...

Предпринятое Службой Безопасности расследование показало, что среди спутников Рюделя был мужчина очень маленького роста. Он-то и сыграл роль мальчишки в день моего первого визита к Ганелоне. Так Рюдель узнал о предстоящем моем приезде на Изумрудную и принял меры... в том числе заказал коммутатор.

Рюдель хотел уйти из жизни, громко хлопнув дверью. Будь у него атомное оружие, он взорвал бы всю планету. Но последние граммы урана сгорели в реакторах переселенцев сотни лет назад, и ему оставался только Крест.

Волею Рюделя погибли многие его приспешники. Этим не преминули воспользоваться молодцы дядюшки Теодора. Они были неплохо организованы и, кроме ножей и дубинок, имели портативные самодельные огнеметы. Опомившись от первого шока и убедившись, что потери в их рядах невелики, они захватили телестудию, электростанцию, центральный гараж и основные пищевые предприятия. Дядюшка Теодор выступил по телевидению и провозгласил себя диктатором. Он объявил виновниками всех несчастий кавалеров и призвал вырезать их поголовно. Дружинам Фея пришлось вступать с шайками диктатора в схватки, чтобы спасти ни в чем не повинных кавалеров. Несколько дней бандиты грабили магазины,

убивали жителей, насильовали женщин, устраивали погромы, жгли дома. Тогда бабушка послала на помощь рабочих своих роботов, и те быстро подавили сопротивление.

Все эти бурные события происходили без меня. Я улетел на Землю, где врачи вели упорную борьбу за жизнь Леннады.

Ее сердце остановилось в «Грифе» во время причаливания к спутнику. Стыковка обычно занимала минут десять, но пилот сделал невозможное — он состыковал корабль за три с половиной минуты. Еще какие-то секунды ушли на переноску девушки в ВП-кабину, причем все это время работы не прекращали массаж сердца. Спустя долю секунды она оказалась на Земле. Служба Здоровья знала свое дело: комплекс реанимации заработал через тридцать секунд...

К тому времени, когда бои на Изумрудной закончились и бабушка произнесла свою знаменитую речь, у медиков появилась надежда, что Леннаде удастся выжить. Но она по-прежнему не приходила в сознание.

Молодчики бравого ресторатора в бессильной ярости разгромили телестудию, поэтому десантные дисколеты несколько дней прочесывали Изумрудную и везде, где обнаруживали людей, оставляли пластинки телеэкранов.

Наверно, это было единственное в истории Изумрудной выступление, которое слушали все жители планеты. По каналу ВП-связи оно транслировалось и на Землю.

— Я Генеральный комиссар Службы Безопасности планеты Земля и Содружества коммунистических планет, — так начала бабушка свою речь. — Наше Содружество включает сто сорок три планеты с населением девяносто два миллиарда человек. Я надеюсь, что сто сорок четвертым членом Содружества станет ваша Изумрудная, потому что вы тоже дети Земли...

К тому времени тайные архивы Черного совета были изучены, и каждое свое слово бабушка подкрепляла документами. Она рассказала, почему и как бежали с Земли те, кто колонизовал Изумрудную, какие трудности встали на пути переселенцев.

— Теперь уже никогда не узнать, кому первому, пришла в голову чудовищная мысль избавиться от стариков, чтобы не тратить на их содержание скудные материальные ресурсы. У себя на Земле мы любим и бережем своих отцов и матерей, бабушек и дедушек. Так было всегда и так всегда будет. У всех народов во все века старики пользовались почетом. Здесь, на Изумрудной, их лишили права на жизнь.

Вы, конечно, знаете легенды о повальных болезнях, косивших первых поселенцев. Все это — ложь, которая понадобилась, чтобы оправдать обязательность предохранительных прививок. Эти прививки делают у вас всем новорожденным поголовно. Считается, что они спасают детей. Также ложь, чудовищная ложь! Именно эти прививки являются причиной того, что все вы умираете молодыми — мужчины в сорок лет, женщины в тридцать.

Ни для кого из вас не секрет, что иногда, очень редко, кое-кто из вас не умирал в положенный срок. Вас учили верить, что эти люди неугодны Кресту, что они прокляты. Рано или поздно таких людей убивали фанатики. Я открою простой секрет их долголетия. Дело в том, что им по разным причинам не были сделаны предохранительные прививки. Сейчас вы познакомитесь с такими людьми.

И тут я увидел на экране Летура и нескольких незнакомых мне старцев.

— Летура родился в лесу, куда его мать сбегала со своим возлюбленным от гнева родителей, и провел там детство. Сейчас ему шестьдесят лет. Прививка ему не сделана — вы знаете, что их делают только в одном месте, в родильном доме, а именно там работали родители матери Летура. И она не посмела туда обратиться.

Затем бабушка рассказала о других долгожителях.

— Кстати, посмотрите на меня — мне восемьдесят лет. Люди на Земле живут долго — даже двести лет не являются пределом. Столько же будете жить и вы. Конечно, не сразу. Чтобы увеличить продолжительность жизни, вам

надр будем немало потрудиться над развитием экономики, здравоохранения, культуры, образования. Я думаю, вы займетесь этим немедленно.

Но вернемся к прививкам. Среди первых поселенцев был гениальный ученый, свои способности обративший во зло. Именно он придумал эти прививки.

На Изумрудной наука совсем не развита — мы еще поговорим об этом, — и я не знаю, все ли вы поймете из моих объяснений. Но думаю, вам известно, что в организме человека происходят электрические процессы, управляющие функционированием всех органов. Мозг послал сигнал — мышца сократилась. Другой сигнал — мышца расслабилась. И так далее.

Сигналы, влияющие на живую ткань, могут иметь разную природу. В принципе могут быть использованы радиосигналы различных частот, биопсихические сигналы и ряд других, о которых я говорить не буду.

Ваш ученый изобрел живой приемник таких сигналов — живую клетку, способную реагировать только на один-единственный сигнал, для каждой клетки имеющий особую форму. Именно такую клетку он помещал в организм ребенка под видом предохранительной прививки. Размещалась эта клетка около нерва, управляющего работой сердца. Она была неотличима от всех остальных клеток: жила в организме, делилась, образуя себе подобные... и ждала сигнала, который заставит ее сработать. Тогда она выключала нерв, и человек мгновенно умирал.

Я не случайно сказала, что тот ученый был гениальным. Лабораторными методами можно создать лишь считанное количество клеток. А нужны были тысячи. Не забывайте также, что все это продлевалось в глубочайшей тайне. Ваш ученый сумел автоматизировать выращивание закодированных клеток, и его автоматы исправно действуют до сих пор. Вот они, познакомьтесь.

И зрителям был продемонстрирован небольшой фильм, снятый в лаборатории родильного дома.

— Я уже говорила — эти клетки-мины неотличимы от обычных клеток организма. Когда у нас на Земле погиб Летура-младший, мы не смогли установить причину его смерти. А причина была в том, что Рюдель послал сигнал с помощью вот этого прибора, — на экране появилась хорошо известная мне фотография. — Такие портативные орудия убийства заряжались на один импульс, когда надо было убить человека за пределами досягаемости большой антенны, спрятанной в этом кресте, — бабушка показала, новый снимок. — С помощью таких аппаратов были убиты водители автопоезда, о котором нам поведал единственный спасшийся из него мальчик.

Тут бабушка усадила рядом с собой Юлика и рассказала его историю. Затем слушатели увидели усыпанный трупами городок за Южным хребтом. Тот самый, куда Рюдель отправлял таинственные автопоезда и где совсем недавно в неслыханной роскоши жили те из власти имущих, кому возраст не позволял уже показываться на глаза людям.

— Чтобы убить человека, надо было заглянуть в его документы, где указывался номер прививки. Затем этот номер набирался на шифратор, и тот выдавал запись нужного сигнала на магнитном стержне. Оставалось вставить стержень в прибор и в нужный момент нажать кнопку. Такое устройство действовало надежнее любого оружия — тут невозможно было промахнуться.

Тайну прививок знало лишь несколько человек. Сейчас в живых остался один Рюдель. Решайте, как с ним поступить. Он уже не представляет общественной опасности, но на его совести — жизнь всех, кто умер на вашей планете за последние двадцать лет. Это ему принадлежала идея установки автоматического коммутатора, который, включившись по сигналу радиопускателя, перебил бы все население планеты. К счастью, Алексей Северцев разгадал тайну Креста и уничтожил его. Только поэтому все вы живы сейчас. И все же шесть тысяч жизней Крест успел унести. Эту цифру вы тоже должны помнить, когда будете решать судьбу Рюделя.

На первый взгляд, жизнь на вашей планете кажется идиллической. Все сыты, обуты, одеты, никто не болеет — случайные насморки не в счет, а до серьезных болезней старости никто не доживал. Производство оружия запрещено и жестоко карается. Вывезенные когда-то с Земли лучеметы неспособны сделать больше двух-трех выстрелов. Нет армии, нет войн — ведь воевать не с кем. Копья и мечи для кавалеров и стражников — вот и все оружие, которое производится в ваших мастерских. Но эта идиллия — всего лишь маскировка. Тем, кто стоял у власти, не нужно было оружия — любое возмущение, любое недовольство или просто инакомыслие подавлялось с помощью Креста, а он знал только одну меру наказания — смерть. Вот почему некоторыми из вас было замечено, что гарантированный слугами Креста срок жизни не всегда соблюдался. Теперь разгадка ясна — всех неугодных попросту убивали. Так погибла жена Летура, неосторожно высказавшая вслух крамольную мысль о том, что люди стали жить меньше... Но такая смерть выглядела естественной, недовольства не вызывала, а наоборот, приучала верить во всемогущество Креста...

Обращаю ваше внимание на отсутствие радиосвязи на Изумрудной. Развитие радиотехники рано или поздно позволило бы обнаружить сигналы Креста и разгадать их тайну. Поэтому правители Изумрудной всячески тормозили развитие науки. Но диалектика имеет свои законы. Развитие — это вектор, устремленный только в будущее. И если его нет, регресс захватывает все области жизни — от науки и техники до культуры. Волею слуг Креста вы были обречены на деградацию и вымирание. К счастью, среди вас нашлись люди — сотни и тысячи людей, способные противодействовать этому. Схватка с силами зла была неизбежна, и появление Алексея Северцева лишь ускорило развязку. Теперь власть рюделей и теодоров свергнута навсегда, и ваша жизнь отныне — в ваших собственных руках. Все вы будете жить долго и счастливо — от имени коммунистических планет я обещаю вам это и зову вступить в наше Содружество...

Мне не пришлось дослушать речь бабушки до конца. Зажужжал вызов моего браслета, и мне сообщили, что Леннада пришла в сознание и хочет видеть меня.

Я вошел к ней в палату с букетом цветов столетника, который по моей просьбе прислала с Изумрудной Виола, — она до сих пор находилась там, помогая бабушке дирижировать сложным механизмом экспедиционного флота Службы Безопасности, дрейфующего вокруг планеты по близким космическим орбитам. Впрочем, я подозревал, что ее удерживает на Изумрудной не только эта причина...

Леннада лежала в окружении приборов контроля здоровья в залитой солнцем комнате. Она увидела меня и грустно улыбнулась.

— Я рада видеть кавалера Алексея, — прошептала она. — Здравствуй, Леннада, — сказал я, садясь возле нее. — Только какой уж я кавалер... Не будет больше на Изумрудной кавалеров.

Она вся напряглась.

— Я что-то сказала неправильно? — произнесла она через силу. — Мне следовало сказать... король Алексей?

Я смотрел в ее огромные глаза, и смысл вопроса медленно доходил до моего сознания. Ведь она ничего не знает!

— Я не король и никогда им не буду! — произнес я наконец. Я никак не мог решить, можно ли сказать девушке, что Ганелона умерла, и в отчаянии оглянулся, словно кто-то мог дать мне совет.

— Это правда? — прошептала девушка. Глаза ее засияли. И без всякой подсказки нужные слова сами пришли ко мне на язык.

— А знаешь, почему я не стану королем? — спросил я шепотом, наклоняясь ближе к девушке. — Потому что мне очень некогда. У меня есть одно важное-важное дело: я должен сидеть вот здесь, возле тебя, и ждать, когда ты выздоровеешь. Я буду сидеть очень тихо, чтобы доктора не выгнали меня, а если они это сделают, я все

равно никуда не уйду, сяду возле твоей двери и буду оберегать твой сон. По утрам буду класть возле твоего изголовья охапки самых лучших цветов Земли. Я буду петь тебе свои самые любимые песни — хотя, если быть честным, петь я совершенно не умею... А когда ты станешь совсем-совсем здоровой, я возьму тебя на руки и унесу отсюда, посажу в дисколет и покажу тебе мою планету. А дома бабушка будет кормить нас лучшими в мире пирогами, которые испечет специально для тебя и для меня...

Я гладил руку девушки и рассказывал ей о чудесах Земли, и о сидящем в железной клетке Рюделе, и о том, какие красивые глаза у одной моей знакомой девушки, которую зовут Леннада... Я сказал, что теперь она, как и все жители Изумрудной, будет жить долго-долго — не меньше ста лет, и все эти сто лет я буду около нее... Я говорил и чувствовал, как силы возвращаются к Леннаде, как глаза ее приобретают привычный блеск, глубже становится дыхание, уверенней движения...

Эпилог. Памятник

Павел Гусев пришел ко мне без предупреждения, хмуро поздоровался, глядя в сторону. Войдя в комнату, не уселся в кресло, как делал всегда, а стоял, точно столб, молчал и разглядывал потолок.

Он очень изменился за те дни, что мы не встречались. От его веселой суетливости не осталось и следа. Видимо, смерть Тины была для него тяжелым ударом.

— Во всем виноват я, — произнес он наконец. — Это я отдал Волшебное копье Рюделю...

Я молча смотрел на него и не узнавал в нем милого друга Пашку — веселого, беззаботного, самоотверженного. Передо мной стоял совсем чужой человек, подавленный и растерянный.

Всего месяц назад мы сидели с ним и с Тиной в этой самой комнате, смеялись и дурачились. И вот он стоит передо мной, маленький и несчастный, не смея посмотреть мне в глаза.

— Я знал, что Тина любит тебя... Но я тоже ее любил... И когда Рюдель рассказал, что ты будешь биться за нее на копьях и женишься на ней, я решил: пусть ни мне и ни тебе. Я отдал ему копье и рассказал, как с ним работать. Я же не знал, что он будет убивать этим копьем...

Нет, он по-прежнему ничего не понимал. Для него моя схватка с Рюделем была только битвой за женщину.

— Для чего ты пришел? — спросил я. Наш разговор был бесполезен, и его следовало кончать. — Хочешь извиниться? Разве в этом дело?

— Я знаю, ты меня не простишь. Но попробуй хотя бы понять! Я не мог уступить ее тебе! — он почти кричал мне в лицо. — Сколько можно во всем уступать? Все, все только тебе одному — победы на турнирах, восторг болельщиков, улыбки женщин. Да, ты всегда первый во всем — первый в поединках, в Большом и Малом споре, в науке, в любви! А я тоже хочу быть первым. Чтобы это меня несло на руках толпа! Чтобы моему коню бросали под ноги цветы! Чтобы меня, понимаешь, меня любила Тина! Чем я хуже тебя?

Я смотрел на него с изумлением. И этого человека я считал своим другом!

— Разреши, я напомним тебе одну мелочь, о которой ты, наверно, позабыл. Выиграв с твоей помощью турнир, Рюдель получал законное право вышвырнуть нас с Изумрудной, чтобы без помех установить там фашистскую диктатуру! Вот оно — твое «ни мне, ни тебе»!

— Я ведь не знал... — только и мог пробормотать Павел. Он был уничтожен.

— А что копье отдавать нельзя — ты тоже не знал? Забыл, что говорит рыцарский кодекс о равном оружии? Кстати, не ты ли помог Рюделю раздобыть робота? Я пом-

ню, ты говорил как-то, что твой брат — конструктор роботов...

Гусев повернулся и медленно пошел к двери.

Через несколько дней после того, как Леннаду выписали из больницы, Фей сообщил, что нас ожидают на Изумрудной.

Десантный «Гриф» опустился на хорошо знакомую мне площадь перед дворцом, и я сразу попал в объятия многочисленных друзей.

— Вот его обнимайте сколько угодно, — отбивался я, показывая на Петровича. — А нас пощадите!

Я помог Леннаде сойти с трапа — она еще недостаточно окрепла и остерегалась быстрых движений.

— Твои комнаты ожидают тебя, — сказал мне Фей.

Я знал, что моего друга избрали председателем Революционного Совета, что его день расписан по минутам, и был благодарен ему, что он все же нашел время повидаться со мной.

— Может быть, сегодня кавалер Алексей все же пригласит меня зайти к нему в гости? — спросила с лукавой улыбкой Леннада. Мы вспомнили, как я прятал от нее Фей, и дружно рассмеялись.

— А вот это наш маленький сюрприз, — сказал Фей, когда мы вошли во двор. И я увидел на том месте, где прежде была коновязь, высокий постамент, на котором возвышалась фигура конного рыцаря.

Коня я признал с первого взгляда — это был мой Баязет, но лишь в следующее мгновение понял, что рыцарь — это я. Скульптор изобразил меня в боевой броне, только вместо бургиньота на голове у меня был прозрачный космический шлем. Из-за этого изваяние чем-то походило на изображение Георгия Победоносца — но вместо змея я поражал копьем огромный крест... Удар копья раздробил крест на куски, и он теперь напоминая уже не крест, а разбитую вдребезги свастику.

— Идею подал Летур, — рассказывал Фей. — Он нашел такое изображение в книге своего покойного сына, которые тот привез с Земли. Замысел всем понравился, и принцессы утвердили проект. Это был их первый и последний указ, потому что они обе отреклись от престола и передали власть Революционному Совету. Они сказали, что право выбирать себе мужа им дорожке королевского трона.

— Они правильно сделали! — заметила Виола, шедшая рядом с Феем. — Выходить за нелюбимого — это, наверно, ужасно!

— Я лучше умерла бы! — согласилась с ней Леннада, и я почувствовал, как пальцы девушки крепко стиснули мой локоть...

Во дворце нам встретилась небольшая группа. В окружении вооруженных людей с заложенными за спину руками по коридору шагал дядюшка Теодор. Увидев меня, ресторатор остановился. Выглядел он как облезлый пес, но по-прежнему напускал на себя бравый вид.

— Да будет мне дозволено приветствовать благородного кавалера, — напыщенно произнес он. — Как я жалею, что вовремя не оценил его! Если бы мне знать, что кавалер исполняет все свои обещания, что он победит кавалера Рюдея и даст нам долгую жизнь... Может быть, по старой дружбе кавалер замолвит за меня словечко перед судьями, которые, кажется, не очень желают мне долгой жизни?

— Ты сам распорядился своей жизнью. Я ведь говорил, чтобы ты не хватался за ножи.

Я хотел пройти мимо, но он удержал меня.

— А жаль, что мы тогда не прирезали тебя, кавалер, — медленно произнес он, с ненавистью глядя мне в глаза. — Зачем ты только к нам явился...

Его слова ошеломили меня.

— Ты что — жалеешь об этом? А как же долгая жизнь?

— Мы все равно перерезали бы всех кавалеров, и

тогда их проклятая машина перестала бы действовать, — объяснил он. — Но власть была бы вот в этих руках, — он потряс кулаками перед моим лицом. — А если бы удалось сговориться с кавалером Рюделем...

На его лице заиграла такая отвратительная улыбка, что меня передернуло от омерзения. Я молча повернулся и пошел прочь.

Через час, когда Леннада отдохнула, Фей зашел за нами. К моему удивлению, он повез нас на Ристалище. Мы прошли под трибунами и очутились на поле.

— Петрович... Посмотри, Петрович... — прошептал я, хватая его за руку.

В центре поля, над которым, казалось, еще витал бешеный храп коней, на том самом месте, где я совсем недавно увидел бегущую ко мне девушку, возвышалась гранитная стела с изваянием. Скульптор изобразил Тину такой, какой она была в последний миг ее жизни, — радость и любовь в распахнутых глазах, а в протянутых к людям руках голубые неувядающие цветы столетника, как обещание долгой жизни.

Я взглянул на своих спутников. Петрович молча смотрел на изваяние, и мне показалось, что в глазах его застыла тоска. Дрожащая Леннада прижалась ко мне. На ее глазах блеснули слезы. Видимо, весь ужас пережитого снова обрушился на нее. Я обнял ее за плечи и почувствовал, как постепенно утихает бившая ее дрожь.

Она подняла ко мне заплаканное лицо.

— Мы никогда не забудем ее — правда, Алексей? — прошептала она.

Я медленно наклонил голову в знак согласия. Говорить я не мог.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР, СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

уральский следопыт

АНКЕТА

620219, г. СВЕРДЛОВСК, ГСП-353
ул. 8 МАРТА, 8, тел. 51-55-26
25 октября 1978 г.

1. Когда и почему Вы обратились к фантастике? Было ли опубликовано Ваше самое-самое первое НФ произведение?
 2. Ставите ли Вы целью своей работы в фантастике изображение будущего и его проблем? Или всецело озабочены при этом насущными проблемами настоящего?
 3. Высказывалось мнение о "кризисе" фантастики. Разделяете ли Вы эту точку зрения?
 4. Каковы ныне, на Ваш взгляд, взаимоотношения фантастики и науки? Не исчерпала ли своих возможностей фантастика сугубо техническая?
 5. Существуют ли, на Ваш взгляд, какие-либо ограничения, пределы фантазии, переступать которые не принято?
 6. Фантастика — любимое чтение школьников — формирует из них неопытных в лагерь "физиков". А будущие "лирики"? Что даёт фантастика им?
 7. Фантастика наших дней все более сближается с "большой" литературой. Как Вы расцениваете это? Не растворится ли фантастика — в нефантастике?
 8. Назовите наиболее интересные, на Ваш взгляд, произведения советской фантастики последних двух-трех лет.
 9. Как Вы полагаете, на какую тему будет написан НФ бестселлер 2079 года?
 10. Какая проблема (научная, социальная, нравственная) волнует Вас более всего? Над чем Вы сейчас работаете?
- II. Что пожелали бы Вы журналу и его читателям?

Не скупитесь на мысли и улыбку, отвечая нам!
Тем более, что не обязательно останавливаться
на каждом вопросе.

Читатели были единодушны в своих письмах: ответы писателей-фантастов на анкету «Уральского следопыта» (см. № 4, 6, 7, 9 за прошлый год) представляют собою любопытнейший материал для размышлений.

Предвидим вопрос: почему же мы не приводим читательских оценок!

Автор каждого письма, подытоживая ответы писателей, по сути дела и сам отвечал одновременно на ту же анкету. Разноречивость в этих ответах получилась примерно та же, что и у писателей, — оттого печатать их значило бы попросту продублировать предшествовавшие им писательские ответы.

Однако три письма мы процитируем.

«Редакцией сделано хорошее и нужное начинание, которое необходимо продолжить, — пишет В. Борисов (Абакан). — Пусть подобные встречи с фантастами станут регулярными. А сформулировать вопросы к ним, думаю, помогут любители НФ». Комментируем: планируя такие встречи и на будущее, мы тоже надеемся на эту помощь.

«В следующий раз за «круглым столом» журнала, — советует нам С. Колыгин (Днепропетровск), — было бы целесообразно собрать критиков и литературоведов. Интересно было бы узнать их мнение о кризисе, о грани между фантастикой и «большой» литературой, о пределах фантазии, о «ленинградской» и «сибирской» волнах в советской фантастике...» С удовольствием принимаем и это предложение.

«И еще: нельзя ли составить подобную или более подробную анкету для читателей! — идет еще дальше В. Ковалев (Калуга). — Ввести новые вопросы, только обращенные к широкой аудитории. Думаю, интерес будет очень велик...» Что ж, и это заманчиво. Но опять-таки: дело это для всех нас общее, давайте же сообща и подумаем: какие вопросы стоило бы задать в такой анкете!

Ждем ваших писем, друзья!

За «круглым столом» — фантасты

В редакционном портфеле имеются поступившие с запозданием и потому неопубликованные в прошлых номерах ответы еще трех известных писателей-фантастов. Предлагаем их вашему вниманию.

1. Если «обратиться» к фантастике значит читать ее, то я обратился в раннем детстве. Едва ли не самой первой прочитанной книгой были жюльверновские «80 тысяч верст под водой». Я и сейчас думаю, что без Жюль Верна нельзя обойтись в детстве (во всяком случае мальчишкам). Писать фантастику мы с И. Лукодьяновым начали в конце 50-х годов. Почему? Потому что стихийно — из игры воображения, из пестрого бакинского быта, из нашего увлечения Каспийским морем — начал складываться роман. Этот роман, «Экипаж «Меконга» («самый-самый первый»), был опубликован в 1962 году.

2. Будущее не может не интересовать писателя-фантаста: профессия обязывает. Но вот что, по моему, надо иметь в виду: изображая будущее и его сложные проблемы, фантаст пишет для сегодняшнего читателя, живущего тоже в достаточно сложном мире. Читателю вряд ли интересно будет читать о людях, которые заняты не существующей для него, читателя, проблемой, — ну, скажем, квадриальной супергормоностицией (можно придумать еще забористее). Проблемы будущего не выращаются, как фикус в кадке, — они вырастают из сегодняшних проблем. Верно было сказано когда-то, что «будущее отбрасывает свои тени». Уловить эти тени в настоящем или отдаленное эхо сегодняшних проблем в будущем — серьезная задача для фантастики, жанра, осуществляющего своеобразную связь времен.

3. Кризиса нет. Просто у фантастики есть свои трудности, — я бы выделил три. Первая в какой-то мере связана с трудностями самого процесса познания, с резко усложнившейся картиной мироздания. Иначе говоря, фантастике подчас бывают «не по зубам» некоторые новейшие научные проблемы и гипотезы. Вторая трудность — это сложность самого жанра, его «пограничность», недостаток, что ли, температуры, в которой возникает сплав литературы и науки. Отсюда качественные потери, повторяемость сюжетов

и т. п. Но с этими трудностями фантастика, в общем, справляется, способна справиться. Иное дело — третий пункт. Фантастику мало издают. Читатель-то к ней интереса не потерял, отнюдь, — а вот издательства... Тут даже профессиональные писатели-фантасты испытывают немалые затруднения — что же говорить о молодых авторах! Стоит задуматься об их писательской судьбе — и о судьбе жанра.

4. Взаимоотношения фантастики и науки многосторонни и не исчерпываются схемой: сделано научное или техническое открытие — посмотрим, что из этого выйдет. Фантастика может и вовсе обходиться без науки, а просто служить литературным приемом для изображения жизни в резком, необычном ракурсе. Собственно, надо различать фантастику и научную фантастику (первая намного старше второй). Нет оснований считать, что какие-либо из разновидностей фантастики, в том числе и «сугубо техническая», исчерпали свои возможности.

5. Для фантазии ограничений нет. Для фантастики как литературного жанра существует тот же предел, что и для литературы вообще: предел, за которым начинается дурное сочинительство.

6. Из моего опыта общения с молодежью не следует однозначного вывода, что фантастика формирует будущих «физиков». «Лирики» тоже не одного Фета читают. Как и всем читающим людям, фантастика дает им пищу для ума.

7. Если фантастика «сближается с большой литературой», то это хорошо. Так, собственно, и должно быть в идеале. При этом хорошая фантастика вряд ли растворится, перестанет быть самой собой — как не теряет своего достоинства благородный камень в драгоценной оправе. Думаю, что у фантастики большое будущее — может быть, ее героический век впереди.

10. Среди «моих» проблем назову такую: несоответствие между быстрым темпом научного и технического прогресса и неизменностью биологической природы человека. В самом деле, человек биологически почти не изменился, ну, скажем, со времен Древнего Египта. А техно-

сфера, в которой он обитает, изменилась разительным образом... Тут есть о чем подумать.

11. Хочется пожелать журналу не терять интереса к фантастике.

Александр КАЗАНЦЕВ

1. Я обратился к научной фантастике, занимаясь наукой и изобретательством. То, что не удавалось осуществить в лабораториях, осуществлялось в моем воображении. Литературная форма — самая удобная для воплощения дерзких идей. Самым первым моим произведением в области научной фантастики был сценарий «Аренида», получивший в 1936 году высшую премию на конкурсе научно-фантастических сценариев. Картину не поставили, но на основе сценария был написан роман «Пылающий остров».

2. Изображение будущего как пророчество не стоит на первом месте в моих произведениях. Я стремлюсь отразить тенденции развития науки, техники, общества, ни в коем случае не отрывая этого от насущных проблем настоящего.

3. Я не разделяю мнения о кризисе в научной фантастике, но озабочен разговорами об этом, в особенности о том, например, что фантастика должна быть антинаучной или что фантастика должна отказаться от техники. Отказаться от науки и техники в фантастике было бы губительным, заменить фантастику фантазмагорией и безответственными измышлениями — это привести фантастику в упадок.

4. Взаимоотношения фантастики и науки должны быть такими же, как у науки и художественной литературы. Литература отражает жизнь, в том числе и науку, но она не подменяет жизнь. Так и фантастика, отражая науку, ее чаяния, не должна подменять или вести за собой науку, хотя и может оказаться полезной ученым, как любое художественное произведение полезно его читателям, черпающим из него жизненные примеры, порой будящие воображение.

Абсолютно неверны некоторые

высказывания, будто фантастика исчерпала себя в области техники. В наш век научно-технической революции, когда техника играет особую роль в жизни общества, будить воображение читателей, близких или могущих стать близкими технике,— важно! И очень важно прививать молодежи техническую романтику. Перед молодым поколением — огромные технические свершения. Готовить к ним молодых людей призвана и научная фантастика.

5. Фантастика может быть разной. Мировая классика знает произведения, в основу которых положены абсолютно антинаучные построения, но все произведения построены потом строго достоверно. Например, «Нос» и «Портрет» Гоголя, «Шагреневая кожа» Бальзака и др., я не говорю уже о сказках. Но во всех этих произведениях преследуются глубоко гуманные цели. «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Фантасмагории ради фантасмагорий так же чужды художественной литературе, как романы ужасов или вакханалии убийств, бытующие на Западе.

6. Фантастика действительно любимое чтение школьников, но не надо думать, что она влечет их только в науку и технику. Подлинно художественная фантастика рисует прежде всего героев, обстановку грядущего, и здесь заложен немалый магнит для «лириков». Фантастика помогает мечтать, а наиболее яркое воплощение мечты — поэзия, которую я воспринимаю как родную сестру фантастики.

7. Сближение фантастики с «большой» литературой — залог успеха в ее развитии. Генеральный путь ее — на общей дорожке литературы, а не на проселках выдуманной специфики. Писать надо о людях и их судьбах, о носителях идей, о героях, свершающих задуманное, а не просто о задуманном или необычном.

10. Меня волнуют «проклятые вопросы современности» — голодающие большая часть человечества, угрожающее перенаселение Земли, энергетический голод и постепенная гибель среды обитания человека. Решению (реальному, а не фантастическому!) этих вопросов я и посвятил свой последний роман «Ку-

пол Надежды». А работаю я сейчас над повестью о самом себе «Пунктир воспоминаний».

Владимир САВЧЕНКО

1. Литератором (как и инженером) меня сделал в наибольшей степени Московский энергетический институт, высшая электротехническая школа страны, — школа, в которой с давних пор считалось неинтеллигентным, неприличным даже, преуспевая в своей специальности, оставаться жлобом во всем остальном; требовалось проявлять себя во всем развороте способностей. Вот я и проявлял.

Писателем-фантастом меня сделали примерно те же годы: вторая половина пятидесятых, начало шестидесятых, — время изрядных перемен в нашем обществе, пересмотра многих критериев, время более вдумчивого подхода к таким наукам, как теория относительности, квантовая электродинамика, кибернетика, генетика.

Параллельно с фантастикой исполнял и научные работы. Окончательный выбор сделал в 1965 году, после завершения и «кровавого» внедрения одной серьезной темы. Выбору способствовал подсчет, по которому выходило, что если в экспериментальных исследованиях результат зависит от моих способностей и усердия только на 5% (а на остальные 95% он зависит от подчиненных и начальников, отдела снабжения и мастерских, смежников, бухгалтерии, планировщиков... от всех и вся), то в литературе наоборот — 95% вклада в результат мои. Будь я теоретиком, может быть, решил бы не так.

Самое-самое первое... ну, если быть точным, то я начал со сказочной фантастики — и в одном из летних номеров «Мурзилки» за 1943 год (утерян, к сожалению) появилась сказочка «Как лиса Фрица к партизанам привела» ученика 2-го класса юргамышской школы Вовы Савченко. Это был я. Мой первый опыт в НФ тоже был опубликован — в многотиражке МЭИ «Энергетик» в на-

чале 1955 года; правда, сняли подзаголовок, что рассказ научно-фантастический, — оказывается, инфракрасный бинокль уже был изобретен.

3, 4 и 7. Вопросы неудачные. Существует фантастика как литературный жанр, но нет ее как общности людей. Мне лично плохой, серый фантаст так же чужд и противен, как и бездарный реалист, поэтик-конъюнктурщик, как халтурщик в любом жанре. Поэтому не имеет смысла говорить о кризисе фантастики в целом, о взаимоотношениях ее с наукой в целом, о перспективах ее «растворения» в нефантастике в целом... Все это надумано.

5. Существуют — но они внутри нас, эти пределы. Не следует позволять воображению идти на поводу у низменных чувств, азартно-грязных страстишек; это принцип душевной опрятности. И неспроста у нас — при обилии переводов зарубежной фантастики — избегают «жанра ужасов».

8. Из того, что я читал, — повесть А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света».

9. Конечно же, на тему о коммунистическом будущем.

10. Меня проблемы не волнуют — пусть лучше они волнуют, когда я за них берусь: и научные, и социальные, и нравственные.

Ну, а если серьезно, то недавно закончил и сдал в издательство 18-листовый роман о будущем «За перевалом». В ближайшие годы рассчитываю закончить роман «Должность во Вселенной» — о месте человека, разума, цивилизации во всемирных процессах.

Как жизнь, старина Косотур?

**Борис
РЯБИНИН**

Подобных писем от читателей я еще не получал. Не письмо, а целое драматургическое произведение, излагающее историю вопроса.

Осень 1975 года. БЕСЕДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДОМКОМА ДОМА № 30 С РАБОТНИКАМИ ОТДЕЛА ГЛАВНОГО АРХИТЕКТОРА (сокращенно ОГАрх).

— Мы, жители дома № 30, — новоселы. Полтора года назад справили новоселье. Во дворе уже создали цветник, посадили деревья, теперь решили облагородить пустырь, что между нашим домом и Уреньгинским бором. Автомшины превратили его в сплошное месиво грязи. Тут образовалась свалка мусора. Мы хотим устроить здесь сад. Уж и название придумали: «Искорка». Надеемся, и вы будете рады, что в городе появится еще зеленый уголок. Мы хотели бы знать, не предусмотрено ли генеральным планом что-либо на этой территории? (Посмотрели. Ничего не предусмотрено: ни строительство, ни прокладка коммуникаций.)

— Нет. Здесь сад не закладывают.

— Почему?

— Вам не нужен свой сад. В третьем микрорайоне будет общий районный сад.

— Где?

— На месте бывшей свалки, напротив кондитерской.

— Давайте соревноваться: кто быстрее посадит и вырастит сад, вы или мы!

Сад «Искорка» был посажен осенью 1975 года, растет, с трудом, правда, — он попал под засуху, — но растет. Обещанного сада на бывшей свалке до сих пор нет.

— Нам стало известно, что часть Уреньгинского бора, что против нашего дома, вы хотите отвести под вырубку, а место отдать под строительство гаражей. Правда ли это?

— Да. Там будут поставлены гаражи.

— Зачем же губить лес?

— Решение по этому вопросу уже принято.

— Если вы поднимете топор на Уреньгинский бор, мы вашу руку с топором остановим!

Тогда, осенью 1975 года, лес был спасен.

Итак, речь о зеленом друге, в частности, о плохом отношении к знаменитому Уреньгинскому бору, гордости всех жителей уральского города Златоуста. Но только ли о нем? Надо сказать, что та борьба, которую повело государство за сохранение и приумножение богатств природы, обострило проблему, и многие наши сограждане ныне решительно выступают в защиту садов, парков, леса, реки, озера, иногда отдельного дерева, животного.

1 августа 1979 года. БЕСЕДА ДЕЛЕГАЦИИ ДОМА № 30 С РУКОВОДИТЕЛЯМИ ОТДЕЛА ГЛАВНОГО АРХИТЕКТОРА ГОРОДА:

— Мы узнали, что вы снова подымаете топор на Уреньгинский бор. Правда ли, что вы хотите строить дом для горисполкомовского ЖСК «Победа» с вырубкой леса?

— Да. Имеется решение.

— Мы, кто пришел к вам сюда, многие члены партии, и поэтому разговор поведем по-партийному открыто. Вот каков план наших действий: дадим телеграммы в областное и всероссийское общество охраны природы; подбираем материалы, готовим статью и, при необходимости, вышлем в адрес одной из центральных газет (или в приемную Верховного Совета СССР) со следующим содержанием: 1) никто в Златоусте не нанес столько вреда природе, окружающей среде — даже все вместе взятые браконьеры и самовольные порубщики леса — сколько отдел главного архитектора; 2) отдел главного архитектора уничтожил Веденевский сад, сад «Динамо» (бывший сад горного начальника — сад Аносова), сквер у городского пруда в центре города, сквер у управления Златоустовского отделения ЮУЖД...

(Прерывают репликой.)

— Но мы создали сквер у театра «Космос»!

— Но, простите, не довели его до ума... И новый архитектор тоже машет топором направо и налево. — Это еще нужно доказать!

Вот примеры: 1) у канатной лыжной дороги в третьем микрорайоне вырубил лес (в том числе уникальную 150-летнюю ель) под гостиницу. Гостиницу не построили, «построили» новый пустырь; 2) в третьем же микрорайоне, против дома

№ 32, отвели под промстроительную базу лесной массив и вырубил его. По генеральному плану промстройбаза должна стоять на 20—30 метров южнее и полностью разместиться на пустыре; 3) полгода-год назад намечали вырубку значительного массива Уреньгинского бора за швейной фабрикой. Лишь общественность и наши лесоводы остановили топор главного архитектора.

— Строить-то ведь надо!

— Жилищное строительство ведется в Северо-Западном районе, там и нужно строить.

— Дом-то будет кооперативный. Нужно, чтобы было без сноса, так дешево.

— В городе много пустырей и годных для застройки мест без сноса, с близко расположенными коммуникациями.

— Где же есть такие места?!

— Напротив той же канатной дороги, там большой пустырь, причем это совсем рядом с тем местом, где вы хотите рубить лес! Например, в районе горбольницы, на месте снежных бараков...

— Мы разместим кооперативный дом между лесом и вашим домом.

— На территории сада «Искорка»? Так ведь дом не разместится на территории сада. Лес-то все равно придется рубить!

— Не придется.

— На каком же тогда расстоянии вы хотите поставить его от нашего дома?

— На расстоянии 30 метров, согласно СНиП-П-60-75, пункт 5.19.

— Согласно тому же пункту это расстояние должно быть не менее 35—36 метров, а если двор с хозяйственными площадками строящегося дома будет обращен в сторону нашего дома, то расстояние должно быть не менее 40 метров. А в 40 метрах от нашего дома начинается лес. Следовательно, в том и другом случае лес будет вырубаться! А самое главное: почему вы не руководствуетесь пунктом 5.22 СНиП, который гласит: «Размещение и ориентация жилых и общественных зданий должны обеспечивать инсоляцию жилых помещений и территории не менее трех часов непрерывного солнечного облучения за период с 22 марта по 22 сентября в районах южнее 60° с. ш. и с 22 апреля по 22 августа в районах севернее 60° с. ш.»? А вы посмотрите, что у нас? Мы сейчас-то живем как полярники: по полгода не видим солнца! А почему? Вы, работники ОГАрх, при строительстве нашего дома сделали отступление от проекта. Если не вы, то строители. А вы их не проконтролировали. Вместо того, чтобы развернуть фа-

садную часть дома на запад, как предусматривалось проектом, вы развернули на северо-запад, в сторону высокой вершины Уреньгинского хребта. В результате во всем городе еще день, а у нас уже сумерки. Вот так и оказались мы, жители дома № 30, обездоленными, особенно жители однокомнатных квартир. При нашей «златоустовской» погоде они и сейчас-то, даже летом, почти не видят солнца, а вы в 30 метрах хотите строить дом... Это же нарушение всех строительных и санитарных норм и правил.

— Хорошо. Мы завтра придем к вам в 9 часов утра и вместе с вами разберемся на месте в этом вопросе.

Ждали все утро. Работники ОГАрх не пришли.

2 августа 1979 года.

Исполняющий обязанности председателя ЖСК «Искра» тов. Бауков В. И., обращаясь к нам, активу дома № 30, говорит: «Сегодня звонил зампреда горисполкома товарищ Брынских и просил меня зайти завтра к нему в рабочий кабинет в 11 часов дня. По-видимому, он вызывает по вопросу, связанному со строительством дома ЖСК «Победа». Я прошу вас пойти вместе со мной. Мы согласились».

3 августа 1979 года.

Вместе с тов. Бауковым идем на прием к тов. Брынских.

Пришли в горисполком. Ждем в приемной. Тов. Бауков зашел в кабинет. Через минуту выходит и говорит, что тов. Брынских сказал: «Дом будет строиться там, где намечали!»

Дверь кабинета была открыта настежь, и мы попросили:

— Товарищ Брынских, можно к вам?

— Нет! Я занят!! Не входите!!!

— Товарищ Брынских, нам нужно с вами поговорить. У нас не личное дело!

— Не входите! Закройте двери! Не устраивайте мне демонстраций!!!

Секретарша, услышав крик Брынских, побежала и с размаху захлопнула дверь перед нами. Мы едва успели отскокить. Стоим, как оплеванные... Придя в себя, решили: «Законченный бюрократ с отсутствием элементарных понятий об этике руководителя. Ну что с него возьмешь?.. Разве только дурной пример...»

13 августа 1979 года были на приеме у третьего секретаря ГК

КПСС тов. Хрусталева Б. Н. Кратко рассказали ему обо всем. Просили сделать партийное внушение Брынских. Тов. Хрусталева обещал выполнить наши просьбы, в том числе заставить главного архитектора разобратся в вопросе, связанном со строительством дома 30а, особенно в части нарушения строительных и санитарных норм.

4 сентября 1979 года.

Приехали геологи с бурильной установкой и стали брать пробы грунта в саду «Искорка» на расстоянии 30 метров от дома...

Приехали в сопровождении... работников милиции.

Комментарии, как говорится, излишни.

Нужны выводы. Выводы принципиальные, партийные.

Под письмом до десятка подписей членов партии, ветеранов войны и труда, уважаемых граждан города Златоуста.

...Едем в Златоуст! Это родина булата. Совсем не случайно Бажов посвятил ему свой сказ «Иванко-Крылатко»...

Много примет у Златоуста.

Златоуст — это и Уреньгинский бор — истинные «зеленые легкие» города; и река Ай; и столб «Европа — Азия», стоящий почти на городской окраине, знак, что здесь рубеж двух материков, встань тут — и одна нога будет в Европе, другая в Азии; и, наконец, Таганай, одна из главных вершин Южного Урала (1200 метров). Трехглавый силуэт «Подставки луны» (таган — подставка, ай — луна по-башкирски), белеющий на фоне сизого марева, хорошо виден из города, хотя до горы ехать да ехать — добрых пятнадцать километров (чем-то он напомнил мне Арабат!).

А сам город — чудо! Он весь укрыт в горах, зелеными гребнями они возвышаются над ним, защищая от ветров, и соединение природного и созданного человеком столь органично, что, право, кажется, и горы созданы для того, чтоб был город, и город возник тут в одно время с ними... Вот где природа выходила на улицы города, дома задними стенками подпирала обрывистые скалистые откосы, из-под корней стройных вековых сосен струились чистые ручьи и по улицам сбежали в пруд, и все это воспринималось как единый архитектурный ансамбль, единое нерасторжимое целое. Горы громоздятся одна на другую, кажется, вот-вот сдвинутся они, стиснут город в каменных объятиях — и нет его, погребен на веки-

вечные под гранитной толщей; а он все жив и растет, и развивается. Строятся новые дома, прокладываются улицы. А не чудо ли, что в XVIII—XIX веках по реке Ай, быстрей, капризной, сплошь в перекатах, через реки Уфу и Белую плыли из Златоуста к Волге баржи, груженные продукцией железодельного завода. После перевозки взяла на себя железная дорога. И не любопытно ли, что станции Златоуст вы не найдете на карте: есть станция Уржумка (тоже название речки).

И климат здесь особенный, «златоустовский»: 250 дней в году сырекает дождиком, но выглянуло солнышко — и все засияло вокруг, как умыто, только что родившееся; в узкой извилистой долине между каменными кряжами всегда тянет с середины лета прохладно — 460 метров над уровнем моря сказываются. (Почему-то коренные златоустовцы говорят даже 550, мы слышали это не от одного.)

Город, где был создан русский булат, достойный соперник толедского клинка и дамасской стали. Памятник творцу его, Павлу Петровичу Аносову, стоит на центральной площади Златоуста.

«Докажем на деле, что русское может быть не хуже иностранного», — сказал Аносов и доказал, открыл секрет лучшего в мире металла. Газовый платок разрезается мгновенно и беззвучно, без какого-либо усилия, будто каким-то волшебством; и крепчайшую сталь булат рубит без всякого вреда для себя, не остается даже царапины.

Златоуст — город металлургов, чудесных искусников-гравиров по металлу (по всему миру расходятся их художественно-самобытные и непередаваемо изящные изделия, в каждом уважающем себя музее есть экспонаты из Златоуста); здесь немало зданий старой промышленной архитектуры (каждый из них памятник своего времени). По ночам огненные сполохи — дыхание сталеплавильных печей — бродят по небу как и двести с лишним лет назад.

Более сорока лет я не был в Златоусте... Старик Косотур, облысел ты, что ли, с течением лет? Помнился зеленым, от основания до вершины одетым густой зеленью. Зелень — молодая поросль — имела и сейчас в дальней части горы, а ближняя, выдавшаяся к пруду, оголилась явно, была переворошена, ископана и на самом виду торчала опора высоковольтной линии. Линии проводов еще не было, только опора. Как неудачно! Неужели нельзя было сделать по-иному (в конце концов пере-

работать проект, если кто-то по недомыслию наметил так), чтоб не портить, не уродовать этой самой приметной и живописной детали городского пейзажа?! Мне объяснили: только решено было объявить Косотур памятником природы, как явились строители ЛЭП, и... никто не заступился за старину Косотура.

Косотур открыл собой длинный перечень утрат, понесенных городом за последний период, и самая большая и чувствительная среди них сад «Динамо».

Святая святых города — площадь III Интернационала, где высится монумент Аносова. Подходим к трехэтажному каменному зданию старинной постройки. Теперь здесь краеведческий музей, а прежде был дом горного начальника. Как сообщает табличка, с 1831-го по 1847 год в нем проживал П. П. Аносов. «Дом Аносова». Напротив сквер, здесь братская могила борцов за свободу и счастье, красноармейцев и командиров, погибших в 1919 году, и могила выдающегося большевика И. М. Малышева (погиб в схватке с белыми у станции Куса, там и был погребен, после останки перенесли сюда). Памятник Малышеву стоит в Свердловске на улице его имени). Здесь же поблизости памятник жертвам расстрела рабочих 13(26) марта 1903 года, а расстреливали безоружную демонстрацию рабочих. Для людей несведущих в революционной истории сообщим, что стачка златоустовских рабочих, которой руководил Андрей Степанович Тютев (могила его находится здесь же), всколыхнула всю страну, и в результате ее в Златоусте, впервые на Урале и в России, был введен 8-часовой рабочий день. Повторяем, святое, истинное святое место.

А за «домом Аносова» находился «сад Аносова» — бывший сад «Динамо», куда ходили старики и молодежь. Рядом, тоже на задах «дома Аносова», весной несла камни с гор речка Громатуха, там был устроен прудок... Где все это теперь? На месте сада вырос громадный каменный корпус с глухими стенами почти без окон — гаражи «Союзпечати», узла связи и других ведомств. Не нашлось другого места поставить эту унылую тяжелую громадину, как только здесь, в самом центре города! Поразительно!

Злое дело свершилось давно, и от сада не осталось даже признака; нет и прудков, о них напоминает заваленная мусором лощина. Зато и тут, на круче за Громатухой, появилась башня-опора, пойдет линия на Косотур. Эх-ма, что еще скажешь?

Просто диву даешься. Нижний

сад-сквер закреплен за заводом имени В. И. Ленина, а тут не оказалось хозяина. Обида берет за город. Что же, так и смириться, признать как неизбежное?

Я бы сделал так — повесил на сем месте мемориальную доску и написал: «Здесь находился сад, созданный в таком-то году при горном начальнике — общей гордости уральцев — П. П. Аносове. Уничтожен в таком-то году при главном архитекторе (имярек). Восстановлен...» Да, да, я верю, рано или поздно он будет восстановлен.

Но пока... пока приходилось убеждаться: ветераны оказались правы. Не напрасно они били тревогу. В действительности оказалось даже хуже, чем сообщалось в их письме. Там шла речь лишь о зелени, а тут затрагивалась и история.

Полное запустение, кручинились местные старожилы. Березовая роща — на горе Гуриыхе (район Уреньги), где похоронены погибшие от пуля царских сатрапов за два года до кровавого воскресенья в Петербурге. Тоже дорогое место и — абсолютное забвение. Говорят, собирались ставить памятник, проект был, да так все и осталось на бумаге.

А вот о зелени. Впрочем, лучше всего о состоянии дел с зеленым строительством скажут цифры.

Как раз в эти дни из сообщений печати стало известно: в Златоусте по требованиям санитарных норм должно быть не менее 200 га зеленых насаждений, а имеется... 20. В десять раз меньше! За последние десять лет не появилось ни одного нового парка, ни одного сквера. В городе нет зеленостроя (в наше-то время, парадокс!), нет единого, настоящего плана озеленения. Служба горхоза самая слабая — ни людей, ни техники. О каком зеленом строительстве после этого вообще можно говорить? Истребление, уничтожение зелени — да.

«На городских собраниях и совещаниях нередко можно услышать о темпах роста жилья», — писала газета «Челябинский рабочий» («Тревога о зеленом друге», 15.III.80 г.). — Верно, его возводит в Златоусте немало. На глазах растут внушительные микрорайоны... Но посмотрите на громадный проспект Гагарина. Лет двадцать назад тут был лесной массив. Сюда ходили за грибами и ягодами. Но пришли строители, и «зеленого друга» — под корень. Ни одного дерева не оставили! А ведь этого не случилось бы, если бы в свое время в горисполкоме позаботились о зеленой одежде индустриального Златоуста.

...Напротив кинотеатра «Космос»

был большой пустырь. Его решили превратить в сквер. Надо было видеть, с каким энтузиазмом трудились ребятки из близлежащих школ! Сколько субботников провели! Сквер стал любимым местом для малышей и молодежи. Но вот летом прошлого года сюда нагрянули строители. Взрели экскаваторы... Это с благословения горисполкома дана команда: сквер — под корень. Пусть тут красуются девятиэтажки. Мол, так предусмотрено...

Сейчас предпринимается попытка уплотнения города, не дать ему расплзаться вширь. Правильно. Но это содержит опасность новых рубок в городской черте. «Сделай пустыню, потом строй». Горькая шутка.

В Златоусте говорят: «Только один чудак Сосновский сажит и сажит. Ходит и сажит. Есть у нас такой, Александр Михайлович Сосновский. Пенсионер уж, в больших годах. Вроде уж под, восемьдесят, а никак не угомонится. Землю нагребет на носилки и ждет. Девять человек пройдет, десятый поможет. «Все-таки есть хорошие люди», — это у него как афоризм. У него питомник, единственную морковную грядку засадил кедрами. «Городу надо». Хотя никто не считает, что надо».

«На проспекте Гагарина девятиэтажки стоят, там, где Сосновский посадил сквер. Видели, небось? Сад закреплен за швейной фабрикой, а что толку?»

«Уральская Калифорния», «уральская Швейцария» — как ни называли в старину Златоуст и его окрестности! За прудом были классические места отдыха златоустовцев. В последние годы и они изменились неузнаваемо. Сведущие люди заявляют: у Таганая леса должны быть запредельными, ельники уникальные, однако там идут промышленные заготовки леса.

Невольно задумываешься: что же все-таки с нами происходит? Сносим, вырубам, потом хватаемся за голову и... снова сносим, да-да! Вот уж истинно: коль рубить, так все под корень! Зуд какой-то. Что, это в натуре русского человека? И не только парк: вон и в Нижнем Тагиле опять разобрали уникальный дом — истинное творение архитектуры и истории нашей, рядом поставили стандартную коробку (зачем убрали, коли построили *рядом*?!). А ведь незадолго до того писалось, что дом в списке охраняемых объектов и должен быть сбережен на века. Или это какой-то вывих в современной культуре — крушить старое, считая, что новое всегда лучше. А всегда ли? И в конце концов, дело ведь даже не в этом, во всяком случае не только

в этом, а в чем-то более важном. В чем? Надо почувствовать себя настоящим, до конца, до сердечной спазмы, сыном народа, к которому принадлежишь, тогда отпадет и этот вопрос.

Начинаешь перебирать в памяти — и, право, оторопь берет, сколько утрат по неразумению нашему.

Есть места вроде бы совсем не приметные, никак не чета, скажем, тому же Летнему саду в городе на Неве, выхоженному по всем правилам садовой культуры и регулярно стриля, — хотя бы тот же садик при доме уральского сказочника, создателя «Малахитовой шкатулки», посаженный его руками и тоже подвергшийся урезке, — а сколь дороги и близки они сердцу нашему и как много говорят пытливому уму и истинному ценителю богатств и красоты земли родной!..

Как тут не вспомнить великана русской живописи Илью Репина, написавшего дочери: «Сегодня я уже получил твою поздравилку с видом Златоуста. Какая прелесть!.. Какие есть еще места в дикой России, никому не известные...» Заметим, что за годы, протекавшие с того дня, когда писались эти строки (16 июля 1909 года), произошли великие перемены, не стало «дикой России» и Златоуст — третий по величине город Челябинской области (200 тысяч населения, сто лет назад было 20 тысяч) — давно известен всему миру...

О русских парках можно написать — и написано — много книг. Пожалуй, нигде и ни на чем другом не проверяется так человеческая суть, душа и разум владыки мира, как здесь, в слиянии сотворенного природой и человеческими руками.

Зодчеству нашему национально-му никак не уступало искусство садовое, ландшафтное, и проявлялись, возникли они, как правило, в тесном общении друг с другом, гармонично и двуедино, дополняя одно другим. Подтверждений тому несть числа, однако ж, если мы будем забывать про то, скоро, пожалуй, останутся лишь письменные свидетельства...

Особо подчеркнем: очень часто памятник природы и памятник истории, культуры совмещаются в одном объекте, что говорит об особой важности их сохранения и охраны. Это немаловажное обстоятельство, кстати, весьма убедительно иллюстрирует наш рассказ.

В 1951 году — в нелегкую пору, страна еще не успела заврачевать раны, нанесенные жестокой войной, — началось восстановление знаменитого Нескучного сада, где во время обороны Москвы находились зенитные батареи, были проры-

ты ходы сообщения, сооружены дзоты. Восстанавливались парк Ленинграда; позднее этот процесс распространился на многие и многие исторические места. Возрождались парк в лермонтовских Тарханах, в некрасовской Карабихе, в тургеневском Спасском-Лутовинове. В Ульяновске приступили к реконструкции Языковского парка; заодно восстановили и дом поэта Николая Языкова, где бывал Пушкин. В Абрамцево, откуда вышли многие бесценные творения русской живописи, открылся постоянно действующий музей картин....

В стране начало работать подерживаемое правительством молодое Общество охраны памятников истории и культуры.

«Забвение печально, оно оскорбительно, — писал в эту пору в «Литературной газете» писатель Станислав Лесневский. — Убежден, что, пока не поздно, все памятные места и их окрестности должны стать заповедными, охраняемыми, почитаемыми».

«...Проект грандиозности и многогранности нынешнего зеленого строительства не утрачивают своего значения и старинные парк с их ковковыми аллеями, каскадами прудов, изящными павильонами, ротондами, мостиками. Они остаются дорогим для нас наследием искусства прошлого, источником вдохновения для современных мастеров, которые используют важнейшие творческие принципы старых садоводов, развивая и перерабатывая их в соответствии с требованиями сегодняшнего дня. Эти парк по-прежнему служат нам и как прекрасные зеленые уголки».

Но «на пути у реставраторов, — это уже отмечала «Правда», размышляя над проблемами реставрации памятников ландшафтной архитектуры, — немало серьезных препятствий. И первым, пожалуй, следует назвать отсутствие постоянного внимания к этому делу со стороны тех, на чьей попечении находятся парк, — исполкомов местных Советов...» («Вернуть красоту», «Правда», 8.V.77).

Именно так получилось в Златоусте.

Интересно, что по этому поводу скажет нам главный архитектор города В. П. Гуров, поминавшийся в письме ветеранов.

О, Владимир Павлович полон оптимизма. Об этом свидетельствуют широкая улыбка и весь его здоровый, цветущий вид.

— Да, конечно, было, всякое было, — говорит он. — Отрицать бесполезно. Но сейчас положение меняется, уже изменилось. На проектирование обувной фабрики истратили 100 тысяч рублей и ГПТУ — 22 тысячи рублей. А теперь, чтобы оста-

вить лес, подыскали другие площадки. На эти жертвы пошли. Это в плюс городскому руководству. Иногда дело в самих исполнителях. В третьем микрорайоне школа — вся окружена лесом, а детсадик... строили раньше, все убрали, что мешало строителям. Сами строители первые заговорили об этом: «Сделать кое-что подешевле. А потом эта дешевка обходится...» — И тут же, меняя направление разговора, но все с тем же выражением благодушия и уверенности: — На них нужно давить... На строителей. Сколько строится! Думаете, мало? С топором по городу ходить надо... но, увьи! А уход? Его нет! Как еще относятся к деревьям? Воткнул, лишь бы оно торчало из земли, а будет расти или не будет, никого не интересует! Вот так! Нет специализированных предприятий (по зелени), неграмотность в посадках, это отражается. Составлен проект сквера — напротив дома Аносова и театра, будем осуществлять, воплощать в жизнь, как теперь говорится. Думаю, должно получиться, но трудностей много. Много...

Вот так и шел разговор, с одной стороны, все хорошо, а с другой, — того нет, это не так, и как добиться, чтобы все было, как нужно, одному богу ведомо. Значит, строители (которых уже давно нарекли «врагом № 1» зелени, не обидно ли?) начали кое-что понимать, — только не слишком ли медленно совершается сей процесс и доходит все до сознания? А «отцы города»? Все-таки настоящей заботой и делом души и сердца зелень, парки, сбережение старины — не стали. Не стали. Да. А доколе будет так? Пока не останется ничего, что требуется сохранить и передать потомкам? Ох...

Словом, заверения, что все будет делаться, как следует, как того желает городская общественность, на чем настаивали, в частности, и авторы памятного письма, — мы получили, но уверенности, что произойдет именно так, — нет.

...Зеленый участок около дома № 30 по проспекту Гагарина старожилам-новоселам все же удалось спасти. Хотя с «большим нервом», но отвели беду. Все-таки вняли их требованиям после рассмотрения вопроса в городском комитете народного контроля. Даже попросили не писать в другие инстанции «до выяснения». Значит, все-таки совестятся. Уже хорошо. Или боятся огласки? Так ли, этак ли, но, выходит, можно решать все на месте так, чтоб это устроивало всех.

Недешине напомнить:
в Постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Минист-

ров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» от 29 декабря 1973 года в числе других мер указывается: «Обеспечить в 1973—1980 годах проведение работ по расширению в городах и пригородных зонах площади зеленых насаждений (создание новых парков, садов, скверов, бульваров, защитных зон и лесопарков)». Сказано ясно.

Здесь дадим слово авторам справочника «Златоуст» — еще раз о природе «уральской Швейцарии»: «Известно, что природа щедро наделила Златоуст лесными богатствами. Полностью сохранить зеленые массивы, добиться того, чтобы они дополняли архитектуру местности, отвечали замыслу зодчих, служили человеку — вот задача, стоящая перед нами. Зеленых массивов у нас немало. Вы, конечно, заметили на проспекте имени Гагарина участок леса? Это же настоящее украшение города. Или взять массив между этим же проспектом и Новым Златоуостом. Двухсоттысячный город, и в середине его настоящая «фабрика здоровья». Согласитесь, не везде встретишь подобное. А Косотур? А близлежащие горы, покрытые шапками деревьев? Кстати, здесь происходит любопытное природное явление, которое мало кто замечал. Воздух, охлаждаясь в горах, через своеобразный фильтр лесных массивов движется по склону вниз, принося в город хвойный аромат, и собирается в пойме Ая и городского пруда. Вода, потеплевшая за день, нагревает воздушную массу, и она, снова фильтруясь, поднимается наверх. Подобный обмен воздуха происходит круглосуточно. В городе, когда не очень жарко, можно почувствовать, особенно среди каменных домов, великолепный лесной запах. Важно, чтобы жилые массивы «прорезали» широкие полосы зелени...»*

Все верно. Законна гордость авторов златоустовцев.

Но всякое богатство только тогда богатство, когда им правильно распоряжаются, когда его берегут.

...Я уезжал из Златоуста, но на сердце было беспокойно. Тревога осталась. Перед глазами как немой укор стоял изуродованный Косотур, старина Косотур, бедняга Косотур, которому теперь требовались настоящие лечение и хирургические меры, чтоб вернуть прежний вид.

Очевидно, самый надежный

глаз — глаз народа, добрых людей. Общественность должна взять под контроль, взыскивать строго.

Старики сказывали: в давние времена, — скажем прямо, недобрые были времена, однако ж и они могут поучить чему-то, — за срубленное дерево близ жилой черты пойманного виновника секли розгами. Жестокое, конечно. Так или иначе, а наша обязанность — уберечь святую реликвию земли — дерево от уничтожения.

В думках был уже не только Златоуст с Косотуром, но и Кунгур, где я впервые увидел свет дня, и Пермь, и многие, многие другие города и селения. Вспомнился даже старый тополь, стоявший во дворе нашего старого кунгурского дома, развесистое, с огромной кроной и тихим лепетом листья дерево, привычка лезть на которое однажды едва не окончилась для меня плачевно: я чуть не сломал ногу, а потом отец за баловство прибил мне ремня...

«Дерево нашего детства... — пишет природолюб и ревнитель примет родной земли Виктор Пронин. — Наверное, есть такое понятие, наверное, каждый, припоминая свой родной дом, деревню, городскую улицу, ту первую тропинку, с которой начались жизненные дороги, вспомнит и дерево, которое росло у окна, за калиткой, рядом с колодезем или в соседнем сквере, дерево, с которым связаны воспоминания детства. Проходят годы, а оно стоит перед глазами... И, наверное, не будет большой ошибкой сказать, что и дерево может составлять часть нашего духовного мира, как и воспоминание о реке, доме, деревне, родных, которых уж нет...»

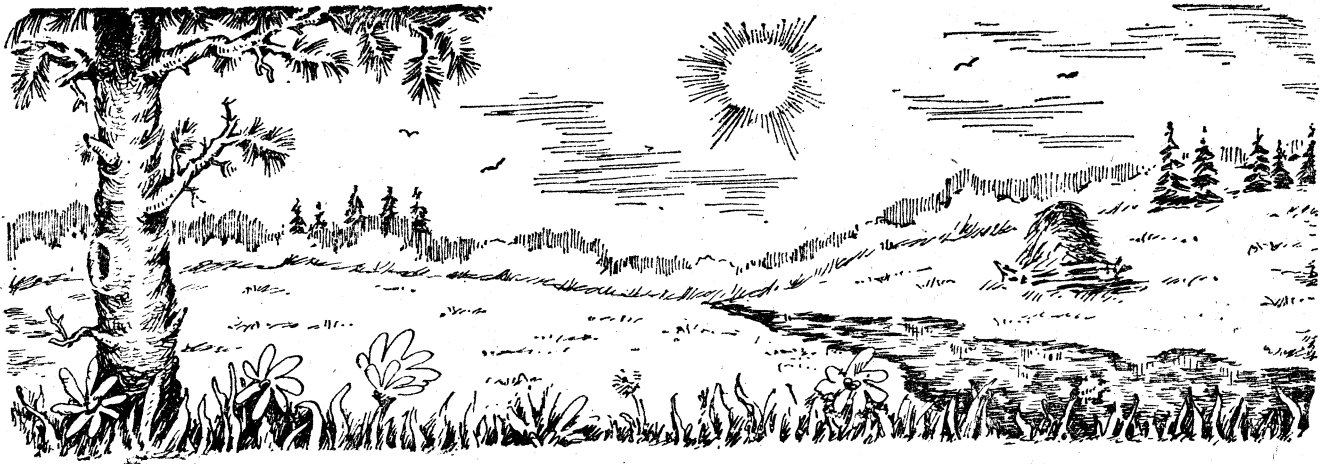
Дерева и люди — они идут рядом, да, да, идут, хоть дерево и стоит до самой своей смерти на одном месте, крепко вцепившись в него корнями, там, где упало семечко; но так ведь и мы, ходим ли, передвигаемся ли пешком или на самолете, уезжаем ли в дальние страны, навеки тоже прирощены к одному месту, куда упало семя человеческой жизни, где взошел ты.

Тем, кто еще не понял всего, недопоймет никак, хочется напомнить строками поэта Якова Вохменцева:

Волнует ли участь
Отчизны тебя?

* Н. Верзаков, В. Понуров, В. Черноземцев. «Златоуст». Южно-Уральское кн. изд-во, Челябинск, 1979.

ЛЕСНЫЕ КУРЬЕЗЫ

Леонид
ФОМИН

Рисунки
Н. Крутикова

ПО ЯГОДЫ... НА ЛЫЖАХ

Зима нынче выдалась не то что малоснежная, а просто бесснежная. Ну, шутка ли: в январе в лесу можно было ходить в ботинках, но зачерпнув в них, а нескошенные травы на лугах — те и вовсе окостенело торчали во весь рост, белые от изморози. Вот в такую-то пору я и отправился в лес на прогулку.

Но зима есть зима, и какая прогулка без лыж? Пристегнул беговушки — и айда с ветерком по утреннему морозцу на знакомые проселки и еланки.

Бегу и не пойму: то ли это лыжи мои поют под ногами, то ли душа — так хорошо в лесу! Он весь просвечен розовым и голубым. За дальними горами только что поднялось солнце, и холодные лучи его мириадами блесков заиграли в ветвях деревьев, на стелых травах. Столько свету, столько огней, что хоть защитные очки надевай. Но я их нарочно не взял — разве увидишь такую благодать через темные очки?

Упарился уже. Свитер заиндевел, струится дымком и тоже весь в искорках — алых, синих, изумрудных. Сел на валежину, стянул вязаную шапку. И только стянул, сразу услышал весь лес. Где-то рядом стучал по сушине дятел, да так ладно стучал, будто и не еду добывал вовсе,

а так, для веселья, на радость всем лесным жителям играл на барабане — туку-тук, туку-тук, туку-тук... Из старого горельника за болотом таким же согласным барабанным перестуком ему отвечал другой. Перелетая с куста на куст, звонко звенькали синицы, им с березовых, низко опущенных вязей тонко отзывались младшие их сестрицы — москочки, а тем — уж совсем еле слышным писком крохотные, похожие на пуховые шарики, гаички. Но вот заполошно, на весь лес затрещала сорока, и птички смолкли: низко над соснами, лениво вздымая крылья, пролетел ворон. Чернющий весь, как головешка. Он тоже не удержался, державно прокричал на всю округу: кру-у-ум!

Ворон улетел, сорока замолчала и опять слышались нежные переделки синиц под аккомпанемент дятла.

А кто там еще, несмелый, подает голос? Оглянулся — и вижу: в густых зарослях шиповника, на самом высоком кусте сидит нахохлившийся красногрудый снегирь в черной щегольской шапочке и печально, вполголоса кого-то зовет: рюм, рюм, рюм... Подружку, наверно, зовет.

Смотрю на снегиря и замечаю — все заросли шиповника, под стать снегириной грудке, сплошь забрызганы красным. Да ведь это же ягоды, еще не обклеванные, не тронутые птицами! Малоснежная и неморозная нынешняя зима ми-

лостива ко всем: косачи и рябчики собирают стылую бруснику прямо с земли, по-куриному разгребая лапами неглубокий снежок, залетные гости свиристели кочуют по садам и паркам, не столько обедая, сколько отрясая яблони-дички, щеглы обирают на пустырях репейники, чижи и чечетки — конопляники по закрайкам пашен. Так что до шиповника очередь еще не дошла, и сохранился он в полном осеннем изобилии.

Ну, раз так, то почему бы мне не пособирать ягод зимой? Раз в жизни!

Чтобы не спугнуть снегиря, осторожно подъехал к краю шиповниковых зарослей и по яголке, по яголке быстро нарвал полную шапку. Аж отвисла вся. Та же тебе корзинка, только без ручки. Держу в обеих руках и диву даюсь: надо

же, середина зимы, а я набрал ягод! Скажи кому — не поверят. Любо-мило даже поглядеть, понюхать эти зимние ягоды, сохранившие и цвет и запах солнечного лета.

Вечером, сидя у теплой, ярко горящей печки, я пил чай, щедро заваренный шиповником, и вспоминал лучистый день в белом лесу, серебристые березы, хлопотливых синиц и печального снегиря, потерявшего свою снегириху.

ЗА СЕНОМ С ГАРМОШКОЙ...

Опять я о зиме. Да и как не рассказать о таком случае: мыслимое ли дело — ехать за сеном с гармошкой? А вот наши мужики поехали...

Но это было потом.

А пока я сидел и удил на Чусовой ершишек. Ершишки клевали дружно, под ногами у меня топорщилась уже приличная кучка улова — на хорошую ушку, а то и на две.

С утра сильно морозило: Начал холод принимать и меня. Чтобы согреться, я запрыгал вокруг лунки, прихлопывая рукавицами. Минуту прыгаю, другую, и так ладно у меня вдруг стало получаться, что даже какой-то ритм почувствовал в своих движениях. Отчего бы это? Точно под музыку пляшу.

Остановился перевести дух — и ушам не поверил: правда, музыка! Зима, снежище по пояс, сосны и березы стоят в белых балахонах, а тут — гармошка! Ну, ладно бы — гитара, на туристов можно подумать, но кто с гармошкой-то зимой в лес ходит?

Близ деревни я хорошо знаю окрестности. Помню все покосы, выпасы для скота, грибные и ягодные места. А покосы большей частью по заливным пойменным лугам Чусовой. Так что мне нетрудно было определить, где играют. Прислушался, так и есть — на шараповском покосе! И до того любопытно мне сделалось, что забыл я про рыбалку и побрел рекой посмотреть на отчаянного гармониста.

Все ближе, ближе играют на гармошке. Теперь уже слышу, что не только играют, а еще и поют. Одни мужские голоса. Узнаю сипловатый басок самого Ивана Шарапова, петушинный фальцет его младшего брата Сереги, совсем безголосого тракториста Васюкова, а четвертого не могу разобрать. Кажется, пилорамщик Сашка Нестеров.

Цепляясь за кустовые, взобрался на крутой яр, где как раз начинается покос, — и вижу такую картину: возле зарода стоит гусеничный трактор с прицепленными к нему длинными железными санями, на вершине зарода, уже очищенном от снега, сидит Шарапов и упоенно, избочив шею, прямо-таки выворачивает мехи двухрядки. Остальные трое в распахнутых ватниках набекрень лихо отплясывают, как на сцене, как на помосте каком, на дощатом настиле саней что-то среднее между шейком и кадрилию. Только полы ватников веют! Само собой, тут же «накрыт» и пенек, подле которого теплится небольшой костерок...

— Вы чего, — говорю, — мужики, с ума спятили? Отродясь не видал, чтобы за сеном с гармошкой ездили.

Тут Иван перестал играть и вроде бы проснулся: узнал меня. Вместе с гармошкой ловко скатился с зарода.

— Давай, сосед, к «столу». Праздник у меня великий. Гулять бы только, а тут сена дома не окажется. Вот и приходится совмещать...

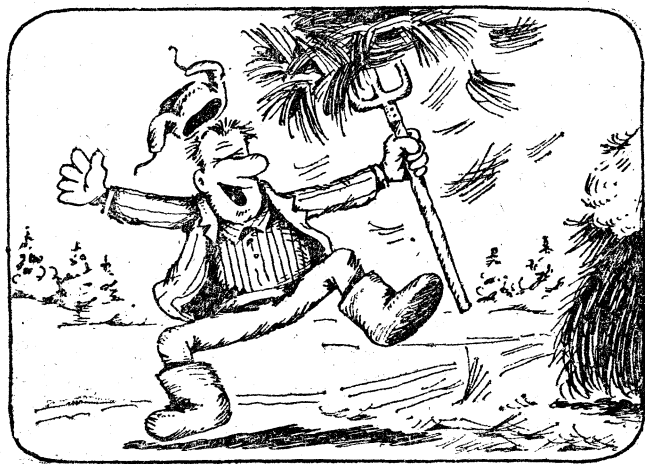
— Какой, спрашиваю, праздник?

— Как какой? Неуж не слышал?! А еще сосед называется! Да сына мне Нюра родила. Вот

такого! — и Шарапов показал какого, как рыбак, широко раскинув руки. — Вчера был в больнице, обоих повидал. Во парень! — опять раскинул он руки.

— Так что же ты здесь веселишься, раз сына жена родила? К ней бы, к Нюре, и шел.

— Говорю, вчера был, как узнал. Цветов в теплице дали... Сегодня тещу турнул, пусть и она посмотрит. А у меня ни охапки сена дома...

Так и отпраздновали мы на пеньке в зимнем лесу рождение первого Иванова сына и даже сообща имя ему придумали — назвали Ильей. Чтобы рос таким же богатырем, как его былинный тезка.

Потом я снова пошел ловить ершей, а счастливые мужики принялись складывать на сани сено. И ведь что интересно — весь зарод привезли, клочка по дороге не потеряли...

ТАК ТЕБЕ И НАДО!

Один раз приходит ко мне деревенский парень и говорит:

— Барсука поймал. Чернющий весь — смехота!

— Как ты его поймал?

— А так. Гоню я, значит, на мотике вечером, при фаре уже, он и катит по тропинке. Я, значит, газу, он, дурак, дальше, хоть бы свернул! Ну и шмякнул его колесом...

Парень явно гордился, что сбил зверя. Давай досказывать:

— Я ведь с рыбалки ехал, рюкзак со мной был. Ну я его туда, в рюкзак, значит. А он упирается, зубы щерит. Запихал все же и живьем привез.

— Где он у тебя?

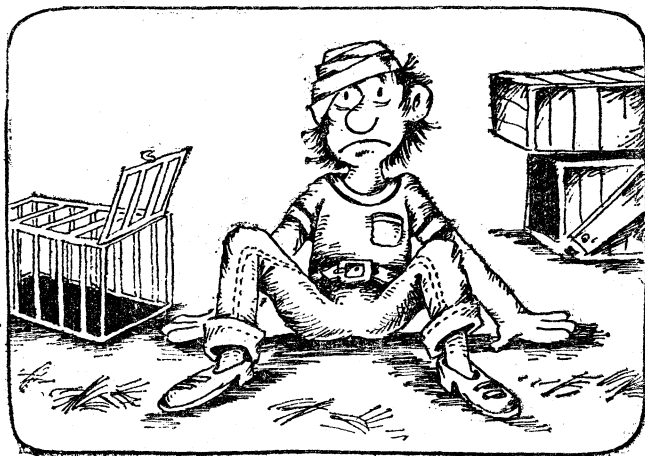
— Как где? В клетке, конечно. Ежели охота посмотреть, пойдемте, покажу.

Неохота мне было смотреть, но надо было что-то делать, спастись зверя, и я пошел.

В тесном крольчатнике за железной сеткой, забившись в угол, сидел худой, со свалывшейся шерстью... енот.

— Вот только не жрет ничего, ни морковь, ни картошку, — пожаловался парень. — Зато ручной стал, как кошка. Глажу, на руки беру.

Он открыл клетку, вытащил зверька, прижал к плечу, начал гладить. И тут произошло то, чего и следовало ожидать: енот неожиданно взбунтовался, хапнул зубами парня за ухо и напрочь откусил мочку. Да так это быстро сделал, что тот не успел и пикнуть. Енот стремительно спрыгнул на землю, юркнул под прясла и скрылся в картофельной ботве. А там до леса рукой подать...

— Так тебе и надо! — сказал я, перевязывая голову парня с откушенным ухом какой-то тряпицей, снятой тут же, с сиденья мотоцикла. — Беги давай в больницу и больше не лови зверей. Другое ухо откусят...

ЛОДОЧНИК КЛЕНОВ

Как только поселился я в Луговой, невольно стал приглядываться к усатому, с виду очень недружелюбному старику Кленову. Жил он по ту сторону речки, но все равно каждое утро, приходя за водой, я встречался с ним. Вернее, видел на другом берегу.

Он ладил лодки.

Лодок этих скапливалось у его дома иногда до десятка и больше, а он все чего-то пилил, стругал, тесал. Лодки получались все как одна — узкие, остроносые, полого выгнутые и даже издали казались легкими. Они, как девушки на пляже, лежали на берегу, бело-желтые от новизны, сладко пахнущие знойным бором.

Вот и стал я подумывать: к чему старику столько лодок? Лодок, которые здесь, в верхнем течении реки, совсем не нужны — в летнюю засушливую пору она так мелеет, что в любом месте можно перейти вброд. К тому же, слышал, он их не продавал.

Еще я слышал, а потом уже сам убедился, что лодки у Кленова какой-то особой выделки, бывает, доставляют ему знакомые люди прямые, как струна, еловые бревна, и тогда он договаривается в местном леспромхозе распилить их на доски. Само собой, сколько тут хлопот, какие расходы из небогатой в общем-то пенсии, не говоря уже о собственном труде.

А он ладил и ладил, с утра до вечера стукая на берегу, потому что умел и любил их делать.

Он все любил сделанное своими руками: дом, в котором жил, стол, за которым обедал, кро-

вать, на которой спал, и многое другое, без чего в крестьянском житье не обойтись. Но больше всего любил делать лодки, не так уж нужные, как было сказано, на мелководной речке.

Многие не понимали Кленова, снисходительно посмеивались над ним. Говорили: золотые руки, все изладит, что ни попроси, да еще как изладит! — а он — ну ребенок малый, — стругает лодки, выставляет напоказ на берегу! Зато сам Кленов был иного мнения о своем ремесле, считал себя наипервейшей руки мастером в этом деле и ревностно относился к конкурентам, если таковые объявлялись. Чуть завидит чужую, не его работы лодку, — живо к ней! Придирчиво осмотрит, прощупает всю. И как бы она не была хороша, обязательно найдет изъян: то широка, то велика, то тяжела. А уж на старые да сколоченные тят на ляп и глядеть не мог. С отвращением махал рукой и обзывал хозяина самыми последними словами. Кленов вообще судил о человеке по наличию у него лодки — есть лодка, значит, и человек ты хороший, нет — так себе... Все равно, что в старину безлошадный мужик. Кленов очень хотел видеть в деревне хороших людей...

Наверно, из-за недалекого соседства старик взаимно начал интересоваться и мной, моим житьем-бытьем. Не шибко-то разговорчивый, с бурым, морщинистым, как липовая кора, лицом, он нет-нет да и взглянет из-под кустистых бровей на меня у речки, в знак приветствия чуть заметно кивнет головой. Или, проходя мимо моего дома с кирзовой сумкой в сельмаг, приостановится у ворот, осмотрит все от крашенных наличников на окнах до нового скворечника на березе, что-то смекнет себе на уме и идет дальше. Я стал подмечать: проходит он намеренно нашей улочкой, потому что до сельмага куда удобнее и ближе ему добраться детсадовским проулком.

И вот через год, наверно, не раньше, после моего приезда в деревню Кленов явился в гости.

— Исправно, вижу, живешь, — без лишних церемоний начал старик, цепкими глазами окидывая двор. — Вон крышу обновил, палисад перебрал, хламу у дома нет. Да и дров напас, как не ленивый хозяин...

И вдруг спросил:

— А лодка у тебя есть?

— Есть, — сказал я.

— А ну, покажи!

— Да в чулане она.

— Как в чулане? — не понял Кленов.

— Ну в чехле. Резиновая...

Старик даже сплюнул от возмущения:

— А я тебя за человека принимал! Дом, ду-маю, содержишь в порядке, рыбак сам, охотник... А ты — резиновая! В чулане! Ошибся я,

стало быть! — и он быстро зашагал к калитке...

Смешно мне было, очень смешно, но засмеялся я в эту минуту — безнадежно обидел бы старика. К той поре я уже многое знал про кленовские лодки, видел их по реке, привязанными чуть ли не у каждого огорода, знал, что он просто раздаривает их людям, желая таким образом облагородить их, сделать хорошими...

— Постойте! — крикнул я вдогонку. — Ну чем хуже резиновая, тем более такая мелкая у нас речка?

— Резиновая... — опять передразнил Кленов. — Не позорил бы себя и деревню заодно. Я вот как увижу этих, как их, туристов, на таких-то вот, как твоя, надутых лягушках, сразу от греха бегу в избу! Не ровен час, не вытерплю и запущу, чем попадая! Уж что-то, а самое древнее естество променяли на резину. Хы! — горько усмехнулся Кленов. — Подменили живое дерево химией! Мало ее кругом, так еще и на речку... И ты туды же!

Старик поостыл маленько и заговорил тихо, как бы оправдываясь:

— Рази я не понимаю, что не нужные здесь они для дела. Но только ли для дела придумывают люди всякую красоту? Вот лубки разные, светильники, те же коньки на крышах. Для души придумывают. Посмотришь на красивую такую работу — и она, душа-то, вроде отойдет от забот, потеплеет, чище станет. Для этого, для очищения души, ведь кто что только не ладит! А я — лодки...

Он помолчал и решительно сказал:

— Иди давай, выбирай любую...

гивая хвостом, будто просила у товарок прикурить.

Другая тем временем, взлетев на скворечник, разделявала пачку. Прижав ее лапой и гневно трясая головой, разбрасывала сигареты направо и налево.

Откуда-то появились еще две сороки. Да много сразу. Они с лета планировали к земле, хватали дармовое курево и рассаживались по кольям огорода. И каждая с сигаретой в... клюве. Воровка, утащившая пачку, наконец, все вытрясла из нее, разорвала в клочья и, сама оставшись без сигареты, обиженно затараторила на подруг, прेमного довольных дележом.

Потом они улетели на речку в черемухи, а мне пришлось идти к соседу просить займы махорки.

КУРЯЩИЕ СОРОКИ

Я убирал в палисаднике палую листву и чтобы не смять в кармане сигареты, выложил пачку на поленицу. Пачка была цветная, в яркой целлофановой обертке. Эта яркая обертка и привлекла сорок.

Сперва прилетели две. Посидели на заборе, повертелись, выжидая, когда я отойду за угол дома, и только отошел — живо на поленицу. Я не подумал, зачем сороки перелетели на поленицу, вообще не обратил внимания, а когда вновь увидел одну из них, невольно засмеялся. Да и как было не засмеяться: сорока сидела на телевизионной антенне с сигаретой в клюве... (Чуть было не сказал — во рту!). И не просто сидела, а делала такие уморительные движения, то приседая, то взмахивая крыльями, то вздер-

ТРАВЫ, ТРАВЫ...

Иван
БЕЛЯЕВ

Рисунки
З. Баженовой

Мое детство прошло в большом зауральском селе, где в первые годы Советской власти не было даже фельдшера, и каждый лечился по своему разумению или у бабок-знахарок. В нашей семье больше других понимала во врачевании бабушка Татьяна Михайловна. За печкой у нее висели пучки стародубки, чертополоха и богородской травы. Я и теперь удивляюсь, как при помощи такого скромного арсенала она ухитрилась вылечивать почти все болезни, нападавшие на нашу семью, родственников, а порой и на соседей.

В семье, кроме бабушки, как-то никто не интересовался врачеванием, поскольку она была надежным нашим щитом от болезней. Лишь к старости, когда болезни все чаще стали напоминать о себе, возник у меня интерес к травам, а потом это стало одним из моих увлечений.

Я настолько полюбил травы, что порой они мне кажутся малыми детьми: такие же чистые, светлые, беззащитные. Синие, голубые, золотистые глазенки трав смотрят отовсюду: с лесной опушки, обочины полевой дороги, от забора заброшенного сада. Бери их, лечись.

Настоящие травники к сбору растений относятся серьезно и торжественно. Само общение с травами возвышает душу человека. А профессия сказывается на его облике и привычках. Например, в большинстве своем сборщики не курят: табак тоже сильнодействующая трава и должна употребляться к месту и в меру. И виноградное вино — тоже растительное лекарство, питье которого без ограничения может непоправимо повредить организму.

Травы действуют хорошо, когда они собраны в срок, в должное время дня, правильно высушены и приготовлены. И я всегда удивляюсь, когда вижу, как бойко покупают легковверные люди на рынке у разных пройдох и жуликоватых бабок газетные пакетики с неизвестно где, как и когда собранными растениями.

С годами появляется какое-то интуитивное понимание сути воздействия даже небольшого количества лекарственных начал растительного мира на, казалось бы, крепчайший и выносливый, но в действительности такой же легкоуязвимый от своей высокой организованности человеческий организм. И возникает потреб-

ность в чистоте не только душевной, но и телесной. Даже при сборе полыни в совхозах Лекраспрома на рабочих надеты белые халаты, а уж при сборе более ценных и сильнодействующих трав чистота должна быть идеальной. И одеваются поэтому сборщики в светлую одежду, и мешочки под травы у них стиранные-перестиранные, а посуда мытая-перемытая.

Займется человек травами, и в характере его все большее место занимают доброта и благожелательность, ибо любое лечение, а особенно травами, это больше труд души, чем действие лекарства.

...Эти записки я начал много лет назад. И только для себя. В те годы к собирателям трав было такое же отношение, как к вейсманистам-морганистам, их проклинали и шельмовали, и охотников блеснуть в разговоре своей осведомленностью в траволечении находилось мало, а литературы почти не издавалось. Поэтому сведения об отдельных растениях-целителях и их применении приходилось собирать по крупицам.

За долгие годы узнал я, собрал и испытал (в первую очередь на себе) около сотни трав, а некоторые еще до сих пор не решаюсь проверять даже на себе.

Рецептура сборов лекарственных трав приводится в книгах о целебных растениях, дается на аптечных упаковках, поэтому здесь я ее не привожу и о лекарственных свойствах описываемых трав по этим соображениям стараюсь говорить лишь общезвестное.

Охота за травами, их поиски заставили меня порядком побродить по родной земле, побеседовать с десятками людей, перечитать массу книг, и принесли немало светлой радости. Наконец мне захотелось рассказать людям обо всем, что волновало и радовало меня долгие годы, и я вновь взялся за свои записки. Это не труд специалиста, да и специалистом я никогда не был, а скорее всего рассказ человека, любящего травы всем сердцем. Все они мне дороги, я долго не мог решить, в каком порядке о них рассказывать. И после долгих раздумий начал с трав бабушки Татьяны Михайловны, потом продолжил в той очередности, как они мне попадались в жизни.

Богородская трава

Начну с трав, висевших постоянно у бабушки за печкой, трав моего детства. Одной из них — пожалуй, самой главной, — была богородская трава. Где бабушка ее собирала и что лечила этой травой, — я до сих пор не знаю. Остался в памяти только приятный густой запах, чем-то отдаленно напоминающий запах карамели и еще — меда.

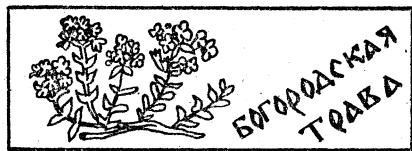
Теперь-то я знаю, что это тимьян ползучий, обычно называемый чабрецом, а иногда и чабером. В нашей стране произрастает 136 его видов, под Свердловском чаще всего встречается три: богородская трава, чабрец ложный и демьян душиной. Последние две травы к лекарственным не относятся, и их собирают по ошибке лишь неопытные люди.

Растет богородская трава и под Каменском-Уральским, и под Челябинском по склонам сухих песчаных холмов, наполняя воздух сильным ароматом, особенно после душного дня или перед грозой. Мы с братом Петром набираем для наших нужд чабрец на лесной поляне южнее города Копейска. А расходует его в основном для приманки рыбы. В отваре богородской травы черви выдерживаются около суток и становятся неотразимой приманкой для караса и карповых рыб. В малинку и мормыш подсыпают измолотую в кофемолке смесь богородской травы и остатков спитого чая, лучше зеленого. Окунь, чебак и другая озерная рыба берет на такую насадку куда более охотно, чем на обычную.

Профессор В. П. Луканин, автор книги «Лекарственные растения Свердловской области», рекомендует чабрец как отхаркивающее и успокаивающее кашель средство и указывает на применение его в народе от бессонницы и при женских болезнях. Всем известное лекарство пертуссин содержит жидкий экстракт чабреца, сахарный сироп и бромистый калий.

Трава вводится в различные сборы: за счет эфирных масел и тимола достигается мягчительный эффект и облегчается отделение мокроты. Распаренная трава, приложенная к пояснице, облегчает радикулит. Много еще полезных свойств у этой травки, и не зря она с древних вре-

мен пользовалась особым почетом. У русских людей до сих пор жив обычай подкладывать под тело усопшего пучки богородской травы. В Древней Греции чабрец бросали в костер при жертвоприношениях, и благовонный дым поднимался к небесам.

Хорошая травка чабрец! Если бережно относиться к зарослям, не вырывать растение с корнями, не вытаптывать, то будет оно служить человеку десятки лет. Садоводы используют его и для создания бордюров, и как почвопокровную культуру на бедных песчаных и супесчаных почвах, где он цветет с середины лета до морозов. Размножение чабреца семенами хлопотно, поэтому некоторые садоводы размножают богородскую траву черенками «с пятой».

Когда я рву богородскую траву ранним утром, пока еще эфирное масло не начало испаряться из маленьких овальных черешковых листочков, сидящих на нитевидном четырехгранном стебле, то чудится мне голос бабушки: «Корни не попортить! После нас сюда еще люди придут, а травка каждому нужна!»

Рвите чабрец, но берегите его корни. Помните: ваши потомки будут приходить на эти места за эликсиром от хвороб, утехой и радостью для взора, покоем и счастьем для души!

Чертополох

Из каждого похода за земляничкой или грибами бабушка Татьяна Михайловна приносила два-три стебля чертополоха. Теперь-то я знаю, что видов чертополоха около 120, но ни названия, ни описания того вида я до сих пор не нашел. Длинный, почти не ветвистый, с одной, редко двумя-тремя корзинками на вершине, растет он по негустым березовым и осиновым лесам. Дома бабушка сушила растение, складывала

его пополам и еще раз пополам и в таких пучках подвешивала за печкой. Лечила она чертополохом в основном ребятшек от испуга: кого корова пободает, которого лошадь лягнет. Но этой травой можно лечить и взрослых — от навязчивой мании, непреодолимого страха.

Видимо, настолько почитаема в народе эта трава, что даже способ обращения с ней иной, чем с остальными, и соблюдается он не только истинными сборщиками, но даже базарными торговками: травку сушат, каждую пополам складывают и еще раз пополам. Ни к одной траве нет такого бережного отношения!

Другие виды чертополохов: курчавый, почти надоедающий взгляду на выгонах; понижающий, частый гость на сельских проулках и задворках. Лекарственного значения они почти не имеют.

Чертополох, полошитель чертей, — травка, умеющая постоять за себя. Неизменный спутник жилья, деревенских улиц, оврагов и выгонов, частичка нашей природы.

Калган

Я вспоминаю свою первую встречу с калганом на заготовке дров в березовом лесу под Тюменью. Повалив и очистив несколько берез, мы садимся на ствол и отдыхаем.

— Ты знаешь, что это за трава? — спрашивает меня напарник. И тут же поясняет: — Калган называется.

Он топором выкапывает корешок, очищает от земли и разрубает. Открывается розоватая твердая сердцевина. Я внимательно разглядываю желтые цветки, разглаживаю листья — надо запомнить: это калган, им очень много болезней вылечить можно. И понос, и внутреннее кровотечение, и даже, говорят, опущенные кишок. А особенно хорош чай из корней калгана. Шоколадно-розовый, ровный, радующий глаз цвет, приятнейший, слегка терпкий и вяжущий вкус. Однако такой чай пить надо осторожно: закрепит так, что потом понадобится слабительное.

Любят калгановый чай рыбаки, охотники, лесорубы. Хорош он, заваренный так густо, чтобы чуть видно было дно чашки. Такой чай ценители не променяют даже на цейлонский.

Я каждый год копаю по осени корни калгана и зимой с удовольствием пью чай. Сразу выкопанный и заваренный корень как-то не то: дает не очень густой цвет, хотя вяжет сильно. Вот из полежавшего хотя бы полгода корешка — это чай! Срок хранения корней калгана — до шести лет.

Случайно я узнал, что, кроме поносов, экзем и прочего, калганом можно лечить и нервные болезни. В книгах, правда, я не встречал таких сведений, но, видимо, могут быть случаи врачевания: диапазон действия этого растения очень широк.

А. Н. Стрижев в своей книге «Лесные травы» пишет, что настоями калгана лечат воспаления и язву желудка, останавливают желудочные кровотечения, унимают изурительный понос, обезболивают зубную боль; мази и отварами пользуются при ожогах, выведении мокнувших экзем, заживлении ран, обморожении; водным отваром (20 граммов корня на литр воды) полощут горло от ангины и рот — от цинги; трещины на руках и ногах, обветренные, истресканные губы крестьяне издавна смазывали калгановой мазью, которую сами же и готовили: пять граммов мелко порезанных корней накоротке варят в стакане коровьего масла, смесь процеживают.

Что калганом можно лечить некоторые заболевания печени, я не раз слышал. Но хочется напомнить всем: не занимайтесь самолечением! Есть травы, которые могут только снять боль и внешние симптомы болезни, недуг просто утихнет, зато после, в период обострения запущенной болезни не поможет даже врач. Конечно, калганом, например, можно унять зубную боль, но в поликлинику-то идти надо обязательно и лечить зубы. И еще надо помнить, что, в отличие от лекарств, травы более избирательно действуют на людей: от приема какой-нибудь безобидной травки у иных больных дело доходит чуть ли не до приступа. Поэтому прием трав надо всегда начинать с минимальных доз.

Осенью или ранней весной накопайте десяток корешков калгана и попейте чаю из них: я уверен, что вы испытаете ни с чем не сравнимое удовольствие. А чтобы не рисковать, добавьте в чай кусочек коры крушины: вкуса это не испортит.

Стародубка

Эту траву я помогал собирать бабушке Татьяне Михайловне по берегам реки Крестовки. Берег там пологий, но весной его заливают редко,

а травы поднимаются плотным ковром, на фоне которого ярко выделяются пушистые кустики стародубки, называемой иногда за свои солнцеподобные цветы горицветом. Иногда по этому лугу вдоль реки прогоняли деревенское стадо, тогда еще многочисленное, приедалась вокруг вся трава, но стародубку коровы не трогали. Даже мы, ребятишки, это красивое растение не рвали зря — так уж были приучены.

Научное название стародубки — адонис весенний. Легенда говорит, что вечно юная прекрасная Афродита полюбила юношу Адониса, сына царя Кипра. Адонис погиб в схватке с кабаном. Афродита упросила бога Аида, чтобы он отпустил на полгода Адониса на землю. С тех пор с яркими лучами солнца приходит прекрасный юноша к людям: распускается в степи золотисто-желтый цветок...

Русское уральское название травы — стародубка. Очевидно, собирали наши предки эту траву под старыми дубами, которые в те далекие годы были, наверное, не редкостью на уральской и зауральской земле. Что дуб может расти в наших краях, подтверждает и опыт свердловского дендрологического парка, где дубы растут уже много лет без особого ухода и заботы. Кстати, дуб тоже лекарственное растение: отвар коры применяют как вяжущее и кровоостанавливающее средство, для лечения ожогов и полоскания десен.

Встречается стародубка по лугам вблизи рек, а один из видов — в Зауралье, по лесным опушкам и в березовых колках. Растение ядовито, и лечиться им можно только по указанию и под наблюдением врача.

Любителям набирать охапки луговых цветов посоветую этот красивый цветок лучше не рвать, а если уж очень захотелось иметь его в букете, то аккуратно срезать ножом, чтобы половина стебля осталась на месте. Весной от корня пойдет поросль, и вновь луг украсят золотисто-желтые цветы.

Синюха голубая

В 1973 году Юго-Западный район Свердловска, где я теперь живу, только-только начал заселяться. И в первую же весну на сыром лугу между двух водоотводных канав бывших торфоразработок я встретил эту травку — красавицу синюху, да еще и голубую. Каждый цветок — совершенство, а когда они собраны в густую прямую кисть, то и вовсе глаз не оторвать. В европейских странах, да и у нас, в Ленинграде например, садоводы любят украшать

свои сады синюхой. И только на участках свердловских садоводов я ни разу ее не встречал.

Очень целебная эта травка. Например, снимает боли, действует успокаивающе, причем ее действие в 8—10 раз сильнее валерианы. Особенно полезна синюха в сочетании с сушеницей топяной.

Каждый год я собираю, сколько могу, семена синюхи и раздаю, раздаю, раздаю... Знакомым, незнакомым — все равно. Пусть шире разрастается по нашей земле этот чудесный цветок!

Череда

— Надо начинать чередить избу, праздник скоро! — говорила бабушка Татьяна Михайловна маме, и начиналось скобление потолка, стен и пола. Потом все терли золой и мыли ведротами. После чередения все блестело: такой ослепительной чистоты мне не приходилось видеть и в самых ухоженных городских квартирах. А за последнее время и сам глагол «чередить» как-то незаметно выпал из разговора, да и вообще из русского языка.

Происходил этот глагол от светло-зеленой, по-особому нарядной травы с трехлопастными листьями и желтыми цветками, растущей по берегам рек, прудов, возле колодцев. Ее семена, снабженные природой матерью крючочками, осенью нещадно цепляются к одежде и к шерсти животных. Трава эта называется чередой. Делает она тело чистым от всяких кожных болезней (чередит кожу), смягчит и подкрашивает в золотистый цвет волосы. Отвары череды применяют внутрь при золотухе, рахите, а также как потогонное и смягчительное средство, наружно — для умывания, ванн, примочек, особенно детям.

Когда меня спрашивают, чем я лечусь от простуды, я отвечаю:

— Пятеркой. Это мать-мачеха и череда — потогонные, зверобой — противомикробный, душица — противокашлевая и чабрец — смягчительное. А все вместе, да еще с добавкой сухой малины, принято перед сном, заставляя ночью основательно пропотеть, убирает хрипы, дезинфицирует организм, прибавляет ему сил и надежно защищает, например, от гриппа. Это, так сказать, мой фир-

менный рецепт. А череда в этом рецепте играет, пожалуй, главную роль.

Чистотел

В Далматовском районе, где я родился и вырос, чистотела не знали. Знакомство с этой травой по книгам тоже мало что давало, и в моем понятии до последних лет чистотел был сорняком, произрастающим где-то в южных районах страны. Впервые увидел я охапку этой травы у женщины на автобусной остановке, узнал безошибочно и сразу же спросил, где она взяла.

— В саду выращиваю, сад только ради его и держу. Сыну сделали операцию на желудке и велели теперь принимать чистотел. Давно пьет этот настой, и ему очень помогает.

Когда я стал доказывать соседке Елизавете Александровне, что чистотел редкое растение, она рассмеелась:

— Да у нас в Шалинском районе он в каждом огороде, у всех заборов растет!

После, на центральном рынке у торговки, я купил пять полузавядших растений чистотела: молодых, выкопанных прямо с корнями. Дома, кроме консервной банки, подходящей посуды для него не оказалось, и я сунул все пять корешков в торф, насыпанный в банку. На подоконнике, под нежаркими лучами сентябрьского солнца, через неделю чистотел стал нежно-зеленым, пушистеньким, да таким красивым, что хотелось держать его вместо комнатного цветка!

Применение чистотела требует чрезвычайной осторожности. В рекомендуемых противораковых сборах на 100 граммов смеси трав вводится всего 0,5 грамма чистотела, потому эта смесь настаивается в литре вина и за день принимают всего 60—80 граммов настоя. Так что дневная доза чистотела весьма невелика, хотя он и является основным действующим началом противораковых сборов.

Из-за крайней ядовитости, если верить книгам, чистотел следует применять лишь наружно для примочек и ванн. Но известно, что восприимчивость к ядам у разных людей колеблется в широких пределах. Ефим, мой сосед, считал мухомор лекарственным средством и заготавливал его во множестве: три-пять грибов затапливал в бутылку водки, оставлял настаиваться в темноте, а потом регулярно пил это адское зелье.

— Отравишься! — в ужасе говорили знакомые.

— Наоборот, здоровей стану — ведь мухомор лучше всяких ле-

карств. Я вот долгие годы и пью настойку, и натираюсь ею от радикулита, и простуду ей же лечу, а никакой отравы не замечаю.

Может, найдутся люди, которые так же лихо, как Ефим свою мухоморную настойку, будут пить и настойку чистотела, но не следуйте их примеру: с этой травкой надо обращаться очень осторожно, и уж если решились ее принимать, то начинать надо с минимальных доз. Когда я держу в руках чистотел, то думаю, что природа дала нам обоюдоострый меч, которым можно уничтожить самого коварного врага, но которым можно насмерть поразить и себя.

Зверобой

Свояка Анатолия донимала боль от старой раны: в войну миной ее оторвало пятку, и с тех пор незаживающая рана то уменьшалась в размере, то расширялась. Врачи признали остеонелит и дали ему группу инвалидности.

Где-то я прочитал, что зверобой хорошо заживает раны, и решил попробовать. Отыскал в книжке рисунок и однажды у реки встретил похожее растение: те же пять лепестков, супротивные листья, четырехгранный стебель. Принес я его, измял листья и приложили к ране. Утром Анатолий сказал, что ноге вроде бы лучше.

Сомнения все же остались, я

еще раз перерыл книги и убедился, что это был вербейник: растение большей высоты, без точек на листьях, житель влажных мест. И в то лето во время покоса я на лугу при первой же встрече узнал зверобой.

Обязательное упоминание в каждой книжке о зверобое как о лекарстве от 99 болезней набило оскомину, но о нем трудно что-либо сказать новое. Он входит почти во все сборы как средство бактерицидное, ранозаживляющее и понижающее кровяное давление.

Каждый год я собираю зверобой по лугам и лесным полянам, вяжу в пучки, сушу под навесом, и зимой пью зверобойный чай. Может, поэтому за последние годы я ни разу не болел гриппом.

И еще мне хочется попробовать зверобой в качестве красителя: нейтральная вытяжка из цветов, пишут

в книгах, дает желтые и зеленые краски, а горячий настой, в зависимости от концентрации, — красную и розовую.

Из веток, стеблей, коры или листьев растений можно получать самые разнообразные цвета. Например, береза, полынь, толокнянка дают красящее вещество желтого цвета; бузина, можжевельник, тополь — зеленого; гречиха, черника, шалфей — синего; вишня, слива, крушина — коричневого. Ярко-синюю краску получают из корней спорыша, а из корней подмаренника настоящего, обильно растущего на наших лугах, раньше добывали красную краску (крап). Из желтых цветов этого же растения получали желтую краску для подкрашивания сыров.

Мы пробовали применять в качестве красителя душицу — все растение, — и получили прекрасно окрашенные стойкой палевой, почти розовой, краской шерстяные носки и шарф.

Крашение естественными красителями очень увлекательное дело. Получаются яркие, чистые цвета, не линяющие и не выгорающие под солнцем.

Мордовник

Было это давно, гостил я у деда Семена Герасимовича в Лукиной, деревеньке верстах в тридцати от Камышлова, и поехали мы с ним на телеге на покос. Дорога шла по отлогому восточному берегу реки Крестовки — конная дорога, вся заросшая конопотом (по-научному спорыш). Вдруг справа я увидел отдельные ветки странных, невиданных растений. Поразило, что они были сплошь сине-голубые. Все травы зеленые, а эти синие! Я спрыгнул с телеги и хотел веточку сорвать, но руку обожгла-боль: колючки впились в ладонь.

— Это Марья. От головной боли пьют, — пояснил он.

Синеватый стебель, колючие листья, синеватые шары-соцветия... Из книг позднее я узнал, что это был мордовник обыкновенный.

Есть в природе еще и мордовник шароголовый, который я встретил почти через тридцать лет близ города Березовского. Пишут, что шароголовый более целебен, чем обыкновенный. Мордовники применяются как лекарство при параличах, пониженном кровяном давлении, головных болях.

В совхозах Лекраспрома мордовником засеваются большие площади и из его семян получают различные соли алкалоида эхинопина, применяемого при поражении периферической и центральной нервной системы.

Одноцветка

В палате свердловского госпиталя для инвалидов Отечественной войны нас трое: Виктор Абатуров, я и Федор Иванович Обчинников. У Виктора когда-то немецкая пуля сквозь каску проникла к черепу, пробила его и застряла. Пулю выдержали, рану смазали, и пошел солдат снова в бой. Посчитали: пустяк. А через тридцать лет обернулся этот пустяк страшными головными болями. Поэтому Виктор большую часть времени молчалив и сосредоточен.

Федор Иванович, наоборот, оживлен, все время сыплет анекдотами и случаями из жизни. Привезли его в палату однажды вечером на каталке. Ушел утром на рыбалку, там открылась рана на бедре, и он еле добрался домой. Рентген показал, что плохо сросшаяся кость разошлась, а концы ее начали гноиться.

Узнали мы, что много он лечился, в том числе и травами. От жены его, Клавдии Сергеевны, услышал я впервые о таинственном цветке лютике белом, который из-под полы продают на базаре торговки травами аж по пять рублей за горсть. И нужно эту горсть сухих растений с цветками настоять в поллитре водки и пить по столовой ложке перед едой. И излечивает этот настой внутреннюю грыжу, чего не может сделать ни одна трава, не говоря уже о лекарствах аптечных.

Я попросил несколько растений, распарил их и поместил в свой гербарий. После случайно наткнулся в книге на их фотографию и описание и узнал, что это была одноцветка. Относится она к реликтовым и изредка встречается в начале лета, в мае, в густых темных борах на толстых моховых подушках.

Дремлет спокойно белый поникший, как бы подвешенный на тонком стебельке, цветок размером с двухкопеечную монету. И пусть ничья рука не поднимет его сорвать. И я не рву, хотя знаю, что он принес бы облегчение там, где может принести его только нож хирурга. Вот так и разрывается душа между стремлением сделать добро человеку и желанием сохранить редчайшее растение, которое нашим потомкам, может быть, и не дано будет увидеть.

Сушеница топяная

Есть травы, которых в одних местах очень много, а в других днем с огнем не сыщешь. К таким травам относятся, например, солодка, или сушеница. Там, где она есть, ее

корни плугом выпахивают, а в иных местностях и одного растения не найти. В Свердловской области я солодки ни разу не встретил и ее запасы для своих нужд пополняю во время поездок в город Копейск, где ее относительно много.

Есть травы, которые урожайны годами, как брусника или рыжик. Так, не каждый год бывает обильным урожай зверобоя, но особенно это относится к сушенице топяной. Пожалуй, дольше всех не попадалась мне на глаза эта травка, невзрачная на вид и могучая силой. И вот в деревне, где я лет тридцать отдыхаю каждое лето и где не раз пытался найти сушеницу, наконец-то я ее встретил.

Шли мы с женой с грибами от Темняковских выпасов и стали переходить Барсуков лог в том месте, где на полкилометра размесили его тракторы и телеги, перемешали с глиной жирный сибирский чернозем. И на этой полосе подсохшей дорожной грязи увидел я сушеницу. Сначала кустик, потом еще один, еще... С полкилометра шли мы дорожной грязью, уже подсохшей настолько, что ноги не вязли, срывали низенькие разлапистые кустики, отряхивали семена и клали в сумку. Семена у сушеницы созревают не сразу на всех головках, они мелкие и похожи на войлочную желтоватую пыль, но с каждого растения при ударе обязательно слетает желтоватым облачком и ложится на землю кучка семян. Часть растений, особенно молодых, мы оставляли через регулярные промежутки — на семена. Теперь осталось ждать благоприятного года и идти в Барсуков лог за сушеницей топяной.

Отдельные, буквально единичные экземпляры находил я в то лето на заиленных берегах речки Кармак, а два кустика — даже на высоком берегу Пышмы за Мостовщиками. Всего же в то удачливое лето я насытил этой травки около двухсот граммов — достаточно, чтобы, например, в сочетании с синюхой залечить язву желудка или стойко снизить кровяное давление у гипертоника.

Когда мы высушили собранную траву в теплой печи, на газетке остались семена, которых набралось почти две спичечных коробки. Я взял железные грабли и на топком берегу речки Кармак, на наносном иле, прочертил бороздки и посеял сушеницу. Интересно, вырастет ли? Синюха, например, из семян подзимнего посева вырастает хорошо, в этом я убедился. Но где-то сушеница растет и более обильно, потому что у базарных теток она никогда не переводится.

В книгах пишут, что сушеница топяная применяется при лечении язвы желудка и двенадцатиперстной кишки вместе с синюхой голубой, а отдельно — для снижения артериаль-

ного давления. Профессор В. П. Луканин в книге «Лекарственные растения Свердловской области» указывает, что в его клинике применяли сушеницу при различных неврозах сердца и заболеваниях желудочно-кишечного тракта и достигали хороших результатов.

Рецепты применения сушеницы, как и других распространенных трав, даются почти в каждой книге о растениях-целителях, а выпуск этих книг увеличивается, поэтому любой легко может выбрать такой способ применения, какой ему подойдет.

Пустырник

Нам с женой как-то в середине мая дали путевки в дом отдыха Шилово. Около дома отдыха протекала мутная Исеть, где у берегов еще лежал лед, а на дне в промоинах виднелись скелеты погибших от замора рыбешек. На высоком берегу стояла старая каменная мельница, когда-то до революции молотовая отличную сеянку из пшеницы.

И вот здесь, вблизи больших квадратных быков кирпичной кладки, между которыми еще виднелись остатки двух водяных турбин, с их южной стороны после первых солнечных дней стала пробиваться пышными ярко-зелеными султанчиками травка. Сперва было трудно понять, что это, а когда вышел третий-четвертый лист, стало ясно, что это пустырник. Еще утрами сеял снежок, ходили по нему голодные, поторопившиеся прилететь зяблики, еще березовка намерзала ночами на стволах длинными розоватыми сосульками, а пустырник поднимался все выше и выше.

Мы натянули в комнате нитки и на них развесили пучки зеленой травы. К концу пребывания в доме отдыха у нас был небольшой запас целительного растения. Вообще-то пустырник нужно собирать в начале цветения, тогда он по своему действию во много раз превосходит пропавшую валериану: успокаивает центральную нервную систему, понижает артериальное давление, снимает одышку.

Заглянул я любопытства ради в «Лекарственные растения в ветеринарии» и сразу же, в начале книги, нашел пустырник, и не только пятилопастный, но и сердечный, и татарский. Все они при лечении живот-

ных применяются в качестве успокаивающего средства, для регулирования сердечно-сосудистой деятельности. А в медицине, кроме того, при гипертонии и как мочегонное. Настолько разносторонне действие пустырника, что, кажется, ни одна болезнь против него не устоит.

Ответит пустырник, станет колючим и серым, нет-нет да и царапнет идущего по пустотру. Но не расклинайте этого недотрогу — все мы к старости становимся колючими. Зато весной и летом кожу рук нежно гладит темно-зеленый сверху и светлый, почти белый, снизу лист пустырника.

Козлобородник

В июле мы косили широкую ложбину среди полей. Ее пологое устье уже начало зарастать кустами черемухи и боярышника, а в верховьях, где ложбина суживается, травы стояли отменные, аж скрипели под литовкой в росные июльские утра.

Каждый год тысячи лет подряд скатывались вешние воды по этой ложбине, частица по частице уносили в речку Кармак, а из нее — в Пышму мезозойские глины, поток ежегодно менял свое русло, и вот ныне здесь покос с его разнотравьем и обилием цветов. Правда, ездят по нему на мощных тракторах, сыплют на него, попутно с полями, и гербициды, и удобрения, и солону осеню свозят с полей, и понемногу, но все же заметно меркнет с годами буйство трав. И видно это в основном по козлобороднику. Сколько его было на лугу в прошлые годы! Когда, бывало, идешь утром, а солнце в это время за спиной, душа радовалась: в синеве вероник и луговых гераней, чуть выше сиреневых цветов короставника, на прямых ветвистых стеблях тянутся навстречу золотисто-желтые, молодые и лимонно-желтые, уже начинающие отцветать, цветы козлобородника. Солнце в небе и тысячи солнц на лугу сияют в такое утро. Но в полдень цветы закрываются, и луг приобретает синеватый оттенок: вероники дубравные, вероники лекарственные, кровохлебки, короставники, герани...

По самому водостоку луга торчат белые с розоватыми боками султаны лабазника, иначе называемого таволгой вязолистной, а ближе к кустам тальника и прямо в кустах такие же султаны таволги шестилепестковой, тоже называемой лабазником. Медовый аромат струится от них в жаркую пору, медом пахнет и лабазник, заваренный крутым кипятком.

В самой ложбине, в водомонах, желтеют куртины пижмы. А до

краю ложбины царство подмаренников: густым медовым настоем пахнут узорные желтые головки-соцветия подмаренника настоящего, белыми снежками маячат соцветия подмаренника северного, а подмаренник цепкий ушел в поле и там тянется к солнцу, цепляясь за стебли злаков и полевых сорняков. На более крутых глинистых склонах желтеет донник — лекарственный — молокогонная трава.

И все же краса луга — козлобородник. Краса и показатель его благополучия: это растение не переносит вытаптывания, и если луг превратит хотя бы ненадолго в выпас для скота или проехать на тяжелом тракторе, то много лет не видать и на этом месте золотисто-желтых цветков-солнышек.

На скошенном лугу козлобородник успевает еще раз зацвести, как бы еще не веря, что сняли ему буйную голову острой косой. Однажды утром в конце августа поехали мы посмотреть зароды на покосе. Мотоцикл неторопливо катился по густой отаве, среди которой высоко поднимались уже успевшие отрасти листья борщевника. И когда выехали к сужению ложины, ахнули: над густой зеленой отавой, сверкавшей каплями росы, то тут то там, почти с правильными интервалами в 15—20 метров качались на ветру на тонких светло-зеленых стебелках огромные яркие цветы козлобородника.

С детства люблю я это растение. Ранней весной бегали мы на луг, рвали молодые листочки кислицы и нежные, чуть горьковатые, листики молочая — так называют козлобородник за то, что в месте отрыва листа или стебля у него выступает густой молочно-белый горький сок. Говорят, что корни его можно отваривать в соленой воде и есть как овощи, но я в детстве не пробовал, а на старости лет не решаюсь губить такое прекрасное растение ради одного корешка.

Живет на Земле прекрасное растение с мягким сочным стеблем, сидячими листочками, похожими на козляные бородки, прекрасными золотыми цветами, радуется росам и солнышку, радуется людские сердца — и слава ему! Не давите его колесами, не наступайте тяжелыми сапогами, не живите по пословице: «После нас хоть трава не расти!». Будем жить на земле и радоваться, а когда уйдем — пусть буйно растет на лугах трава нашей молодости, а над ней пусть качаются на ветру золотые корзинки козлобородника!

Черемуха

Близ дома отдыха над речкой Баранчой уйма черемухи. В конце мая она вся в цвету. Женщина срывает

белые кисти и складывает в полиэтиленовый мешок.

- Зачем это вы?
- Глаза лечить.
- А как?
- В журнале «Крестьянка» написано.

Нашли журнал, прочитали, набрали черемушного цвета. Не наткнулись мы случайно на эту женщину, вряд ли смогли бы в стремительном потоке информации найти новые сведения о, казалось бы, давно всем известной черемухе. И странно слышать от знакомой студентки медицинского института, что она обычно пропускает лекции о лекарственных травах.

Знакомые незнакомцы

Много мне приходилось беседовать с людьми о травах, выслушивать рассказы, порой очень правдивых, а то и самых невероятных. И часто кончались ничем расспросы о названии травы, так как точного ботанического и научного, а тем более латинского названия обычно никто не знал. Чаще бытуют местные названия, у иной травы их бывает до десятка, а дать точное описание травы для человека, не сведущего в ботанике, чрезвычайно трудно.

Наша соседка однажды с восторгом рассказывала про чудесную траву, которая легко и безболезненно сводит бородавки.

— Так и называется бородавчатой травой.

— А как она выглядит?

— Невысокая, фиолетовые цветочки, по лесным опушкам растет. Даже два вида бывает.

Гадали долго, называли разные травы, показывали гербарий — все не то. Наконец взяли школьное пособие для 5—6-х классов И. В. Ивановой «Что растет вокруг тебя» и там нашли бородавчатую траву. Это оказалась черноголовка. Цветки у нее сине-фиолетовые, собранные на конце стебля в густое соцветие, растет она по лугам, опушкам и полянам. Применяется как жаропонижающее, мочегонное и противомикробное средство. Правда, припарки из травы делают при различных воспалениях кожи, возможно, и от бородавок.

Пришел я однажды зимой с ры-

балки, жена прямо с порога спрашивает:

— Есть у нас календула?

— Есть.

— Разве? Соседка просила для примочек на глаза, а я сказала, что у нас календулы нет!

— Так это же ноготки.

— Да ну?..

Много путаницы в названиях. Путают вереск и верес (можжевельник), одноцветку зовут белым лотиком, конотопом называют несколько трав (спорыш и другие), адонис даже в литературе зовут горницецветом, а в народе стародубкой. Бессмертников известно около 500 видов, цмин песчаный в народе да и в литературе нещадно путают с кошачьими лапками, а бедные чертополохи, которых на земле около 120, из них 40 видов произрастают в нашей стране, так и не имеют приличного названия. Все чертополохи, да и только. И никто не знает, например, как точно называется тот единственный вид, который обладает свойством излечивать детей от испуга и который есть в продаже у каждой базарной бабки.

Много есть названий, которые я не могу отнести ни к одной траве, хотя знаю, что они часто упоминаются в нашей местности. Что такое бузика? Что такое покрыт-трава, о которой упоминала мама? И так далее.

Поэтому, описывая травы, я старался придерживаться их общепринятого литературного названия, хотя это порой и представляло определенные трудности.

Лесные чаи

Со свояком Анатолием Харламовичем мы выехали на рыбалку поздним вечером. Час езды на мотоцикле, и мы у небольшой безымянной речушки в месте впадения ее в Пышму. Еще темно. Хотя июньские ночи и коротки, но рыбачить можно будет только часа через два.

— Чайку бы... — мечтательно говорит Анатолий. — Чугунок взяли, а чай забыли.

— Дело поправимое, — говорю я и спускаюсь к берегу, чтобы наломать веток густо растущей тут смородины.

В чугунок набили веток, залили водой и поставили на костер. Через полчаса был готов душистый смородиновый чай, чуть отдающий дымком.

— Ради чая — и то стоило ехать на рыбалку, — улыбался в темноте Анатолий.

Чаем в моем понятии называется такой же отвар трав, какой применяется для лечения ряда болезней, только концентрация активных веществ здесь значительно меньше и

преобладают травы ароматные, не имеющие горечей. Кроме того, в таких чаях нет кофеина, возбуждающего нервы, и поэтому их можно смело пить на ночь. И обычно в них много витаминов.

Самый мой любимый чай — калгановый, за ним следует чай из плодов шиповника со смородиновым листом, потом — из кипрея, черный байховый с мятой, лабазниковый, пахнущий медом... А есть еще липовый, зверобойный, чай из душицы. У каждого чая свой цвет, аромат и букет, свои полезные свойства.

Пейте лесные чаи — получите и удовольствие, и пользу: ведь они и бактерицидные, и потогонные, и витаминные.

Пью лесной чай, и навевают его запахи, его ароматы приятные воспоминания о лете, о солнечных погожих днях, даже детство почему-то вспоминается — и невольно молодую душу. Слава и хвала вам, калгановский корешок, душистая мята, медовая таволга, целительный зверобой!

Вкуснейшие лекарства

Нет в мире вкуснее лекарств, чем лесные ягоды. Теплые, нагретые солнцем, ягоды земляники и клубники, прохладные, приятно охлаждающие пальцы, — лесной смородины, душистые и нежные — малины. И все-то в них есть: глюкоза и кислоты, фруктоза и витамины, микроэлементы и минеральные соли. Помогают они при гастритах (калина, клубни-

ка) и пониженной кислотности, (отвар брусники с листьями), при расстройствах желудка (черника) и запорах (крыжовник), при заболеваниях печени (настой из плодов и листьев земляники и клубники) и от простуды (малина), от ревматизма (брусника, черная смородина) и гипертонии (боярышник). Но даже если и не вылечится человек ягодами, то все равно ощутит прилив здоровья, сил и бодрости. Бывает, конечно, и аллергия к ягодам, но у кого она есть, пусть тот завидует всем, у кого ее нет!

Травы в русской бане

У Агнии Петровны большая тетрадь в черном колениковом переплете, где она, полуграмотная, крупными буквами, без запятых и прочих знаков препинания, записывает всяческие жизненные наблюдения, в основном медицинского характера. И что характерно — большинство ее заметок связано с русской баней.

Люблю я баню, нашу, русскую, с самого раннего детства. Бывало, в баню ходили мы всегда вдвоем с дедом: моя обязанность была вздавать — плескать ковшем воду на каменку, чтобы поднимался от нее сухой пар. Дед, лежа на полке, слегка помахивал веником вдоль лопаток, потом проходил по спине и бокам, потом командовал поддать жару, а сам надевал рукавицы и шапку. Я выплескивал на каменку полный ковш воды и тут же нырял под полку, где и отсидивался, пока дед с блаженным побрякиванием обжигал себя роскошным, им самим лично наломанным в нужное время и в нужном месте березовым веником. После этого, если зимой, то мы выбегали кататься в снегу, летом — обливались ледяной водой. Потом приходила моя очередь ложиться на полку, и дед осторожно, в малом жару, прохаживался по мне веником. Никогда уж мне не испытать минут такого удовольствия.

Что касается лечебной стороны, то ведь еще в древних книгах писалось, что «...бани российские, конечно, заступают место двух третей лекарств».

Из березового веника выделяют лекарственные вещества и витамины, делают кожу мягкой и эластичной, укрепляют и смягчают волосы на голове, приносят бодрость и свежесть всему телу, улучшают кровообращение, стимулируют дыхание. Сухой пар усиливает потоотделение и облегчает тем самым работу почек, помогает согнать лишний вес.

На раскаленную каменку можно в небольших количествах бросать семена лекарственных трав, и тогда, смешанные с ароматом березы, смоляной сосны, влагой родниковой воды, эфирные масла и алкалоиды будут прекрасным составом для ингаляции легких, горла и носа. Тело всегда можно обмыть перед выходом из бани настоем ароматических или лекарственных трав, и оно жадно впитает в распаренные поры целебный эликсир.

Париться в бане можно не только березовым или дубовым веником. При остеохондрозе и радикулитах обычно парятся вениками из крапивы и конопли, лежат на полке на них спиной. Говорят, что и при исправлении косоглазия большого па-

рят вениками из конопли, потом обкладывают лицо распаренными ее листьями и начинают показывать ему яркий или блестящий шарик: гимнастика распаренных глазных мышц после нескольких сеансов якобы исправляет косоглазие.

Большие любители бани — женщины: красу девицью, косу, можно вымыть настоями трав, и станет она мягкой, пышной, а если нужно, то и золотистой. Крапива, хмель, репей и еще десяток трав пригодны для этого. А если заведется перхоть или появится зуд, то есть против них чистотел, будра, череда.

В бане в прежние времена бабки с успехом «правили» больных: вправляли вывихи, излечивали опущение кишок, надсад, мяли поясницу, ослабляли боли от радикулита. Многие умели делать эти бабки, начиная с простого массажа для снятия усталости до лечения десятков хвороб как взрослых, так и детей.

Не мешает напомнить, что баня, как и всякое сильнодействующее лечебное средство, требует разумной осторожности и строгой дозировки.

Послесловие

Почти каждое растение чем-нибудь да целебно. В книгах я встречал упоминания примерно о ста двадцати лекарственных травах, произрастающих в наших краях, однако здесь я упоминаю лишь о двух десятках, хотя собрано их у меня в гербариях и в запасе около семидесяти. Просто нет нужды приводить сведения из других книг, писать о том, что самим не пережито.

Нянечка

**Александр
ЧУМАНОВ**

*Рисунки
В. Ганзина*

Феня приходит на работу в шесть утра, хотя нужно на час позже, и за всю жизнь не было случая, чтоб опоздала. Она открывает двери ясель своим ключом, который ей с незапамятных времен безраздельно доверен.

Обязанностей у ясельной няни много. Она моет полы три раза в день, кормит детей, сажает их на горшки, одевает на прогулку и раздевает потом, укладывает спать... Кроме того, во всем помогает воспитательнице.

Больше всего Феня любит, в чем, конечно, никогда никому не сознается, если воспитательница заблеует, и заведующая просит ее поработать одну. Все в садике об этом давно знают, знают и родители детей и тихонько посмеиваются иногда.

Оставаясь одна, Феня Ивановна поспеивает всюду. Она рассказывает детям сказки, многие из которых на ходу выдумывает сама, показывает диафильмы, проводит занятия. Она моментально приспособляется к почти ежегодно меняющейся программе и, несмотря на свои четыре класса, оконченные лет сорок назад, вполне справляется со всеми трудностями.

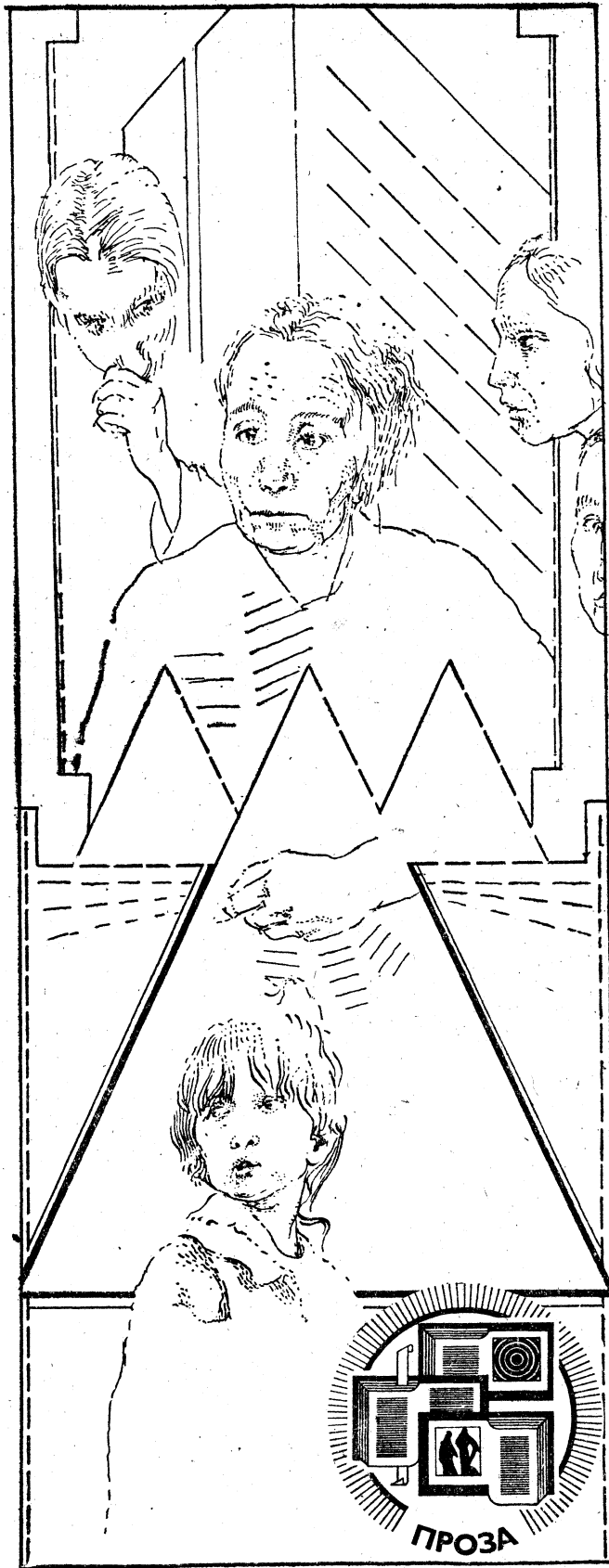
Детей Феня не наказывает никогда. Она делает обиженное лицо, кажется, что вот-вот заплачет, умолкает, и дети сами начинают успокаивать свою няню. Впрочем, они редко обижают Феню. Она участвует в их шумных играх, восстанавливает справедливость прежде, чем кто-то подерется из-за игрушки.

Еще нет и семи, а первый заспанный родитель уже, шумно дыша, вбегает в раздевалку, неся на руках неумело одетого ребенка.

«Феня Иванна! — кричит он с порога свои обычные слова. — На работу опаздываю, вы уж, пожалуйста, разденьте Ленку сегодня сами!»

Феня отпускает вечно спешащего папашу, раздевает невysпавшуюся и орущую оттого Ленку, тащит ее в группу кормить рыбок в аквариуме. Постепенно девочка успокаивается, принимается за игрушки.

Скоро раздевалка наполняется народом. Многие дети плачут. Феня вытирает им слезы

и сопли, меряет температуру, смотрит горло... Воспитательница приходит позже.

Иногда некоторые молодые воспитательницы, как правило, «ставят на место» Феню. Она очень обижается, растерянно приглаживает редкие седые волосы, отходит. Но сердится недолго, быстро все забыв, снова вмешивается, снова дает советы, снова берет на себя, если не всю, то большую часть работы.

Вечером, если воспитательницы нет, Феня необыкновенно строга. Она сидит за столиком в очках и, когда кто-нибудь из детей с диким воплем: «Мама!» бежит к дверям, его останавливает суровый оклик: «Отпрашивайся!». Ребенок несколько раз мямлит что-то. Двое при этом ждут педагогического эффекта, третий — когда сжалится Феня Ивановна, зная, что это случится скоро.

Бывает, что родители по разным причинам вечером опаздывают намного. Тогда, вымыв пол и прибравшись, Феня ведет детей в свою девятиметровую комнатенку. Для таких случаев у нее все есть. Игрушек и книжек у Фени не меньше, чем в садике. Конфеты и лимонад не выходят никогда. Есть даже кровать на колесиках, потому что иногда нерадивые родители не приходят вечером вовсе.

Однако, как правило, все бывает в порядке. Если пустеют, и только у Фени в группе еще долго горит свет. Феня моет с мылом игрушки, пылесосит всевозможных «мишек» и «кисок», принесенным из дома уютком переглаживает детские штанишки и кофточки, не доверяя прачечной.

Домой Феня возвращается поздно. Она выпивает стакан чая с булочкой, ложится спать и долго не засыпает.

Своих детей у Фени нет и никогда не было. Замуж в свое время никто не взял — еще в детстве она поранила руку и, когда пошла гангрена, руку пришлось отрезать по самое плечо...

Бестолковый

СНЕГ

Бестолково падает снег. Бестолково потому, что на дворе весна, он вскоре и так растает, смешается с мутными потоками талой воды и умчится невесть куда. Может, в море-океан, а скорее в канализацию. Сами мутные потоки, конечно, тоже снег, но то другой снег, поживший, повидавший всякие зимние виды, сделавший свое белое дело.

А этот? Для чего он падает? Да еще вот пошел крупными хлопьями, кружит, как настоящий, за каких-то полчаса покрыл землю ослепительно белым слоем. А потом выглянуло солнце и за несколько минут восстановило прежний весенний вид. И вода в ручьях от этого, такого чистого белого снега, прозрачней ничуть не стала.

Вот опять набежала туча, ветер сыпанул в лицо холодной колючей крупой. Это не снег. Это то, что должно было быть дождем, но где-то сверху, очевидно, распорядились иначе.

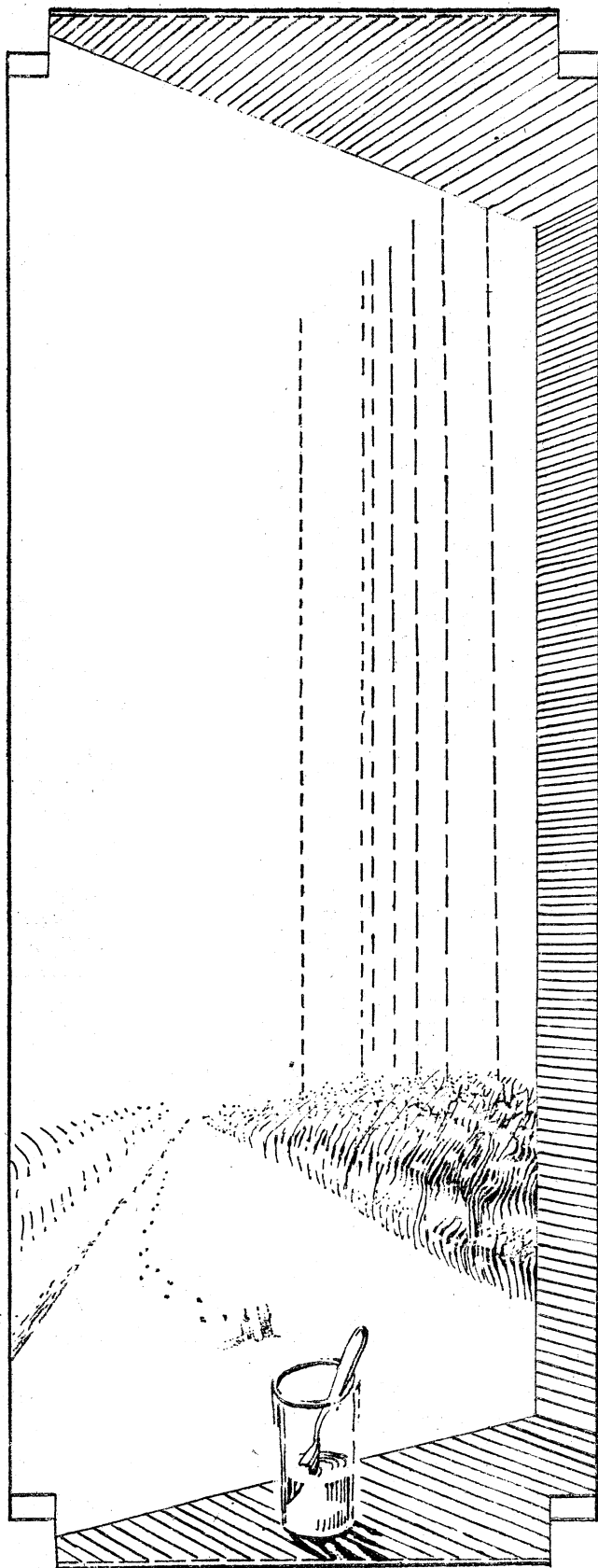
Весенний снег, по-моему, не любит никто. Натерпелись, намерзлись. А он идет и идет. Совсем уже было погода направились, асфальт просох, только местами, где засорились дренажные трубы, вода выходила на дорогу и весело звенела, перетекая на другую сторону.

«Сдурела погода!» — говорит бабушка. Это ее обычные слова, бабушка сильно не любит подобных беспорядков в природе. Да к тому же старые кости дают себя знать...

Не нравится снег и собакам. Зимой, в морозы, помнится, стаями кружили по поселку, разобравшись по ранжиру, дрались, любилась, обнюхивали столбы и ставшие редкими теперь помойки. А сейчас смотрю в окно — ни одной. Нет, вот одна — поджала хвост, нахохлилась грустно и стоит под крышей. А, узнаю, это та, которая боится всех и вся. Видать, не сладко ей жилось у хозяина, если таковой был когда-нибудь.

Вообще-то наших поселковских собак я знаю всех или почти всех, у тех, что подоверчивей, знаю клички.

Никогда не выбрасываю кости, обрезки колбасы и прочий собачий деликатес. Иной раз вынесу, а собак, как назло, — ни одной. Отправляюсь по помойкам разыскивать. Смешно и неправильно в санитарном смысле поступаю,

наверное. Но я страсть люблю наблюдать, как совсем недавно боявшаяся меня, как огня, да и не только меня, животное счастливо хрюкает косточками и благодарно поглядывает. Чувствую себя в это время не то, чтобы благодетелем, — противное это слово, — чувствую себя просто хорошим человеком. А что может быть приятнее?

Снег, однако, налачился, кажется, не на шутку. Грустная погода. Вот и последняя пшина куда-то направилась, ступая озябшими лапами по запорошенной грязи. Наверное, счастье искать. Собачье счастье простенькое — конура да миска похлебки, да чтоб не били... А попробуй найти.

Осенний дождь имеет больше смысла, хотя явление тоже малоприятное. Но зато первая примета будущего неурожая, если снег упал на сухую землю. Поэтому к дождю поздней осенью относятся терпимее. Да и идет-то он не сказать, чтоб впустую. Ударят морозы, грязь превратится в монолит, а там снег падет. Глядишь, весной бывший дождь и бывший снег потекут в одном русле.

В такую погоду хорошо топить печь. Не затем, чтобы тело согреть, в доме и так тепло, а вот душе почти всегда хочется чуть обогреться. В такую грустную погоду особенно. Но печки нет. Давным-давно живу в квартире с центральным отоплением. Был очажок в кухне, и тот в прошлом году развалили, газовую плиту поставили...

Снег и не думает переставать. Уже, пожалуй, настолько хорошо прикрыл грязь, что можно пройти, не запачкав ботинок.

Представляю, как кто-то, придя сейчас домой и зная, что никуда сегодня больше идти не надо, раздевается, клянет погоду, дует на руки, садится за стол. «Эх, — думает, — сейчас поем, чайку попью, сяду в кресло, включу телевизор!.. Лафа-а-а!» В хорошую погоду так обычно не думают.

Смеркается. Если бы не снег, день продлился бы еще немного. Но снег, обладающий некоторыми правами зимы, укорачивает день.

«...На днях все равно станет ясно», — рассеянно думаю я.

Идут письма Чапаевцу...

В Челябинске в доме № 61 по улице Туристов живет ветеран партии и труда, участник гражданской и Великой Отечественной войн, бывший шофер легендарного комдива — Василий Васильевич Козлов, автор книги «Рядом с Чапаевым».

В его адрес почтальон часто приносит письма из разных городов и сел нашей Родины, из других стран.

Бывший командир взвода интернационального полка Чапаевской дивизии Милош Колеча пишет из югославского села Меленцы:

«Брат мой и друг, Василий! Нас, добровольцев сербского батальона, сражавшихся под командованием народного героя Чапаева, из одного села было 23 человека, а теперь в живых осталось десять. Уходят годы... Но мы никогда не забудем, как вместе с русскими, поляками, эстонцами, татарами, башкирами и другими братьями боролись за революцию, как освобождали от врагов города Самару, Бугуруслан, Белебей, Уфу.

Мы детям своим и внукам рассказываем о тех незабываемых годах, советуем им, чтобы они своим детям и внукам

передали, как мы воевали за Советскую власть, как надо любить великий советский народ, дорожить его дружбой».

У Василия Васильевича хранится альбом фотографий времен гражданской войны. Вот снимок М. В. Фрунзе, тут же фотография боевого ординарца Чапаева — Петра Семеновича Исаева. Он — рядом с Н. Хлебниковым, ныне генерал-полковником артиллерии. А вот фотографии Сидора Артемовича Ковпака, прославленных летчиков М. Т. Слепнева и А. В. Белякова. Все они — чапаевцы — в те огненные годы были молоды: В. И. Чапаеву был 31 год, Н. Хлебникову, командовавшему артиллерией дивизии, — 24 года, Петру Исаеву — всего 21 год, совсем юной — 18-летней — была Мария Попова, прототип Анки-пулеметчицы в романе Д. А. Фурманова «Чапаев».

Сейчас В. В. Козлову уже перевалило за 80 лет. Он на заслуженном отдыхе, персональный пенсионер. Но он еще выступает перед молодежью, рассказывает о подвигах Чапаева и его бойцов.

Георгий БАЗЕКИН

Домик в Астрахани

В Астрахани сохранился небольшой полутораэтажный, с каменным низом и деревянным верхом, дом на улице Ульяновых. На стене — мемориальная доска с надписью: «Здесь жила семья Ульяновых: дед Владимира Ильича — Николай Васильевич, дядя — Василий Николаевич, отец — Илья Николаевич».

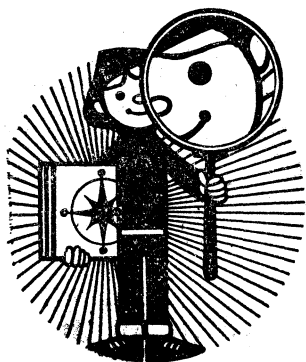
Дом был куплен Николаем Васильевичем в 1820 году у лафетного подмастерья Федора Липаева.

В залах Астраханского краеведческого музея экспонируются большие стенные часы с позолотой и с ажурными черными стрелками и старинный шкаф, взятые из дома Ульяновых.

В Астраханском архиве обнаружен документ, из которого видно, что портной Николай Васильевич Ульянов, родом из крестьян, пришел в Астрахань из Новопавловского селения в 1808 году.

Дому в Астрахани, где жила семья деда В. И. Ленина, более ста шестидесяти лет.

Борис ЕФИМОВ

МИР

НА ЛАДОНИ

Сергей Платов
из Перми

«Курск — Берлин. Платов Сергей Иванович...» В майские дни 1945 года такая надпись появилась на одной из колонн рейхстага. А фронтовой фотокорреспондент А. Морозов успел заснять солдата, сделавшего эту надпись. И разошлась фотография по свету в газетах, журналах, альбомах. Даже Кукрыниксы запечатлели ее в одном из своих рисунков.

А недавно коллекции филателистов пополнились новым маркированным конвертом. За основу рисунка на нем художник А. Савин взял все ту же фронтовую фотографию.

Журналисты долго искали солдата, изображенного на снимке, думали,

что он родом из Курска. А оказалось, что Сергей Иванович родился и сейчас живет в Перми.

...Шестнадцатилетним паренком после окончания ремесленного училища пришел Сережа Платов на завод — точил корпуса мин, снарядов. В неполных семнадцать был призван в армию. Поначалу попал в запасной полк, получил звание сержанта, но отправка на фронт задерживалась: Платову поручили обучать пополнение. Все рапорты с просьбой отправить на фронт начальство оставляло без внимания. Тогда-то и возникла мысль — написать письмо маршалу Ворошилову. Неожиданно быстро пришел ответ, в нем говорилось: «Просьбу удовлетворить при условии, что оправдает доверие...» Так тогда ставился вопрос: отправляли на фронт — слово награждали человека...

Попал Платов в разведку и боевое крещение получил на Курской дуге. Прошло несколько месяцев, и на груди солдата засиял первый орден Красной Звезды. Освободил потом Сергей Платов Ковель, Брест, Люблин, лагерь смерти Майданек. И вот последнее наступление на Берлин...

После демобилизации солдат вернулся в родной город, снова стал работать на заводе имени Ф. Дзержинского, потом перешел на телефонный завод, где трудится и по сей день...

Аркадий СОЛАРЕВ

Первый орденосец

В декабре 1920 года на VIII Всероссийском съезде Советов в Москве был учрежден орден Трудового Красного Знамени.

В обращении съезда говорилось: «Честь и слава тому заводу, тому сельскому обществу, тому отдельному работнику, кто первым получит от Республики орден Трудового Красного Знамени».

В июле 1921 года первым орденом Трудового Красного Знамени был награжден крестьянин Быховского уезда Гомельской губернии Н. З. Минчуков.

Он совершил подвиг при защите от ледохода Чигиринского моста, имевшего в то время оборонное значение. Орден ему вручили в селе Чигиринка у сельсовета под звуки оркестра. Тут же Н. З. Минчуков получил и подарки — отрез шерсти на костюм и пуд соли...

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

Книга опального писателя

У пенсионерки Е. И. Тороповой из Костромы сохранилась редчайшая книга — первый том «Собрания оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева».

Имя автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву» в годы царствования Екатерины Второй было под строгим запретом. Только после смерти А. Н. Радищева издатель П. Бекетов выхлопотал разрешение напечатать некоторые произведения опального писателя. Однако выпускавшийся с 1807 по 1811 год шеститомник во время Отечественной войны 1812 года постигла беда: Бекетов предполагал пус-

тить в продажу сразу все собрание — шесть книг вместе, — поэтому и не продавал томики порознь, но когда весь тираж был отпечатан и сброшюрован, в Москве начались пожары.

Сгорел и книжный склад Бекетова с книгами Радищева. До наших дней дошли только единичные экземпляры. Наиболее редок из этого собрания первый том с портретом Радищева. Гравюра сделана превосходно. Не случайно она стала образцом для всех последующих изображений писателя. На костромском экземпляре есть надпись «Из книг князя А. Н. Вяземского».

Виталий ПАШИН

Обвал

Зимой 1911 года на Памире произошел необычный обвал. Он засыпал долину реки Бартанг, что в верховьях Аму-Дарьи, почти на пять километров. Обвалом засыпало селение Усой.

После обвала образовалось озеро. Ученые несколько раз поднимались на суровые выси Памира, чтобы исследовать озеро, плотину, образовавшуюся на Бартанге, за

которую может выплеснуться вода, если вновь произойдет обвал. Недавно гидрологи разместили на озере Сарезском серию автоматических стражей. Они станут оповещать жителей этого района о возможности схода горных лавин в чашу озера и прорыва грязекаменных потоков в долину...

Иван ОЗЕРОВ

Утюги, утюги, утюги...

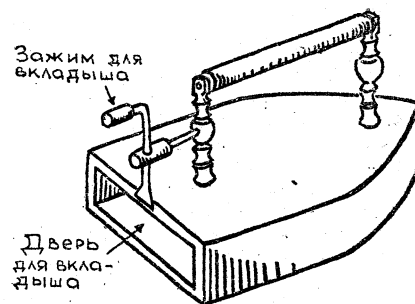
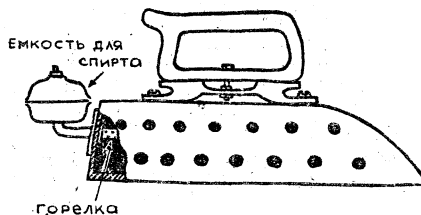
Лет пять назад работник Ленинградского метрополитена Юрий Борисович Гусев нашел старый угольный утюг, напоминающий своей формой старинный корабль. Решил прихватить эту ржавую вещицу с собой, чтобы дома, очистив от ржавчины и поворотив, соорудить из утюга оригинальную пепельницу. Но потом появился в квартире еще утюг, еще...

Так, с пепельницы и началась коллекция. Старых, а тем более древних утюгов становится все меньше и меньше. Вряд ли кто выбросит старый ненужный самовар — пожалеют, а утюги все выбрасывают, сдают в металлолом. Вот поэтому и осталось старых утюгов очень мало.

Ю. Гусев сумел собрать немало старинных, удивительных утюгов. Это — бронзовые и латунные утюги середины XVIII века с вкладышами. В тело утюга, в дверцу, щипцами вставлялся раскаленный чугунный вкладыш. Пользовались такими утюгами еще до изобретения угольных утюгов — до 1750-х годов. Редки и утюги со спиртовой горелкой, работающие по принципу паяльной лампы. Их имели люди состоятельные, так как стоили эти утюги очень дорого.

В коллекции много утюгов цельнометаллических — оригинальных по форме, с надписями, с клеймами, с орнаментом. Широко представлены угольные утюги, электрические — первых выпусков и современные.

Всего у Ю. Гусева около ста пятидесяти

ти утюгов самых различных видов. 90 наиболее интересных выставлены на стеллажах в квартире.

Ю. Гусев решил сделать альбомы с фотографиями экспонатов своей коллекции. «Идя в гости, утюги с собой не понесешь, а показать коллекцию хочется всем знакомым и друзьям», — говорит он.

На рисунках: утюг спиртовой и утюг с вкладышем.

Александр ПЕТРУНИН

На Байкале...

Каждый год уральские кинематографисты бывают на Байкале: то нужно рассказать о красотах озера, а то побывать у ученых, исследующих обитателей «славного моря», чудовищу, дно...

Сейчас идут съемки документального фильма «Священный Байкал». В картине идет разговор о создании территориально-производственного комплекса на северо-западном побережье озера, о проблемах, связанных с развитием здесь промышленности.

Валерий НОГИН

ДОКТОР

«Анна»

Царь-колокол,

Царь-пушка

Весной этого года посетители Московского Кремля не находили на своем постаменте великолепный памятник литейного искусства — знаменитую Царь-пушку, отлитую на московском пушечном дворе в 1586 году «лицом Андреем Чоховым». Ее вслед за Царь-колоколом, обновленным в 1979 году, реставрировали: была проведена расчистка внешней и внутренней поверхности ствола, воссозданы утраченные элементы рельефных украшений. Над этим работали мастера Мытищинского завода художественного литья.

Научным штабом уникальной реставрации стала кафедра материаловедения Военной академии имени Ф. Э. Дзержинского, где разрабатывались теория и методика ведения всех операций. Ее ученые в свое время проводили расчистку знаменитой пушки «Анна», памятника XVIII века, что хранится у стен Арсенала.

А. АЛЕКСАНДРОВ

А. ВАСИЛЬЕВ

Берестяная библиотека

«Поклон от Петра к Марье. Покошил я пожнию, а озеричи у меня сено отняли. Спиши список с курной грамоты да пришли сюда, чтобы по грамоте получить мне то, что причитается мне по праву».

«Поклон от Марины к сыну моему Григорию. Купи мне зендяницу добрую. А куны я дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, купи сам да привези сюда».

«Бьют челом крестьяне господину Юрию Онциферовичу о ключнике, потому что ничем не можем ему угодить...»

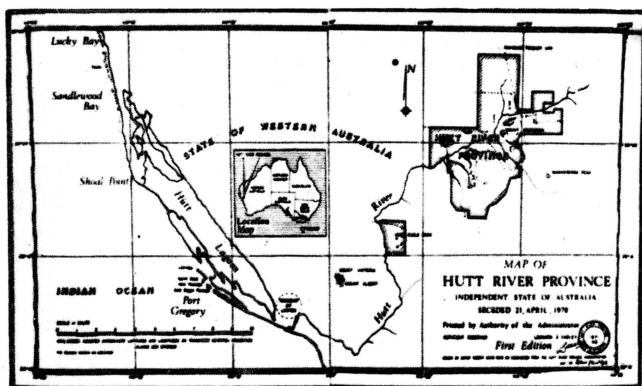
Стариной старинною,

былинной Русью, Новгородом веет от этих слов, поклонов и названий. Более шести с половиной веков тому назад было писано письмо Петра к Марье. В XIV—XV веках торговали в Новгороде зендяницей, заморской восточной тканью. О первых недобровольствах работного люда в конце XV века говорит писание крестьян господину Юрию Онциферовичу.

Эти и еще великое множество свидетельств, фактов, ценных и нужных историкам, сохранили для нас берестяные грамоты. Ныне находки их известны во

многих городах — Смоленске, Старой Руссе, Витебске, Пскове. Но первые, исписанные костяной или металлической палочкой, бересты были найдены в 1951 году в Новгороде.

С тех пор ежегодные раскопки на Новгородщине дали более 570 грамот. Почти все новгородские письма добыты специалистами Института археологии Академии наук СССР и МГУ. Они и составят основу «берестяной библиотеки» — музея древних рукописей, который решено создать в Новгороде.

А королева все молчит...

Однажды мне попала в руки монета. И ни в одном атласе я не нашел страны, выпустившей ее. В журнале «Вокруг света» (№ 6, 1977 г.) промелькнула публикация Б. Тишинского «Сам себе государство», однако она не ответила на все вопросы, связанные с этой монетой. Из статьи в «Вокруг света» узнал, где искать ответы. Пришлось обратиться к зарубежным материалам. По крохам собирал сведения об этих монетах, о «государстве», где они были выпущены.

В 1971 году в Австралии разразился грандиозный скандал. Газеты запестрели заголовками: «Куда смотрит правительство?», «Браво, Лен!»; «В тюрьму Его Высочество!».

А случилось вот что. В Западной Австралии в 10 миль от побережья Индийского океана есть ферма, которой владеет Леонард Кэсли. По австралийским масштабам ферма довольно крупная — 18 500 акров (около 7400 гектаров). Однако земли, годной для посева пшеницы, там не так уж и много.

В ноябре 1969 года Кэсли получил от правительства штата Западная Австралия уведомление о том, что ему на своей земле предписывается произвести 1647 бушелей пшеницы. Кэсли сел считать и получилось: чтобы выполнить этот план, ему, учитывая урожайность последних 20 лет, пришлось бы работать, как минимум, 500 лет.

Кэсли обратился к правительству штата с просьбой уменьшить квоту, объяснив всю смехотворность их планирования. Увы, правительство не пошло ему навстречу. Тогда он обратился в парламент Австралии. Ответ тоже был неутешительным.

Однако правительство не учло, с кем имеет дело. Кэсли засел за изучение законов, законодательных актов, статей конституции и пришел к выводу, что выход все же есть. И этот выход — в отделении от Австралийского Союза, объявление... независимости своей фермы.

21 апреля 1970 года Кэсли созывает семейный совет и официально объявляет об отделении своей фермы от Австралийского Союза, нарекая ее «Провинцией Хатт Ривер», себя он провозглашает «Главным администратором провинции». Он посылает правительству штата и парламенту Австралийского Союза официальный меморандум, подписав его своим новым званием.

Получив весьма уклончивый и неопределенный ответ, но адресованный «Главному администратору», он вздохнул с облегчением, так как по законам Австралии, если официальное лицо употребляет какой-либо титул или звание в официальной переписке, это означает, что титул признан официально. Но радость Кэсли была несколько преждевременной. В это время происходит смена кабинета министров, и новый премьер отказывается признать отделение фермы и превращение ее в независимую территорию.

Карта и монета «Провинции Хатт Ривер»

И снова Кэсли садится за законы, заглядывает в архивы, ищет прецеденты и... находит выход. Оказывается, если объявить себя не администратором, а принцем, а свою ферму назвать не провинцией, а княжеством, то никто, даже парламент, не в силах вмешаться во внутренние дела этого княжества.

И вот в марте 1971 года составляется официальный документ и направляется в парламент. Одновременно посылается другой документ королеве Великобритании Елизавете II. Принц Леонард Джордж Кэсли просит ее величество принять его и его княжество под ее высокое покровительство как члена Британского Содружества Наций.

В «княжество» хлынули толпы репортеров. Однако Кэсли был к этому готов. Запахло хорошим бизнесом. Срочно строится гостиница, открывается туристское бюро, местная лавка превращается в универсальный магазин, часовня превращается в приходскую церковь и так далее и тому подобное.

А время идет, королева не спешит с ответом. Но спешит, торопится принц Леонард. Он учреждает герб княжества, утверждает собственный флаг, который срочно шьет его старшая дочь. Кэсли придумывает свой гимн, проводится реорганизация административного деления фермы: холмы и пустоши делятся на графства и баронства, которые даруются «нужным людям». Так, низина, где Кэсли со временем собирался выкопать пруд и разводить уток и карасей, объявляется баронством Тусканским и жалуются американцу Джону Уитли, который ухитрился заказать выпуск почтовых марок в США.

Шли дни, недели, месяцы, королева молчала, своего благословения не высылала, но принца Леонарда это не смущало. Мало ли у королевы других дел, да и молчание женщин всегда считалось знаком согласия. Кэсли издает указ за указом. Он обращается в Организацию Объединенных Наций и просит допустить его младшего сына, принца, в качестве наблюдателя на очередную сессию Генеральной Ассамблеи.

В 1976 году Его Высочество вводит свою монетную систему и начинает чеканить монеты. Правда, покупать на них что-то друг у друга вроде бы неудобно — все же одна семья, свои люди, но ведь есть еще и нумизматы?! В Лондоне, в Австралии, Макао, Гонконге, на Филиппинах, в Японии, США и Канаде Кэсли открывает свои дипломатические представительства-консульства. Он задумывается о создании международного аэропорта, благо, подходящая лужайка для этой цели еще осталась. А где аэропорт, там и таможня. Необходимы рестораны, банк, гостиницы. Тут мелочью не отделаешься, нужны банкноты. Подумывает принц о своей полиции. А где полиция, там и гангстеры. Поэтому нужна будет своя тюрьма...

Планов много, а королева все молчит...

Игорь
ВИКТОРОВ

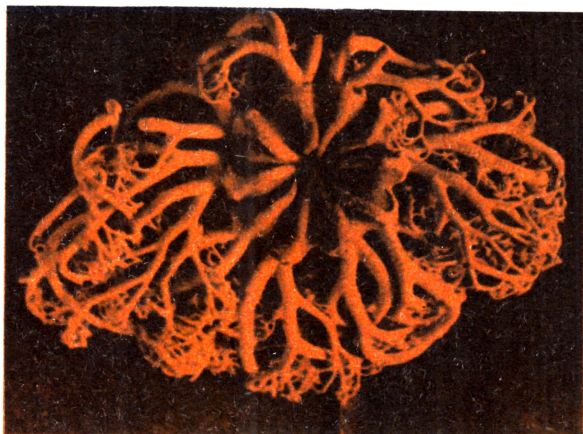
Барельефы

В прежние времена народные мастера использовали для создания скульптурных портретов пчелиный воск, в который они добавляли крахмал, белила, смолы, бараний жир...

Мастером восковой скульптуры был Федор Петрович Толстой — выпускник Морского учи-

лища, мичман гребного флота. До него никто не создавал восковых барельефов. Больше года затратил он на лепку первого воскового барельефа, посвященного Отечественной войне 1812 года. Затем он создал серию — около сорока штук — барельефов, которые теперь хранятся в Русском музее. Лучший из них — «Бегство Наполеона за Неман».

П. ВАСИЛЬЕВ

Букет цветов со дна моря

У этого удивительного животного множество древовидных «рук» лимонного цвета. Они расходятся из-под темно-красного диска во все стороны. Извиваясь, как змейки, «руки» образуют оригинальный цветочный букет. В засушенном виде обитатель морского царства напоминает корзину цветов.

В глубокой древности это животное теплых морей получило имя Горгоны — мифического существа, у которого вместо волос змейки на голове. В научной литературе его называют горгоноцефалусом.

Советские зоологи располагают несколькими образцами горгоноцефалуса.

На снимке: горгоноцефалус, добытый в Тихом океане.

В. КРИВОШЕИН

Диорама

«Альпийский поход»

В музее-заповеднике А. В. Суворова в селе Кончанском на Новгородщине установлена диорама. Она состоит из живописного поля (холст, масло) размером 4 на 17 метров и натурального плана глубиной полтора метра.

Авторы первой советской диорамы на суворовскую тему художники ордена Красной Звезды Студии имени М. Б. Грекова народный художник СССР П. Т. Мальцев, заслуженные художники РСФСР А. И. Интезаров и Ф. П. Усыпенко с большим мастерством воспроизвели яркую страницу истории русской воинской славы — бой у Чертова моста.

Произведение, посвященное суворовским чудобогатырям, установлено в здании, откуда великий русский полководец отправился в альпийский поход в 1799 году.

В. СТРЕЛКОВ

Офис без бумаг

Трудно представить себе учреждение, лишённое деловых бумаг. Тем не менее, нашлись люди, которые осуществили эту идею.

Опытное «безбумажное» учреждение открылось не так давно в Вашингтоне. Контора полностью автоматизирована. Деловые письма, на-

пример, здесь не пишут — диктуют машинам, а затем текст передают со скоростью двух страниц в минуту в любую часть мира.

Если подобные конторы приживутся, расход бумаги в учреждениях резко снизится.

Г. ВАЛЕНТИНОВА

Деревянные гиганты

Парусники с металлическими корпусами начали строить только в начале XIX века, а до того по морям и океанам ходили лишь деревянные суда.

Одним из крупнейших деревянных судов в мире была шестимачтовая шхуна «Вайоминг», построенная в 1909 году. Ее грузоподъемность — 5300 тонн, длиной по килю она была 100,4, шириной — 15,27, высотой борта — 9,26 метра. Гигантом была и шестимачтовая шхуна «Орегон Фэа» грузоподъемностью 4200 тонн. Почти такими же по размерам были шестимачтовые шхуны «Орегон Пайн», «Форт Ларамии» и «Джордж У. Уэллс». Все эти деревянные шхуны были построены в начале XIX века.